

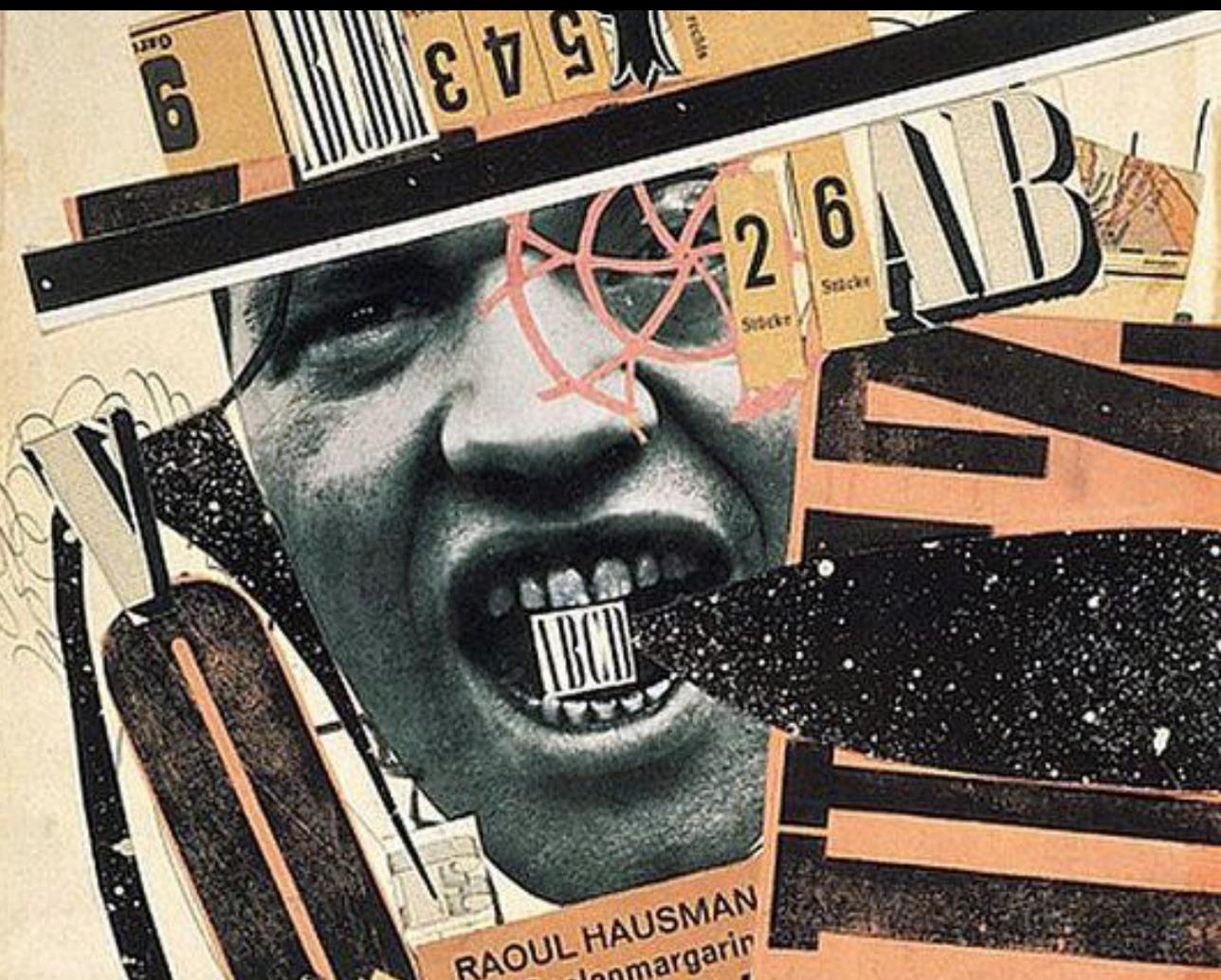
interaction интеракция

interview интервью

interpretation интерпретация

INTER

2023

Рауль Хаусман, ABCD, 1923-1924

Источник: <https://ru.pinterest.com/pin/193232640251491429>

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2023. Том 15. № 2
Interaction. Interview. Interpretation
2023. Volume 15. No. 2

ISSN (Online) 2687-0401

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2023. Том 15. № 2

DOI: 10.19181/inter.2023.15.2

Учредители Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Издатель Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	А. В. Ваньке Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Ответственный секретарь	П. Е. Сушко
Технический редактор	О. Н. Салангина
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International Public License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

9 772687 040006 >

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2023
© Interaction. Interview. Interpretation, 2023

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Ответственный секретарь

СУШКО Павел Евгеньевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkope@mail.ru

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

- СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна** — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru
- СУШКО Павел Евгеньевич** — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkope@mail.ru
- ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- ЧЕРНОВА Жанна Владимировна** — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru
- ЧЕРНЫШ Михаил Федорович** — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru
- ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна** — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru
- ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна** — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Executive Secretary

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiaraskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

- [Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA](#) — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com
- [Anna V. STRELNIKOVA](#) — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru
- [Irina N. TARTAKOVSKAYA](#) — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- [Alexandrina V. VANKE](#) — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	9
Теоретические дискурсы и дискуссии	11
<i>Анна Жемчугова, Ирина Чудова</i> Терапевтический дискурс психологов в кризисных условиях: нормализация не-действия.....	11
<i>Ольга Бредникова</i> (Не)новые вопросы в новых условиях (методологические и этические проблемы в исследованиях беженцев из Украины).....	34
Исследовательская рефлексия	51
<i>Мария Желизнык</i> Онлайн фокус-группы: методическая рефлексия.....	51
Полевые исследования	72
<i>Мария Сергиенко</i> Дневник поездок как метод изучения транспортного поведения населения.....	72
Эссе	96
<i>Марина Семина</i> Экспериментально-художественные форматы как креативные практики в преподавании социологии.....	96
Рецензии и обзоры	116
<i>Лариса Петрова</i> Качественные учебники — для качественных исследований.....	116

Contents

Editor's Letter	9
Theoretical Discourses and Debates	11
<i>Anna Zhemchugova, Irina Chudova</i> Therapeutic Discourse of Psychologists in the Context of Crisis: Normalization of Non-Action.....	11
<i>Olga Brednikova</i> (Not)New Questions in New Contexts (Methodological and Ethical Problems in the Studies of Refugees From Ukraine)	34
Research Reflection	51
<i>Maria Zheliznyk</i> Online Focus-Groups: Methodical Reflection	51
Field Work Research	72
<i>Maria Sergienko</i> Travel Diary as a Method to Study Transport Behavior of the Population.....	72
Essay	96
<i>Marina Semina</i> Experimental Art-Based Formats as the Creative Practices of Teaching Sociology	96
Reviews	116
<i>Larisa Petrova</i> Quality Textbooks for Quality Research.....	116

Письмо редактора

Множественный глобальный кризис привел к тому, что повседневная жизнь обычных людей в мире изменилась. С одной стороны, ситуация кризиса влечет за собой повсеместное ухудшение социального положения субординированных социальных групп. С другой стороны, она открывает возможности для пересмотра и развития методологий, подходящих для изучения повседневности в трудные времена. Новая социальная реальность, которая начала складываться в России под воздействием пандемии, а затем — в контексте военных действий, требует рефлексивного применения качественной методологии для ее изучения. Этот номер журнала посвящен обсуждению подходов, методов и этики исследования повседневности российского общества в турбулентный период. Вошедшие в номер статьи продолжают начатую ранее на страницах ИНТЕРа дискуссию о классических и инновационных практиках сбора, анализа и представления качественных данных в эпоху социальных изменений.

Номер открывает рубрика «Теоретические дискурсы и дискуссии» со статьями, осмысляющими эмоциональные и моральные аспекты жизненного опыта людей в России после 24 февраля 2022 года. Статья Анны Жемчуговой и Ирины Чудовой содержит результаты критического анализа терапевтического дискурса психологов, формирующегося в кризисных условиях. Основываясь на данных интервью с практикующими психологами и материалах социальных сетей, авторы приходят к выводу, что в русскоязычном сегменте терапевтический дискурс зачастую способствует нормализации «не-действия» в ситуации кризиса.

Продолжает обсуждение вопросов эмоциональности и морали статья Ольги Бредниковой, которая рассматривает этические дилеммы, возникающие при изучении жизненного опыта беженцев из Украины социологом из России. Статья представляет подход вовлеченного исследования, при котором социолог одновременно оказывает помощь беженцам как волонтер и изучает их пережитый и проживаемый опыт. Как не виктимизировать беженцев, если социолог придерживается гуманистического подхода в исследовательской практике? Какие дисбалансы власти возникают между исследовательницей и участниками исследования? Эти и другие вопросы автор поднимает в статье.

Рубрика «Исследовательская рефлексия» представлена статьей Марии Желизнык об особенностях применения онлайн фокус-групп, которые приобрели популярность на волне пандемии COVID-19. В силу расширения технологических возможностей фокус-группы, проводимые онлайн, позволяют решить ряд методических проблем, таких как ограниченность бюджета проекта и доступ к участникам исследования, проживающим в труднодоступных районах. Автор заключает, что, несмотря на распространенность, онлайн

фокус-группы требуют более глубокой методической рефлексии в российской социальной науке.

Статья Марии Сергиенко об особенностях дневника поездок как метода изучения транспортного поведения пополняет рубрику «Полевые исследования». В ней рассматриваются достоинства и недостатки дневников, заполненных от руки, автоматически и полуавтоматически. На основе эмпирического исследования автор приходит к выводу, что для изучения транспортного поведения населения оптимален дневник, совмещающий в себе ручную и автоматическую обработку.

В эссеистическом жанре Марина Сёмина описывает экспериментально-художественные форматы представления результатов социологических проектов, проведенных с помощью качественных методов. Автор приводит примеры из своей практики преподавания социологии студентам высших учебных заведений. Завершает номер рецензия Ларисы Петровой на два учебных пособия «Как собрать данные в полевом качественном исследовании» и «Практики анализа качественных данных в социальных науках».

В этом номере мы приглашаем читателей подумать о том, какие методологии и методы позволяют наиболее продуктивно фиксировать и осмыслять повседневную жизнь в трудные времена.

Приятного медленного чтения!

Редактор номера
Александрина Ваньке

Теоретические дискурсы и дискуссии

DOI: 10.19181/inter.2023.15.2.1

EDN: DQDPAD

Терапевтический дискурс психологов в кризисных условиях: нормализация не-действия

Ссылка для цитирования:

Жемчугова А. В., Чудова И. А. Терапевтический дискурс психологов в кризисных условиях: нормализация не-действия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 2. С. 11–33. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.1> EDN: DQDPAD

For citation:

Zhemchugova A.V., Chudova I.A. (2023) Therapeutic Discourse of Psychologists in the Context of Crisis: Normalization of Non-Action. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 2. P. 11–33. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.1>

Жемчугова Анна Валерьевна

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия;
независимый исследователь, Бат-Ям, Израиль
E-mail: a.zhemchugova14@gmail.com

Чудова Ирина Александровна

Независимый исследователь,
Алматы, Республика Казахстан
E-mail: dauza14@gmail.com

В настоящем исследовании рассмотрен терапевтический дискурс, который представлен в текстах психологов в контексте кризисных условий, связанных с российской и мировой новостной и событийной повесткой в конце февраля — апреле 2022 года. Цель исследования состояла в том, чтобы раскрыть и описать содержание терапевтического дискурса, выявить, к каким способам (стратегиям) нормализации кризисных условий он прибегает, и случается ли обратное — когда происходящие переломные события заостряются в качестве проблемы. Был проведен анализ материала блогов (русскоязычных

текстов психологов, размещенных в социальных сетях за период с конца февраля по начало марта 2022 года) и интервью с практикующими психологами (11 интервью, март — апрель 2022 года). Критический дискурс-анализ позволил выявить и описать специфику, характерные словарь и идейные ориентиры терапевтического дискурса в кризисных условиях, обнаружить его интердискурсивность. Отдельный акцент был поставлен на описании терапевтического дискурса по отношению к общественно-политическому, этико-моральному и другим соседствующим дискурсам, выявлены следующие присущие терапевтическому дискурсу стратегии нормализации ситуации кризиса: «герметизация», «переописание», «переключение внимания», очерчена также противоположная дискурсивная стратегия — «проблематизация». Кроме того, рассмотрены рекомендации психологов (так называемые техники) в соотношении с тем, как в текстах трактовались события, происходящие после 24 февраля 2022 года, с точки зрения их нормализации.

Ключевые слова: дискурс терапии; терапевтизация; терапевтическая культура; словарь дискурса; идейные ориентиры; интердискурсивность; стратегии нормализации; стратегия проблематизации

Терапевтический поворот и терапевтизация: общие очертания тенденции

Современные диагносты актуальных социальных тенденций говорят о нарастании «терапевтизации» обществ в связи с популяризацией психологических знаний и практик [Illouz, 2008; Лернер, 2011]. Зарубежные аналитики, подчеркивая влияние дискурса терапии и его проникновение в повседневность, характеризуют ситуацию в социальном и социологическом знании как «эмоциональный детерминизм» и «терапевтический поворот» [Симонова, 2018]. Речь идет также о «культуре терапии», подразумевающей регулярное посещение психотерапевтов и психологов, обращение к научно-популярной психологической “selfhelp” литературе. Согласно Ф. Фуреди, культура терапевтична, если все области жизни становятся ее предметом, то есть способ мышления и дискурс находят распространение за рамками отношений между клиентом и психотерапевтом и, что немаловажно, формируют общественные представления по различным вопросам [Furedi, 2004]. Мы полагаем, что «культура терапии» как сочетание дискурсов и практик постепенно входит также и в российскую действительность¹.

В российском контексте исследование «терапевтической культуры», как и ее внедрение, сравнительно ново, однако можно говорить о растущем интересе к теме в научной среде. Так, П. Аронсон, ориентируясь на терапевтический

¹ Отмечают, что количество обращений граждан за квалифицированной психологической помощью в России в 2020 году выросло на 89% по сравнению с 2019 годом [Исмагилова, 2022]. В социальных сетях основными темами, с которыми работают психологи, являются отношения в паре, отношения родителей и детей, прогресс в профессии или карьере и материальное благополучие [Солдатова, 2021].

поворот, развивает диагностику социальной жизни в терминах «эмоционального капитализма». Ключевая его характеристика состоит в том, что логика экономической эффективности и получения выгод преобладают во всех сферах человеческого существования. Эмоции становятся предметом торговли и способом получения прибыли — в том числе нематериальной (как известно, покупая платье, мы покупаем положительную эмоцию, а не просто вещь). Дискурс терапии органичен логике эмоционального капитализма. Культивируя внимание к своему внутреннему состоянию, самости [Добровольский, 2019], потребитель ищет удовольствий и эмоционального благополучия, что оказывается если и достижимым, то кратковременным. «Идея выбора того, кем мы хотим быть, императивная идея “быть собой” начали работать против нас, превращая нас не в свободных людей, а во все более тревожных и жадных» [Аронсон, 2020: 20]. Так, тревожное эмоциональное состояние приходится «купировать» в терапии, с помощью которой осуществляется поиск эмоционального комфорта.

Считается, что терапевтическая культура задает и укрепляет восприятие себя в качестве клиента во всех жизненных сферах — отдельного Я, задающего себе вопросы: что я сейчас для себя хорошего могу сделать и что могу получить для себя? По всей видимости, терапевтическая культура и присущий ей дискурс построены на особом сочетании рационального отношения к эмоциям и акценте на индивидуальном рефлексивном «Я» — обращаясь к терапии, клиент стремится познать себя, свои эмоции и освоить приемы самоменеджмента [Бариле, 2015]. Терапевтический дискурс и практики в целом встроены в процессы индивидуализации и, несмотря на то что актуализируют внимание к переживаниям эмоций, воссоздают расчетливое сознание и менеджерски ориентированных индивидов [Brossard, Sallee, 2020]. Эти ориентиры, как полагают аналитики, постепенно проникают в самые разные и изначально нерыночные области — семейную жизнь, отношения дружбы, восприятие своей гражданской позиции и т.д. В настоящем исследовании данное соображение представляется особенно значимым.

В контексте терапевтизации получает распространение убежденность, что источники социальных проблем кроются именно во внутреннем мире индивида, поэтому они должны решаться соответственно, путем его регуляции, так как «я — единственный источник своего счастья или несчастья» и «только я несу ответственность за свое состояние». Ю. Лернер также видит в этом симптом процесса индивидуализации, в результате которого «социальные проблемы все более воспринимаются в терминах психологических установок: как личная неадекватность, чувство вины, тревоги, конфликты и неврозы» [Лернер, 2011: 5].

Так возникает терапевтическая модель Я (Self) — продукт психологического знания и дискурса, встроеного в институты (эмоционального) капитализма, ориентированный на актуальное управление своей жизнью, в том числе эмоциональной, с присущей ему жизненной стратегией на минимизацию страданий с помощью «терапии» [Brossard, Sallee, 2020]. Терапевтической культуре соответствует типаж человека психологического, это «технократ,

убежденный в том, что применение правильных средств в правильное время может распутать темную природу наших эмоций» [Аронсон, 2020: 24].

Тенденции терапевтизации, очевидно, усиливаются в антураже и посредством развития современных медиакоммуникаций. Современные медиа дают возможность вещания множеству психологов разного уровня профессионализма, призывающих неустанно реализовывать заботу о себе [Vuolanto, 2020]. Медиасреда способствует популяризации дискурса терапии, а платформы для производства нарративов удобны не только для освоения данного дискурса, но и для осмысления и манифестации себя в его терминах. Поскольку «манифестация самости становится чрезвычайно значимой для человека позднего модерна» [Добровольский, 2019: 243], современные пользователи интернета и социальных сетей тематизируют свое Я в терминах терапии. Вероятно, это связано с органичностью данного дискурса упомянутым выше трендам, его Я-центрированностью. Как пишет О. Симонова, «научная и практическая психология, психотерапия оказываются одним из доступных языков говорения об эмоциях на обыденном уровне» [Симонова, 2018: 371]. Кроме того, получают распространение всевозможные «терапевтические» сообщества, блоги, так называемые женские круги и т.п., которые предлагают эмоциональную поддержку, а также «нормализуют» и «объясняют» повседневность посредством реализации различных практик.

Терапевтизация обществ происходит на фоне актуальных мировых событий, создающих перманентную ситуацию неопределенности и переживаний. Согласно Симоновой, «осознание рисков, сопровождающих социальные изменения, выражается в усилении страха и тревоги, озабоченности будущим» [Симонова, 2018: 371], что, возможно, подстегивает дискурс терапии к интенсификации и в то же время дает основания для поиска его интердискурсивных стратегий. Контекст настоящего исследования составили события после 24 февраля 2022 года, которые мы обозначаем в статье как кризисные условия, понимаемые как значительное коллективное потрясение, в восприятии и интерпретации которого дискурс терапии занимает или способен занять значимое место.

Дискурс терапии в контексте кризисных условий: содержание и стратегии

Информационной базой для нашего исследования выступили тексты психологов в социальных сетях, доступные широкому кругу читателей (находятся в открытом доступе, могут быть найдены по тегам и т.п.). Мы включили в рассмотрение тексты тех авторов, которые имеют собственную аудиторию подписчиков и регулярно размещают сообщения, взаимодействуют со своей аудиторией как с читателями и потенциальными клиентами. Тексты отбирались по следующим критериям: а) количество подписчиков на личный профиль в одной из популярных социальных сетей — не менее 10 тыс. человек; б) «активный» профиль — дата последней публикации до февраля

2022 года не позднее 1 января 2022 года, частота публикаций: раз в месяц или чаще; в) автор — практикующий психолог — есть возможность связаться с ним и записаться на консультацию¹. В соответствии с заявленными критериями мы отобрали 23 текста, размещенных с февраля по март 2022 года. Данный период представляется нам наиболее показательным в отношении кризисных условий, ярко отраженных в тот момент в новостной повестке.

Мы осознаем, что терапевтический дискурс в контексте его звучания в массовой литературе и онлайн-среде становится популяризованным и его только отчасти можно связать с практиками консультирования психологов. В этой связи информационная база была дополнена серией интервью (все-го 11 интервью, проведены онлайн, доступная выборка) с практикующими психологами различных направлений терапии, консультирующими клиентов из России. Нам показалось значимым обнаружить созвучия в онлайн-текстах и высказываниях психологов в интервью, чтобы уточнить содержание терапевтического дискурса в разных ситуационных контекстах.

Объект исследования был обозначен как терапевтический дискурс психологов в кризисных условиях. Наше намерение состояло в описании специфики содержания, то есть словаря и идейных ориентиров дискурса терапии в актуальных кризисных условиях, а также в выявлении стратегий, присущих терапевтическому дискурсу в отношении смежных дискурсов. В том числе было рассмотрено, какие рекомендации, техники self-help и заботы о себе будут предложены психологами в качестве дискурсивной реакции на события конца февраля 2022 года, повлекшие коллективное потрясение.

Словарь и идейные ориентиры терапевтического дискурса в кризисных условиях

Распространение терапевтического дискурса в культуре и соответствующий ему «поворот» внимания социальных ученых были упомянуты нами в описании теоретических основ настоящего исследования. В нашем понимании содержания терапевтического дискурса мы опираемся на работы коллег в этой области — Е. Иллуз, Ю. Лернер, П. Аронсон и других. Специфика актуальных условий в России предполагает рассмотрение составляющих и стратегий данного дискурса с возможными акцентами, свидетельствующими об остроте и нетипичности событий, происходящих после 24 февраля 2022 года. Если дискурс терапии изначально ориентирован на преодоление личностного кризиса, то в нынешних условиях он столкнулся с коллективным потрясением, и нам представляется значимым очертить содержание дискурса с уточнением возможных характерных акцентов.

Для раскрытия специфики содержания терапевтического дискурса в кризисных условиях был выявлен его словарь и идейные ориентиры. Обращение

¹ Отметим, что в социальной сети имеет место самопрезентация в качестве консультирующего психолога, но не всегда есть информация об образовании, сертификации предоставляемых услуг консультирования.

к словарю и скрепляющим его идейным ориентирам отвечает принципам критического дискурс-анализа, в котором дискурс образован как сплетение словоформ и идеологем [Fairclough, 2003]. Представленные в текстах термины связаны между собой и прямо или опосредованно указывают на идейные ориентиры, то есть на присущую данному дискурсу идеологию [Чудова, 2022].

В Таблице 1 представлен словарь терминов, специальных слов, типичной лексики, которая была выявлена в рассмотренных текстах, опубликованных психологами в социальных сетях в феврале — марте 2022 года.

Таблица 1

**Словарь терапевтического дискурса в кризисных условиях.
Некоторые акценты**

Категория	Частота (сколько раз встретилось)	Значение в дискурсе
«чувства», «чувствовать», «эмоции» «беспомощность» «злость» «ярость» «боль» «бессилие» «гнев» «страдания»	44 5 4 4 4 4 3 3	Терапевтический дискурс имеет дело с эмоциональным состоянием клиента, предлагает различные техники работы с собственным состоянием клиента. «Чувства» в кризисных условиях представлены спектром, раскрывающим переживание происходящего.
«тревога», «тревожность»	26	Наличие подобных словоформ можно трактовать как обобщенное описание переживания кризисного состояния, используется терапевтический синоним страха, подверженность страху.
«страх»	16	В терапевтическом дискурсе чувство страха понимается в качестве отражения внутреннего состояния смятения: страх за «будущее», страх за физическую, материальную безопасность и т.д.
«поддержка» «заботы» «о теле» «о психике» «обнимать друг друга» «сочувствие»	16 7 11 4 5 1	Данная словоформа в терапевтическом дискурсе используется по отношению к самому себе и реже — к другим.
«дышать», «вдыхать и выдыхать», «дыхание», «вдооооо-выдооооо»	14	Регулярно упоминаемая в терапевтическом дискурсе техника работы над собой, самопомощи через тело, которая, очевидно, ориентирована на выход из состояния тревоги и страха.

Окончание табл. 1

Категория	Частота (сколько раз встретилось)	Значение в дискурсе
«контроль» «ресурсы» «позитив»	12 5 2	В терапевтическом дискурсе подразумевается умение распределять ресурсы, в изучаемых кризисных условиях «контроль» отсылает прежде всего к преодолению состояния страха и тревоги, стремление к «позитиву» как маркеру комфорта.
«ограничивать», «ограничить» «переключиться» разрешить себе»	11 3 2	В соседстве со словоформой «контроль» отсылает к необходимости регуляции, дозирования информации и контактов в кризисных условиях, включает навык перенаправления внимания, способность, антонимом становится обратное состояние — «разрешить себе».
«переживания» «ощущения» «клиент»	11 4 2	В данном дискурсе переживания трактуются как «чувства» и «ощущения» «клиента», нуждающиеся в проговаривании, проработке с помощью различных техник.
«отношения» «ресурсы» «потеря» «травма»	11 5 7 4	Взаимодействия с другими в терапевтическом дискурсе построены в логике обмена, накопления «ресурса» и избегания «травмы» и «потерь».
«уважение», «уважать»	7	В настоящем дискурсе понимается как соблюдение личных границ в отношении к другому мнению, в том числе касательно эмоций, возникающих в кризисных условиях.
«успокоиться» «выгорание» «истощение»	9 1 1	В текстах психологов «успокоиться» — одна из ключевых рекомендаций в кризисных условиях, «избавиться» от тревожности и не дойти до «выгорания» и «истощения».
«агрессия»	9	В контексте кризисных условий чувство, предполагающее активное неприятие происходящего, имеет характерный милитаристский оттенок.
«принятие» «адаптация»	8 5	В терапевтическом дискурсе понимается как отсутствие агрессии и в целом активной реакции, «адаптация» к ситуации.
«техника»	7	Рекомендация психолога по реализации работы над собой для выхода из состояния тревожности и преодоления негативных чувств и состояний.

Жемчугова Анна Валерьевна, Чудова Ирина Александровна. Терапевтический дискурс психологов...

В этой фразе автор презентует место размещения терапевтического дискурса — это жанр в медиасреде, однако специфика жанра описывается именно в терминах выстраивания и поддержания личностных границ, то есть идейного ориентира автономии отдельных Я, независимо от контекста происходящего.

«Зачем делать то, что только забирает вашу энергию и разрушает вас?» (Текст № 23).

Данное суждение открывает нам идейный ориентир ресурсно-ориентированного Я, которое в терапевтическом дискурсе экономит и накапливает «энергию» в качестве своего главного интереса [Аронсон, 2020]. В кризисных условиях психолог призывает к не-действию, вернее, к реализации только и именно тех действий, которые помогают сохранить себя, посвящены заботе о себе.

«Психологическая адаптация дарит вам возможность использовать внешние обстоятельства для внутренних изменений и, возможно, познакомиться с “новым собой”» (Текст № 2).

Данное высказывание очень показательное — оно открывает специфику восприятия случившихся кризисных событий в терапевтическом дискурсе: необходимо адаптироваться к условиям, не стремиться преобразовать ситуацию, более того, использовать возникший кризис для саморазвития, для установления новых отношений со своим Я.

Мы обнаружили, что смысловое ядро терапевтического дискурса в кризисных условиях состоит в идее «принятия» происходящего:

«Есть обстоятельства, которые нам неподвластны. Если мы не в силах изменить ситуацию и не можем что-то исправить, то нам остается или сдаться или принять. А как мы видим иногда и сдаться не ВЫХОДИТ» (Текст № 8).

«С принятием — значит, не будет сопротивления, значит все сложится наилучшим для нас образом» (Текст № 1).

«Принятие» приносит «успокоение», в таком состоянии человек чувствует себя гораздо лучше, накапливается его «ресурс», он способен мыслить «положительно», «позитивно». В терапевтическом дискурсе в кризисных условиях можно подчеркнуть в качестве особо значимых такие идеи, как забота о теле, техники самопомощи, внутренние ощущения, поддержка себя, осознанность, контроль над эмоциями, и т.п. Иначе говоря, воспроизводятся все узнаваемые составляющие терапевтического дискурса, описанные в работах его исследователей [Аронсон, 2020; Лернер, 2011; Симонова, 2018], несмотря на экстраординарность обстоятельств.

Отвечая на вопрос о миссии, значении, задачах, психологи в интервью акцентировали внимание на том, что у них «помогающая» профессия и все ориентировано на то, чтобы «сделать жизнь лучше» посредством работы с чувствами и эмоциями клиента, проработки травм и обсуждения волнующих ситуаций, что демонстрирует следующая цитата:

«Наверное, сохранить вменяемость наших клиентов, не дать им провалиться в травму, потому что то, что сейчас вот происходит — это, по сути, коллективная травма. Также, как вот поколение Второй мировой. И, скажем так, последствия мы будем чувствовать еще довольно долго. И вот наша задача сейчас — это не дать каждому отдельному человеку провалиться очень глубоко в эту травму и помочь сохранять человеку связь с реальностью, строить новые опоры, потому что старые очень часто перестают сейчас работать» (информант № 2).

В контексте кризисных условий психолога и клиента объединяет то, что каждый из них как человек имеет свои потенциальные и реальные сложности, переживания, оценки. В таком случае перед психологом встает вопрос сохранения профессиональной роли и образа или выхода за его рамки — к морально-этическому, общественно-политическому — в собственных текстах, высказываниях. Приоритетом для психолога в данном случае становится “сделать легче”, минимизировать эмоциональные “потери”, оказывать помощь человеку вне зависимости от его взглядов.

«При работе с клиентом лучше не озвучивать свою позицию. Если клиент спросит конкретно — “а что вы думаете”? Тут, конечно, от случая... Тогда можно еще как-то осветить, в целом. Личную позицию, ну, не очень этично, наверное, озвучивать, потому что все-таки психолог для клиента может быть таким человеком, на которого в какой-то степени нужно ориентироваться» (информант № 4).

«А в плане, если говорить про последние события, может ли специалист выразить мнение? Я думаю, что может. Ну, опять же, вне рамок терапии, там, не знаю, ходить куда-то на митинги либо писать что-то. Ну, как бы это выбор человека, вроде. Типа в демократической стране живем» (информант № 4).

Проведенный анализ позволяет сказать, что в кризисных условиях терапевтический дискурс по своему содержанию остается симбиозом терминов и идей психотерапии и идеологии общества потребления или эмоционального капитализма, что согласуется с теоретическими положениями в исследовании данной тематики [Illouz, 2008; Furedi, 2004]. Специфика сегодняшнего состояния дискурса, однако, проявляется в том, что смещены некоторые акценты в терминах, больший вес у слов-состояний, характеризующих актуальные кризисные переживания, спектр упоминаемых эмоций указывает на общую

кризисность, нетипичность обстановки. В этой экстраординарной ситуации решения, выходы, предлагаемые терапевтическим дискурсом, впрочем, весьма типичны для него — направлены в основном на самоуспокоение и помощь себе.

В то же время мы полагаем, что ситуация кризиса, возникшая после 24 февраля 2022 года, провоцирует случаи выхода терапевтического дискурса за свои границы, когда психолог преодолевает/нарушает границы терапевтического дискурса — возможно, в силу собственных убеждений и подверженности коллективному потрясению. В этот момент словарь дискурса терапии наполняется другими, нетерапевтическими или не вполне терапевтическими суждениями. Далее рассмотрим, какие отношения терапевтического дискурса возникают со смежными дискурсами, проявившимися в сегодняшних кризисных условиях.

Интердискурсивность — отношения терапевтического дискурса со смежными дискурсами

В процессе анализа в текстах психологов были выявлены характеристики, фрагменты словарей смежных, соседствующих с терапевтическим дискурсов. Тексты психологов, опубликованные в конце февраля — марте 2022 года, отличаются высокой степенью интердискурсивности — вероятно, это связано с кризисными условиями, в которых, как мы предполагаем, происходит смешение дискурсов. Идентификация соседствующих дискурсов здесь условна, основана на обнаружении элементов тематизаций, то есть слов и словосочетаний, не принадлежащих терапевтическому дискурсу.

В Таблице 2 перечислены нетерапевтические дискурсы, представленные в текстах психологов, зафиксированы фрагменты их словарей и некоторые характерные черты.

Таблица 2

Нетерапевтические (смежные) дискурсы в текстах психологов

Дискурс	Словарь	Характерные черты
Общественно-политический	«перемены в обществе», «стабильность», «мировая ситуация», «попытки переубедить», «другая реальность», «сироты», «за гранью нищеты», «население», «новейшая история», «открытое письмо»	Опирирует обобщенными социально-политическими и публицистическими терминами, фиксирует общественные состояния и тенденции, в том числе общественную дискуссию, общественное участие.
Милитаристский	«реальная угроза», «бунт», «разрушения», «нападать», «агрессор», «боевые действия», «враги», «бомбить», «спецоперация», *****	Тематизация военных действий, их локализации и повсеместности, присутствует официальная, заданная политическим курсом терминология описания происходящего.

Дискурс	Словарь	Характерные черты
Этико-моральный	«ценности», «добрые», «заботливые», «милосердие», «гуманитарная катастрофа», «разум и человечность», «принимающие руки», «сострадание», «сгорать от стыда», «большое горе», «сочувствие», «ответственность»	Актуализирует вопросы морали, моральных оценок и чувств, коллективен, подразумевает присутствие Я и Мы и их взаимоотношения.
Религиозно-мистический	«мучения», «с Богом», «Пространство», «Закон сохранения Жизни», «каждое Я является частью Мира», «помолитесь», «молитвословы», «вера»	Отсылает к области надмирского, абстрактен, догматичен, полон обобщающих и объясняющих суждений, субъект трансцендентен.
Повседневности	«выпила кофе», «позвонила маме», «почитать книжку своему ребенку», «уход за котами», «сестра мужа», «у меня тут двое детей».	Конкретен и наполнен подробностями каждодневных событий, дел и их участников.
Личностный	«мне сложно находить слова», «я в изумлении», «я разбита и раздавлена», «было сложно и страшно».	Дискурс эмоционирующего субъекта, артикулирующего свои чувства, но не предлагающего их объяснений или проработку (чем отличается от терапевтического дискурса).

В текстах были выделены некоторые интердискурсивные утверждения, в которых особенно наглядно преодолеваются границы терапевтического дискурса, обнаруживается их подвижность. В дискурс-анализе выделяют так называемые элементы — это знаки, которые полностью не зафиксированы, еще не перешли в «узловые точки» [Филиппс, Йоргенсен, 2008]. Мы полагаем, что элементы характерны именно для случаев интердискурсивности, например:

«ПАНИКА ПОРОЖДАЕТ ХАОС! А хаос — это всегда война! Война начинается изнутри, с отсутствия БЕЗОПАСНОСТИ, с потери ВЕРЫ!»
(Текст № 1).

В подобных высказываниях мы видим соединение, даже переплетение терапевтического и ряда смежных дискурсов. Практикующий психолог прибегает к композиции элементов, присущих милитаристскому, общественно-политическому и религиозно-мистическому дискурсам, не отрицая идейных ориентиров терапевтического дискурса, переводя ракурс на внутреннее состояние Я. На Рисунке 2 представлена визуализация интердискурсивности — в центре терапевтический дискурс и соседствующие с ним дискурсы, словарь которых эпизодически вплетается в ткань текстов психологов.

«Поддаться всеобщей истерии и “сжигать” себя, воруя себя у близких и мира. Быть милосердным к себе...с тяжелым сердцем и печалью. Но хочу вас попросить не отказываться от своей жизни. Пусть там будут маленькие радости — выпила кофе, позвонила маме, сходила на прогулку» (Текст № 4).

В приведенном выше высказывании можно увидеть особый сюжет: морально-этический дискурс поглощен терапевтическим, и это усилено средствами дискурса повседневности.

«Окружайте себя позитивными и здравомыслящими людьми— загрузите мозг любой другой позитивной информацией — составьте план, что вы будете делать в случае возникновения реальной угрозы» (Текст № 15).

Показательно обозначение происходящего (кризисных условий) в текстах психологов средствами разных дискурсов — мы полагаем, что в возникшей неопределенности момента производится поиск, выбор категоризации — ситуация осложняется с учетом возникающих внешних ограничений цензуры. Множественность сопредставленных в текстах психологов дискурсов указывает на сложность восприятия и описания происходящих событий, на переживаемую кризисность условий. Однако отметим, что терапевтический дискурс, даже нарушая собственные границы, обретает себя, прибегая к различным стратегиям заимствования в интересах самовоспроизводства, что будет показано далее.

Стратегии нормализации кризисных условий — поддержание границ терапевтического дискурса

Наше исследование выявило, что терапевтический дискурс в кризисных условиях после 24 февраля 2022 года прибегает к семантически противоположно направленным стратегиям — построенным на принятии или отрицании кризисных условий в качестве посыла и/или эффекта для читателя. С этими стратегиями сопряжены и рекомендации техник выхода из кризиса (или их отсутствие). Подчеркнем, что данные стратегии выявлены нами с ориентацией на заданную теоретическую оптику в изучении терапевтического дискурса [Лернер, 2011; Furedi, 2004], однако с учетом специфики ситуации и рассматриваемого текстового материала получены собственные выводы, отстоящие от сложившегося (особенно в западной научной среде) понимания социального значения терапевтического дискурса. Терапевтический дискурс исходно трактуется исследователями в русле эмансипации и активизации субъекта — в частности, в отношении организации работы над собой, усиления контроля и преодоления внутренних проблем [Illouz, 2008]. В данном случае, однако, большая часть стратегий дискурса направлена на нормализацию событий, происходящих после 24 февраля 2022 года, и в этом плане на деактивацию субъекта, как минимум в общественно-политическом отношении.

Далее перечислим три дискурсивные стратегии — «герметизации», «переописания» и «переключения внимания», — к которым прибегают психологи в своих текстах.

«Герметизация»

Стратегия «герметизации» подразумевает описание кризисных условий сугубо в рамках словаря терапевтического дискурса. Такой стратегии соответствует разной степени подробности описание кризисных событий в терминах тревожности, ориентиров на стабилизацию внутреннего состояния Я. Обязательная примета этой стратегии — акцент на рекомендациях психолога, то есть техниках снятия тревожности, успокоения. Рекомендации психолога отсылают к необходимости работы над собой, как в следующей цитате:

«Техника от тревожности. В своей практике я иногда использую технику ДПДГ-десенсибилизация и переработка движением глаз. Это техника используется при посттравматических расстройствах, тревоги, стрессе, фобиях, психосоматики, эмоциональном выгорании, истощение и других случаях. Хочу вам дать это упражнение. Оно поможет успокоиться, быстрее принять информацию и события, которые происходит в вашей жизни» (Текст № 11).

«Я бы порекомендовала дыхательные упражнения практиковать, это всегда помогает. Это универсальный, можно сказать, способ борьбы с тревогой. Вот, в принципе, это техники осознанности. Я бы могла посоветовать физические упражнения и нагрузки, которые будут, я бы сказала, вот именно там самые такие базовые, легкие. Потому что, когда человек занимается, физическая нагрузка, тренировками и даже легкими, начинает вырабатывать гормон стресса. И, собственно говоря, он таким образом освобождает организм от напряжения и от количества стресса, который он накопил в течение дня. И, собственно говоря, уделять себе больше времени» (информант № 6).

«Переописание»

При стратегии «переописания» происходящего и его восприятия в терапевтическом дискурсе в различных вариациях реализуется прием заимствования из смежных дискурсов, включение их элементов. С каждым дискурсом в таком случае устанавливаются особые отношения, в которых терапевтический так или иначе преобладает.

«Чем больше мы все сейчас “играем в войну”, тем больше мы теряем своего драгоценного ресурса» (Текст № 11).

«Ресурс» как термин и как идея указывает на рыночное мироустройство, которое терапевтический дискурс заключает в себе в качестве идеологии.

Испытывая чувство паники, реагируя таким образом на событие, мы лишаем себя возможности потреблять блага.

«Ресурс не бесконечен, и он уменьшился из-за изменения мировой ситуации. В глобальной картине вещей ваш разговор вряд ли на что-то повлияет, а вот ваши отношения напрямую зависят от того, как вы выстраиваете коммуникацию. Мы можем усугубить свою жизнь и ее качество, если начнем “впадать” в состояние диванных критиков» (Текст № 1).

Один из выводов при изучении стратегии нормализации, к которой прибегает терапевтический дискурс, касается «переописания» общественно-политического миропонимания, присущего соответствующему дискурсу. Мы видим интерпретацию кризисных условий, которые не подлежат какому-либо вмешательству со стороны Я, также ограничивается и подвергается сомнению просмотр медиа, участие в обсуждении происходящего и т.д. Согласно суждению психолога, «клиенту» не следует давать оценку происходящим в обществе событиям, включаться в обсуждения («диванные»). Отметим, что даже участие в обсуждении преподносится в дискурсе как «впадение в состояние», «переописание» проявляет себя в нюансах формулировок.

«...Политика — это огромная страшная машина, живущая по своим законам. Не лезьте туда» (Текст № 23).

Данная стратегия предполагает упоминание общественно-политического дискурса с эффектом его нейтрализации:

«А вот, от того, как мы воспримем, зависит дальнейшее качество жизни. С принятием — значит, не будет сопротивления, значит все сложится наилучшим для нас образом. С бунтом — ну, значит, попадем под раздачу и будем “перемолоты” обстоятельствами. Залог счастливого будущего — это спокойствие, доверие, принятие, вера, любовь и поддержка близких» (Текст № 1).

Мы вновь видим стратегию «переописания» с акцентом на не-действие субъекта, кроме того, в данном случае психолог подключает перечисление ценностей, апеллируя к идеям и словарю морального дискурса, который укрепляет призыв к не-действию, само возможное действие в кризисных условиях, направленных вовне, категоризируется как сопротивление и бунт.

«Здесь не место выкрикам и лозунгам, здесь место только ПРИНЯТИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ...; Самое важное, что сейчас можно сделать — это сместить фокус со страха и борьбы с ветряными мельницами, с осуждения и негодования на МИР внутри себя и поддержку своих близких» (Текст № 1).

Таким образом общественно-политический дискурс «замыкается» внутри индивида через терапевтический дискурс. И именно внутри происходят «действия», означающие изменение состояний Я: после чувств страха и негодования — осознание, принятие и т.п.

Интересный эффект переописания происходит при привлечении религиозно-мистического дискурса — для укрепления отмежевания от общественно-политического. Общественно-политическая жизнь преподносится как божественная стихия — недоступная, загадочная и мистическая. Сфера общественного и политического в таком ракурсе подается как сакральная, управляемая высшими силами и, в сущности, требующая принятия субъектом через самоуспокоение.

«[Перемены] неизбежны, потому что есть время, есть жизнь и они диктуют свои правила» (Текст № 1).

Рекомендации психолога при такой стратегии привязаны к самоограничению интереса и обращения к информации, остается основной посыл, характерный для стратегии нормализации как таковой — успокоение себя: *«Ограничьте время, которое вы тратите на просмотр новостей»; «Помогает не думать или говорить, а писать или рисовать»; «Погладьте себя по груди, скажите себе несколько поддерживающих добрых слов»; «Молитесь, медитируйте».*

«Переключение внимания»

Для стратегии «переключения внимания» характерно вытеснение проблемы кризисных условий из дискурса: смена приоритетов и апелляция к базовому знанию («войны были всегда», «всей правды мы никогда не узнаем»). Данная стратегия включает в себя упоминание расстановки приоритетов как альтернатив: либо отношения с близкими (преподнесено как элемент дискурса повседневности), либо состояние тревоги, бунта, разрушения. Проиллюстрируем цитатами из текстов психологов:

«Осознайте, что гнев, протест, осуждения ничего не изменят!!! Они только разрушат вас и ваших близких» (Текст № 1).

«Не бойтесь говорить: “Я тебя люблю/ты мне дорог, поэтому я не хочу, чтобы политика вставала между нами. Пожалуйста, давай не будем касаться этой темы”» (Текст № 12).

Характерным приемом становится апелляция к некому базовому житейскому знанию, нормализация происходит по линии «так было всегда», кризисные условия в таком случае не могут считаться экстраординарными, например:

«Где-то происходит конфликт. Но важно понимать, что вот эти конфликты, они происходят всегда, всю историю человечества, просто сейчас он к нам ближе территориально, просто сейчас мы ощущаем

больше последствий. А по факту люди воют всегда, вот я сколько могу оценить свою жизнь (мне 29), всегда на протяжении этих 29 лет где-то происходят военные действия» (информант № 2).

Переключение внимания на «здесь и сейчас» повседневность и близких, составляющих ее, оказывается существенным приемом данной стратегии нормализации:

«Самое главное — надо заботиться о себе, несмотря на то что происходит, и делать то, что важно для вас сейчас, здесь, чтобы внести какую-то определенность» (информант № 4).

Данной стратегии соответствует множество рекомендаций — техник по переключению с тревожности, «разрушения», с самого мыслительного процесса: *«Если хотите помочь-помогайте живым людям»; «Переключаем внимание на дыхание, наблюдаем как воздух входит и выходит через нос, как двигаются плечи, грудная клетка, живот и как только мысли снова зацепят, снова»; «Займитесь по возможности обычными делами»; «Проводите время с любимыми обнимайтесь, общайтесь, поддерживайте друг друга».*

Стратегия проблематизации кризисных условий — выход за границы терапевтического дискурса

Важно отметить наличие в текстах психологов противоположной дискурсивной стратегии — проблематизации кризисных условий, которая была выявлена нами лишь в трех текстах социальной сети (из 23) и проявила себя также в некоторых высказываниях в интервью. Эта стратегия ставит проблему событий, происходящих после 24 февраля 2022 года, в центр повествования, при этом — что важно — терапевтический дискурс оказывается невыраженным, присутствует в минимальном виде. Психолог, от имени которого ведется блог, выходит за рамки своего дискурса, покидает его, обращаясь к другим дискурсам, чтобы выразить свое отношение к происходящему:

«Я сейчас мысленно с каждым из своих друзей и коллег, кто вздрагивает от разрывов, кто умирает от страха за родных. ***** — это гуманитарная катастрофа. Ее нельзя оправдать ничем, никакими идеями, никакой историей, никакими “а вот они”. Я в изумлении от людей, говорящих: зачем вы лезете в политику. Это не политика. Это новые сироты. Это новые могилы. Это новые тысячи людей с ПТСР. Это миллионы людей за гранью нищеты — а значит, опять сироты... я сама чувствую только боль и ярость. Никакой сейчас из меня хелпер, простите» (Текст № 9).

Здесь мы наблюдаем соединение личностного, этико-морального и общественно-политического дискурсов, а терапевтический представлен лишь

«фрагментом» — словом «ПТСР». Стратегия проблематизации, что примечательно, опровергает все пропозиции, на которых стоят стратегии нормализации.

Кроме того, для стратегии проблематизации характерен прием метафоризации, например, обращение к изложению сюжета кинофильма, как в следующем примере текста психолога:

«Люди, спасаемые героем, в большинстве своем принимают жизнь под властью дракона вполне терпимой. С жестокостью и притеснениями они свыклись, каждый надеется, что хуже не будет. Ведь вступить с драконом в бой — верная смерть... Лишившись одного тирана, они идут под власть другого. Герой с удивлением обнаруживает — для того, чтобы освободить людей, убить дракона недостаточно. У меня все. О ситуации, о мире, о нас» (Текст № 7).

Показательно, что рекомендации психолога, техники самопомощи в текстах с выраженной стратегией проблематизации фактически отсутствуют. Это свидетельствует о ненормальности ситуации — ожидание читателя увидеть рекомендации по самонормализации в текстах психолога в этих случаях нарушается.

Заключение

Перечислим некоторые тренды, обнаруженные нами в процессе критического дискурс-анализа текстов психологов. Эти выводы с учетом предварительного характера исследования могут считаться гипотетическими, нуждающимися в дополнительной проверке, однако обладающими определенным диагностическим потенциалом в отношении дискурсов, нормализующих события после 24 февраля 2022 года.

Во-первых, в рассмотренных текстах производится вытеснение общественно-политического дискурса терапевтическим. Последний декларирует сосредоточение на себе, на своем Я, поскольку, согласно идеологии терапевтического дискурса, происходящее с Self клиент может (и ему необходимо) контролировать. Процессы и события внешнего мира в таком случае подаются и понимаются как второстепенные, фоновые. Собирательное обозначение всей возможной общественно-политической жизни — «политика», «не лезть в политику» — также свидетельствует о вышеупомянутом вытеснении. Бунты, протесты, смирение в терапевтическом дискурсе психологов происходят внутри индивида и переживаются им как его собственные чувства и эмоции. Отметим, что итогом «работы над собой» не становится некое новое знание, обсуждение или какая-либо активность субъекта, «позитивным» итогом считается успокоенность, внутренний комфорт, не-действие.

Во-вторых, в рассмотренных текстах с преобладанием терапевтического дискурса редуцируется моральный дискурс, что проявляется в смещении акцента на Я, уменьшении значимости состояния Других. Мы полагаем, что с подачи дискурса терапии укрепляется центрированность

на собственном Я, успех в жизни которого зависит от того, насколько Я сумело «понять себя», научилось рационально управлять своими «чувствами и эмоциями». Кризисные события, происходящие после 24 февраля 2022 года, рассматриваются именно сквозь такую призму: состояние Других зачастую не актуализируется, словарь морального дискурса в текстах психологов подчинен идеологии терапевтизации.

В-третьих, наше исследование зафиксировало преобразование религиозно-мистического в терапевтический дискурс, привлечение религиозного и мистического для терапевтической трактовки происходящих событий.

Терапевтический дискурс в кризисных условиях наращивает свою убедительность тем, что в нем происходят заимствования из лексики религиозно-мистического дискурса. Среди примеров — апелляция к практикам молитв, медитаций, употребление слов «Бог», «Пространство», «закон Жизни». Психологи трактуют происходящие в общественно-политической жизни события в том числе как мистическую силу стихийного характера, нуждающуюся в спокойном принятии.

Наконец, мы утверждаем, что придается особая значимость дискурсу повседневности за счет обращения к нему и «возвращения» в него клиентов в терапевтическом дискурсе. Нам удалось обнаружить, что у терапевтического дискурса наблюдается определенная спаянность с дискурсом повседневности — например, предлагаются техники, нацеленные вернуть внимание Я к «телу» или его повседневной жизни. Для преодоления тревог и страхов психологи рекомендую позволить себе «приятные мелочи» повседневности, задается альтернатива — либо повседневность и близкие люди, либо саморазрушение в переживаниях кризисных событий. Таким образом, повседневности придается особый вес, когда наибольшей важностью для эмоционального благополучия Я объявляется то, что происходит именно здесь и сейчас, во дворе, квартире или комнате (а не на мировой арене).

Проведенный анализ позволил нам обнаружить специфичность идейных ориентиров терапевтического дискурса в настигших нас кризисных условиях: переживание (страха, тревоги, гнева и т.д.) преподносится как естественное, но временное состояние, из которого Я-центрированный дискурс терапии предлагает выход в виде различных рекомендаций-техник. В свете дискуссий о том, какую роль играет терапевтический дискурс в актуализации политического и гражданского [Сложные чувства... 2021], по итогам исследования мы приходим к выводу, что в изученных текстах психологов события, происходящие после 24 февраля 2022 года, в основном нормализуются, сужается пространство для их критического восприятия. Психологи в своих суждениях успокаивают, а не побуждают субъекта на какую-либо «нетерапевтическую» актуализацию. Вероятно, этот эффект характерен именно для российского культурного и событийного контекста.

Литература

- Аронсон П. Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств. М.: Individuum, 2020.
- Бариле Н. Брендинг «Я» в эпоху эмоционального капитализма. Эксплуатация «протьюмеров» от риторики double-bind к гегемонии исповеди // Логос. 2015. Т. 25. № 3. С. 138–161.

Добровольский М. Спиритуалистическая этика и новый дух капитализма // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 4. С. 231–262. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-4-231-262> EDN: [IPVWHN](#)

Исмагилова Ю. В. Современное состояние законодательства в сфере оказания населению психологической помощи населению // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 1. С. 94–117.

Карась И. С., Лукина А. А., Пушкарева В. И. Особенности психологической помощи в социальной сети Instagram // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Филология, педагогика, психология. 2020. № 4. С. 103–114. EDN: [GAECZZ](#)

Лернер Ю. Теле-терапия без психологии, или как адаптируют Self на постсоветском телеэкране // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2011. Т. 3. № 1. С. 124–133. EDN: [NXVMTB](#)

Симонова О. Изучение эмоций как область междисциплинарной интеграции: история и социология в поисках объяснения «эмоционального поворота» (к выводу русского перевода книги Яна Плампера «История эмоций») // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 356–378. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-356-378> EDN: [YNNFPN](#)

Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности / Под ред. П. Аронсон. М.: Individuum, 2021.

Солдатова В. И., Яницкий М. С., Серый А. В., Фомин А. Г. Текст как средство дистанционного психологического консультирования: язык и смысловое содержание тематических блогов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 729–739. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-729-739> EDN: [XDGRRO](#)

Филлипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Гуманитарный центр, 2008.

Чудова И. А. Постмодернистский ракурс в методологии. Методологические подходы и составляющие их теории: учебное пособие. Н.: Издательско-полиграфический центр НГУ, 2022.

Brossard B., Sallee N. Sociology and Psychology: What Intersections? // European Journal of Social Theory. 2020. Vol. 23. № 1. P. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431019844869>

Fairclough N. Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research. London; New York: Routledge, 2003.

Furedi F. Therapy Culture: Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age. London: Routledge, 2004. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.327.7426.1293>

Illouz E. Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help. Berkeley: University of California Press, 2008.

Vuolanto P., Bergroth H., Nurmi J., Salmenniemi S. Reconfiguring Health Knowledges? Contemporary Modes of Self-Care as “Everyday Fringe Medicine” // Public Understanding of Science. 2020. Vol. 29. № 5. P. 508–523. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963662520934752>

Сведения об авторах:

Жемчугова Анна Валерьевна — бакалавр, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия; независимый исследователь, Бат-Ям, Израиль. **E-mail:** a.zhemchugova14@gmail.com.

Чудова Ирина Александровна — кандидат социологических наук, независимый исследователь, Алматы, Казахстан. **E-mail:** dauza14@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** [705010](#); **ORCID ID:** [0000-0002-2192-8946](#); **ResearcherID:** [ABG-5979-2020](#).

Статья поступила в редакцию: 13.03.2023

Принята к публикации: 15.06.2023

ВАК: 5.4.1, 5.4.6

Therapeutic Discourse of Psychologists in the Context of Crisis: Normalization of Non-Action

DOI: 10.19181/inter.2023.15.2.1

Anna V. Zhemchugova   Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia;
Independent Researcher, Bat-Yam, Israel
E-mail: a.zhemchugova14@gmail.com

Irina A. Chudova   Independent Researcher, Almaty, The Republic of Kazakhstan
E-mail: dauza14@gmail.com.

This study examines therapeutic discourse, which is presented in the texts of psychologists in the context of crisis conditions associated with the Russian and world news and event agenda of the period end of February — April 2022. The purpose of the study was to reveal and describe the content of therapeutic discourse, to identify which methods (strategies) to normalize crisis conditions it refers to resorting, and whether the opposite happen — when the crucial events taking place are sharpened as a problem. The analysis of the material of blogs (Russian — language texts of psychologists posted on social networks for the period end of February — beginning of March) and interviews with practicing psychologists (11 interviews, collected in March— April 2022). Critical discourse analysis allowed to identify and describe the specifics, characteristic vocabulary and ideological guidelines of therapeutic discourse in crisis conditions, detect its interdiscursivity. A separate emphasis was placed on the description of therapeutic discourse in relation to socio-political, ethical-moral and other neighboring discourses, the following strategies of normalization of the crisis situation inherent in therapeutic discourse were identified — “sealing”, “re-description”, “attention switching”, the opposite discursive strategy — problematization was also outlined. In addition, the recommendations of psychologists (the so-called “techniques”) are considered in relation to how the texts interpreted the events occurring after February 24, 2022 from the point of view of their normalization.

Keywords: discourse of therapy; therapeutization; therapeutic culture; vocabulary of discourse; ideological guidelines; interdiscursivity; normalization strategies; problematization strategy

References

- Aronson P. (2020) *Lyubov': sdelay sam. Kak my stali menezherami svoih chuvstv* [Love: Do It Yourself. How We Became the Managers of Our Feelings]. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Aronson P. (2021) *Slozhnye chuvstva. Razgovornik novej real'nosti: ot ab'yuzha do toksichnosti* [Complicated Feelings. Phrasebook of a New Reality: From Abuse to Toxicity]. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Barile N. (2015) Brendirovanie “Ya” v epohu emocionalnogo kapitalizma. Eksploataciya “pros'yumerov” ot ritoriki double-bind k gegemonii ispovedi [Branding the Self in the Age of Emotional Capitalism. The Exploitation of “Prosumers”, from the Rhetoric of “Double Bind” to the Hegemony of Confession]. *Logos* [Logos]. Vol. 25. No. 3. P. 138–161. (In Russ.)
- Brossard B., Sallee N. (2020) Sociology and Psychology: What Intersections? *European Journal of Social Theory*. Vol. 23. No. 1. P. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431019844869>
- Chudova I. A. (2022) *Postmodernistskij rakurs v metodologii. Metodologicheskie podhody i sostavlyayushchie ih teorii: uchebnoe posobie: dlya studentov magistratury otdeleniya sociologii po discipline “Istoriya i metodologiya sociologii”* [Postmodern Perspective in Methodology. Methodological Approaches and Their Constituent Theories: Textbook: for Graduate Students]. Novosibirsk: Izdatel'sko-Poligraficheskij centr NGU. (In Russ.)

Dobrovolskij M. (2019) Spiritualisticheskaya etika i novyj duh kapitalizma [The Spiritual Ethic and the Spirit of Late Capitalism]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological review]. Vol. 18. No. 4. P. 231–262. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-4-231-262> (In Russ.)

Fairclough N. (2003) *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. London; New York: Routledge.

Fillips L., Jorgensen M. (2008) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis As Theory and Method]. Kharkov: Gumanitarnyj Centr. (In Russ.)

Furedi F. (2004) *Therapy Culture: Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.327.7426.1293>

Illouz E. (2008) *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. Berkeley: University of California Press.

Ismagilova Yu.V. (2022) Sovremennoe sostoyanie zakonodatel'stva v sfere okazaniya naseleniyu psihologicheskoy pomoshchi [The Current State of Legislation in the Field of Psychological Assistance to the Population]. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian Law: Education, Practice, Researches]. No. 1. P. 94–117. (In Russ.)

Karas' I.S., Lukina A.A., Pushkareva V.I. (2020) Osobennosti psihologicheskoy pomoshchi v social'noj seti Instagram [On Some Aspects of Psychological Assistance on Instargam]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Filologiya, pedagogika, psihologiya* [IKBFU's Vestnik. Philology, Pedagogy, Psychology]. No. 4. P. 103–114. (In Russ.)

Lerner Yu. (2011) Tele-terapiya bez psihologii, ili kak adaptiruyut Self na postsovet'skom teleekrane [TV Therapy Without Psychology: Adapting the Self in Post-Soviet Media]. *Laboratorium: Zhurnal social'nyh issledovanij* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 3. No. 1. P. 124–133. (In Russ.)

Simonova O. (2018) Izuchenie emocij kak oblast' mezhdisciplinarnoj integracii: istoriya i sociologiya v poiskah obyasneniya "emocional'nogo povorota" (k vychodu russkogo perevoda knigi Yana Plampera "Istoriya e`mocij") [The Study of Emotions as an Area of Interdisciplinary Cooperation: The History and Sociology of Emotions in the Search for the Explanation of "Emotional turn" (On The Russian Translation of the Jan Plamper's The History of Emotions)]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 17. No. 3. P. 356–378. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-356-378> (In Russ.)

Soldatova V.I., Yanickij M.S., Seryj A.V., Fomin A.G. (2021) Tekst kak sredstvo distancionnogo psihologicheskogo konsul'tirovaniya: yazyk i smyslovoe sodержание tematiceskikh blogov [Text As a Means of Remote Psychological Counseling: Language and Semantics of Feature Blogs]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. Vol. 23. No. 3. P. 729–739. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-729-739> (In Russ.)

Vuolanto P., Bergroth H., Nurmi J., Salmenniemi S. (2020) Reconfiguring Health Knowledges? Contemporary Modes of Self-Care as "Everyday Fringe Medicine". *Public Understanding of Science*. Vol. 29. No. 5. P. 508–523. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963662520934752>

Authors bio:

Anna V. Zhemchugova — Bachelor in Sociology, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; Independent Researcher, Bat-Yam, Israel. **E-mail:** a.zhemchugova14@gmail.com.

Irina A. Chudova — Candidate of Sociology, Independent Researcher, Almaty, The Republic of Kazakhstan. **E-mail:** dauza14@gmail.com. **RSCI Author ID:** 705010; **ORCID ID:** 0000-0002-2192-8946; **ResearcherID:** ABG-5979-2020.

Received: 13.03.2023

Accepted: 15.06.2023

DOI: 10.19181/inter.2023.15.2.2

EDN: GIOPZW

(Не)новые вопросы в новых условиях (методологические и этические проблемы в исследованиях беженцев из Украины)

Ссылка для цитирования:

Бредникова О. Е. (Не)новые вопросы в новых условиях (методологические и этические проблемы в исследованиях беженцев из Украины) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 2. С. 34–50. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.2> EDN: GIOPZW

For citation:

Brednikova O. E. (Not)New Questions in New Contexts (Methodological and Ethical Problems in the Studies of Refugees From Ukraine). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 2. P. 34–50. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.2>

Бредникова Ольга Евгеньевна

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: bred8@yandex.ru

Статья посвящена размышлениям об опыте полевых исследований беженцев из Украины. В ней рассматриваются методологические и этические вопросы и проблемы. Цель работы — выявить проблемные моменты и продемонстрировать, как методологическая чувствительность и рефлексивность могут помочь найти соответствующие исследовательские фокусы и интерпретационные рамки. Первая часть статьи посвящена исследовательским стратегиям, в частности проблемам «быстрого» и «медленного» исследования, а также вопросам наблюдений и специфике интервьюирования беженцев. Использование мозаичной методологии, исследовательских стратегий «быстрой» и «медленной» социологии, различных источников данных и т.д. позволяет находить нетривиальные направления исследований.

Вторая часть статьи посвящена взаимоотношениям исследователя и исследуемого. Гуманитарная перспектива, с одной стороны, универсализирует страдания, с другой стороны, позволяет устанавливать доверительные и личностные отношения и работать с сенситивными темами.

Также рассматриваются вопросы эмпатии и эмоционального сопереживания и проблемы доверия информантов.

Ключевые слова: методология исследования; гуманитарная перспектива исследования; исследовательская этика; беженцы из Украины

Исследование, о котором пойдет речь, оказалось самым непростым и неоднозначным за весь мой долгий опыт работы социологом. Неоднозначность — популярное ныне слово — хорошо отражает мои ощущения от исследования, потому как в ходе работы актуализировалось множество методологических и этических вопросов и проблем, которые казались давно отвеченными и решенными. Новая геополитическая ситуация, изменившиеся социальные контексты не только порождают у социальных исследователей новые тематические фокусы, но и обостряют методологическую рефлексивность, касающуюся адекватности применяемых методов; заставляют искать новый язык, описывающий трансформирующуюся социальную реальность; заново поднимают этические вопросы. И свидетельство тому — дискуссии в академических изданиях [Мельникова, 2023; Гуманитарная наука..., 2023]. Этот текст я вижу не как методологическое пособие или инструкцию, но прежде всего как рефлексию, своего рода размышления вслух о тех исследовательских проблемах и выборах, которые встали передо мной. Цель текста — не дать ответы на возникающие вопросы, но скорее обозначить их, продемонстрировать, как методологическая чувствительность и рефлексивность в исследовании беженцев может помочь нащупать актуальные фокусы и интерпретативные рамки.

Я не планировала это исследование. Оно сложилось спонтанно и даже вопреки желанию и планам, что, впрочем, случается, когда попадаешь в незнакомую или необычную ситуацию и житейский интерес трансформируется в исследовательский. Однако в данном случае исследование казалось мне не совсем уместным и даже неэтичным, потому как было связано с трагедиями людей. Более того, с жизненными трагедиями в их острый период или с малой временной дистанцией. Исследование беженцев из Украины зародилось как волонтерская активность, когда я в апреле — июле 2022 года краткосрочно общалась с бегущими от военных действий людьми, которые ненадолго — проездом — оказались в Санкт-Петербурге. В мои задачи входило встретить, помочь сориентироваться в городе, покормить и проводить людей далее. Эти встречи длились от получаса до нескольких часов, и общение, как правило, выстраивалось по сходным сценариям, разворачивающимся в диапазоне от дистанцированно-вежливых разговоров об условно говоря, погоде до рассказов о длинном и страшном пути из дома и событиях, предшествовавших этому. В разговоры выстраивались шок и ужас пережитого, растерянность в отношении будущего, недоверие и в то же время человеческая благодарность за помощь. В какой-то момент я решила записывать свои наблюдения и впечатления от этих встреч, что изначально было вызвано не столько исследовательскими интенциями, сколько попыткой

пережить подчас невыносимые эмоции сопереживания и сочувствия. Очень быстро дневниковые записи моих эмоций переформатировались в исследовательский дневник, где фиксировались наши разговоры и этнографические описания коммуникаций. Личные записи стали напоминать «традиционный» дневник наблюдения с исследовательскими рефлексиями и интерпретациями. В итоге в дневниковых записях было зафиксировано пятнадцать коротких «транзитных» встреч с беженцами.

Собранный материал не давал покоя, мне казалось важным, с одной стороны, «дать голос» беженцам, сделать их видимыми хотя бы в моем профессиональном поле, с другой — социологически осмыслить беженство как социальное явление, сравнить его с трудовой миграцией, исследованием которой я занималась долгое время. И потому далее я решила делать «классическое» исследование, разворачивающееся в привычной проектной логике, в рамках которого сформулированы цель и задачи, есть понимание исследовательской стратегии и определены методы. Основным исследовательским методом стало интервьюирование. В качестве информантов выступали беженцы из Украины, которые с весны 2022 года живут в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Часть из них остановились в пункте временного размещения (ПВР) в г. Тихвин, часть — в Санкт-Петербурге и городах Ленинградской области. Всего было взято одиннадцать интервью, из них три интервью с мужчинами и восемь с женщинами, все информанты в возрасте от 27 до 72 лет. В основном это были жители Мариуполя и Харьковской области. В интервью я спрашивала, как складывается жизнь беженцев в настоящий момент — говорили о бытовых проблемах и нуждах, о жизненных стратегиях и видении будущего, о вопросах идентичности и гражданства, об эмоциональных переживаниях беженства и др. Наблюдения и этнографические описания велись лишь в нескольких случаях, когда мне удалось побывать у информантов дома.

Далее в статье я хотела бы поразмышлять над стратегией исследования во временной перспективе, а также о гуманитарной оптике в исследовании и отношениях исследователя и исследуемого.

«Медленная» или «быстрая» социология?

Исследование беженцев неожиданным образом актуализировало для меня вопросы, связанные с темпоральностью, в частности вопросы скорости исследования и проблемы временной дистанции. Долгое время я была сторонницей так называемой медленной социологии. В неспешности, безусловно, есть свои плюсы и даже некое удовольствие. «Медленная» социология позволяет погружаться в тему, долго быть в поле, брать паузу «на подумать», отстраняясь от него, и самое важное — возвращаться в поле с новыми вопросами или проверкой идей и придуманных интерпретационных схем [Богданова, Ткач, 2009]. Безусловно, грантовая экономика, в рамках которой ныне существует академия, не позволяет расслабиться, и мы редко можем позволить себе работать в таком режиме.

Исследование, о котором здесь идет речь, изначально было инициативным и не встраивалось в прокрустово ложе проектной логики с его жесткими временными рамками и ориентацией на неолиберальную эффективность по созданию быстрых «продуктов». Так сложилось, что в нем сочетаются разные исследовательские стратегии, и это, на мой взгляд, обогащает его. В частности, сочетание стратегий «быстрой» и «медленной» работы помогло собрать разный материал, посмотреть на него из разных перспектив в разные моменты времени. В то же время и у «моментального», и у длительного исследования есть своя специфика и свои ограничения.

«Быстрое поле»: наблюдения и разговоры

Наблюдения и разговоры с людьми, бегущими от военных действий, которые делались в ситуации волонтерства, очевидно, можно отнести к «быстрому» исследованию, что связано с краткосрочностью и ограниченностью наблюдений и коммуникаций в момент встречи беженцев и краткосрочной помощи им. Коммуникации проходили «на ходу», «между делом», разговоры не были сфокусированы на какой-то одной теме, а легко переключались с темы на тему в соответствии с ситуацией скользящего общения и конкретных действий, ориентированных на поддержку и помощь. Это были короткие и обрывочные нарративы, с небольшим фактологическим материалом и неразвернутыми рефлексиями. Они, скорее, напоминали короткие высказывания, в которых, однако, можно вычитать много исследовательской информации. В качестве примера хочу привести реакцию Татьяны¹ (примерно сорок лет, Харьковская обл.) на меню в столовой, куда мы зашли перекусить перед тем, как женщина с детьми отправилась далее в путь:

«Ой, нет, только не говядину! Думаю, я не скоро ее захочу. Мы такие консервы целый месяц ели, пока в подвале сидели».

И здесь важна не только информация о пережитом, но и сенсуальные, или телесные, переживания человека, оказавшегося в ситуации военных действий. Материалом для анализа становятся просьбы о помощи. Например, Валентина (63 года) попросила у меня нож, чтобы порезать колбасу в дорогу (она ехала из Харьковской области через Белгород, Петербург и Эстонию в Германию), прокомментировав:

«Купили колбасу неудачную, куском. Ехали в поезде, даже нечем порезать было, так ломали и кусали. Проводница нож не дала. Она же видела наши паспорта, когда мы в поезд садились. Поэтому не дала. А больше мы просить побоялись, в купе всю дорогу сидели, не выходили».

В этом высказывании важно не то, что проводница отказала в просьбе, но интерпретация этого события и общее самоощущение людей,

¹ Здесь и далее все имена изменены.

позиционирование себя в социальном пространстве в рамках конкретной ситуации. Другой пример, к которому я хочу обратиться, — просьба молодой женщины, которая на предложение зайти в столовую поесть перед дорогой отреагировала так:

«Ой, а можно мы лучше зайдём купить дезодорант? Хочу себя хоть нормальным человеком почувствовать — не мылась очень давно. От меня все шарахаются уже, наверно».

В данном случае женщина проговаривает приоритеты своих потребностей, и ей важно восстановить поломанную «нормальность» через привычные практики гигиены, которых она была лишена, из-за чего чувствовала себя исключенной.

В рамках коротких встреч — «быстрого поля», как я его обозначила, — работают не только «уши», но и «глаза». Удивительным образом удается собрать много информации в наблюдениях. В частности, для меня очень информативным стало наблюдение того, что беженцы везут с собой. Например, семейная пара средних лет везла огромный и очень тяжелый чемодан. Им предстоял долгий путь в одну из европейских стран, и они решили немного разгрузиться, оставив ненужные, по мнению супруга, вещи. Татьяна, чуть не плача, советовалась со мной, что выкинуть, а что оставить — четыре банки самодельной тушенки или постельное белье. Необходимость этих вещей женщина объясняла неизвестностью — неизвестно, когда и куда они приедут; неизвестно, как они обустроятся на новом месте; неизвестно, какие доходы у них будут и что они смогут позволить себе купить, и т.д. Татьяна пыталась преодолеть тотальную неопределенность, взяв с собой, по ее мнению, самое необходимое *«на первое время»*. К тому же эти простые вещи наделяются глубоким символическим смыслом — по словам Татьяны, они *«из дома»*, *«что удалось взять с собой»*.

Информативно не только то, что везут с собой беженцы. Часто полиэтиленовый пакет в руках беженца говорит о том, что люди в буквальном смысле бежали. Иногда этот же пакет свидетельствует, что от военных действий бегут люди, у которых в принципе нет опыта путешествий и перемещений — у них не было чемоданов в силу малой мобильности — те попросту были не нужны. Недаром одной из самых востребованных вещей гуманитарного склада, обслуживающего беженцев, оказался чемодан. Беженец — это человек, который пустился в путь не по своей воле, и даже (при)остановка в движении не означает, что спустя время он не продолжит путь.

«Быстрое поле» позволило увидеть потерянность людей, бегущих от военных действий. Это потерянность и в пространстве, и во времени. Маршруты передвижений беженцев, которых я наблюдала во время волонтерства, были извилистыми и неопределенными — в ситуации потери дома люди не понимали, куда им двигаться и где новое место для жизни. Пожилая женщина по имени Валентина совершила, на мой взгляд, невероятное путешествие. Она из Харьковской области, сделала временную остановку в Белгороде, добралась

до Перми, где жила ее двоюродная сестра. Затем она решила вернуться в Белгород — «поближе к дому». Доехав до Москвы, Валентина поменяла маршрут и приехала в Петербург, чтобы далее добраться до Ивангорода и там пересечь границу с Эстонией. Из Нарвы Валентина доехала до Таллина, оттуда отправилась в Варшаву к подруге и, побыв пару дней в Польше, уехала к дочери в Киев. Весь маршрут Валентина совершила на наземном транспорте в силу ограниченности ресурсов, и все ее путешествие уложилось в шесть-семь дней. Такие сложные маршруты беженцев отнюдь не редкость, у большинства моих информантов, или, точнее, клиентов, с которыми я работала как волонтер, передвижения представляли собой сложные нелинейные траектории с неизвестной финальной точкой окончания маршрута.

Люди, бегущие от военных действий, потеряны и во времени. Кажется, что у беженцев сломано представление о будущем — ближайшем и отдаленном: они не понимают не только где им остановиться сегодня на ночь, но и что им в принципе делать дальше, где и как отстраивать свою жизнь заново. Ассоциацию с потерянностью, которая возникла у меня при работе с беженцами, вполне возможно перевести в разряд исследовательской метафоры и попытаться через нее социологически помыслить специфику феномена беженства. Таким образом, «моментальное», или «быстрое», поле дало не только большое количество инсайтов и материалов для анализа, но и подарило концептуальную рамку, которую я предполагаю разрабатывать в дальнейшем.

«Медленное поле»: интервью

Насколько релевантны данные, собранные быстро и, по сути, походя? Я полагаю, что подтвердить адекватность и правильность интерпретаций возможно, развивая исследование дальше. Сейчас, двигаясь по более традиционному исследовательскому пути, я стала брать развернутые интервью с беженцами, которые (при-)остановили свое движение и сейчас живут в Петербурге или Ленинградской области. Я беру с ними многочасовые развернутые биографические и проблемно-ориентированные интервью, при этом такие интервью имеют свою специфику.

Часто интервью идут «не по сценарию», и столь хорошо, как мне казалось, продуманный гайд оказывается невостребованным. Люди подробнейшим образом рассказывают, что с ними произошло дома, и о том, как они убежали от военных действий; они говорят о своей прежней жизни и показывают фотографии разрушенных домов. Эти нарративы, как правило, уже сформированы, и складывается впечатление, что они уже были несколько раз проговорены. Эти нарративы очень герметичны, интервьюеру практически невозможно вклиниться в них. На мои вопросы о жизни «здесь и сейчас» часто уже не хватает ни отведенного на интервью времени, ни сил, и потому разговоры о настоящем моменте не столь развернуты и подробны, как мне бы хотелось в соответствии с исследовательскими задачами.

Совершенно очевидно, что информанты говорят о том, что им важно и больно, чем хочется поделиться. С одной стороны, это хорошо, потому как разговор разворачивается вполне в рамках качественной парадигмы, когда

в интервью поднимаются актуальные для информанта проблемы, а вмешательство интервьюера минимизируется. С другой стороны, я понимаю, что такие рассказы могут свидетельствовать о наличии посттравматического синдрома, и интервью, по сути, становится психотерапевтическим. Я вполне отдаю себе отчет, что такая работа требует профессиональных психологических знаний и компетенций, которыми я не обладаю. У меня есть устойчивый страх нанести вред человеку такими разговорами, что-то разрушить, разбередить и т.д. Свое участие здесь я вижу в активном слушании и эмпатии, что, возможно, не совсем правильно с разных точек зрения, однако сопереживание в данном случае мне лично представляется верной стратегией. После интервью я стараюсь связываться с моими собеседниками, спрашиваю, как у них дела и не нужна ли какая-то помощь. По словам информантов, им важно поговорить с кем-то на тревожащие их темы, однако для дальнейшего исследования, я полагаю, все-таки необходимо проконсультироваться со специалистами.

В интервью с беженцами я не увидела откровенно закрытых или болезненных тем. На предложение поговорить мои информанты обычно соглашались легко, говорили довольно открыто и охотно. Самой непростой и (опять-таки) неоднозначной для меня оказалась тема гражданства и политических предпочтений. Мои коллеги, исследующие беженцев из Донбасса, предлагают рассматривать их как «обычных граждан, которые могут интересоваться политикой и придерживаться целого ряда различных взглядов на политические принципы, такие как демократия и конкретные вопросы внутренней и внешней политики» [Sasse, Lackner, 2020: 357]. Однако, как показывает мое исследование, в интервью тема выбора гражданства и демонстрация собственных политических представлений оказываются наиболее сложными. Несмотря на то что для беженцев из Украины и других перемещенных лиц в РФ есть специальный статус «временное убежище», который дает человеку право на год легализовать свое пребывание в России, структурные условия буквально вынуждают его принять решение об оформлении гражданства. Без российского гражданства сложно устроиться на работу, получить пенсию или (в случае необходимости) дорогостоящее лечение, требующее квот, и пр. Мои собеседники не отказывались говорить на эти темы, но часто медлили с ответами или начинали говорить тише. Иногда они предварительно прощупывали мою позицию, чтобы угадать «правильный ответ». Очевидно, именно в этой теме беженцы чувствуют свою уязвимость в связи с тем, что находятся в новой для себя стране, не все из них имеют четкое представление о своем будущем и о своих планах, а однозначный выбор в пользу одной стороны автоматически исключает их из другой, чего беженцы, возможно, хотели бы избежать. Именно поэтому я полагаю такие разговоры не всегда уместными или, по крайней мере, необходима аналитическая чувствительность к заминкам и полонкам в ходе беседы и исследовательская рефлексивность о позиции в поле и особенностях отношений с информантами.

Интервью с беженцами — эмоционально заряженное мероприятие. Собеседники во время рассказа о своей жизни раскрывают целый спектр сильных как негативных, так и позитивных эмоций. Эмоционально насыщенный

разговор не может оставить интервьюера безучастным, и в беседах с беженцами я обычно проявляю эмпатию, сопереживаю собеседникам. Возможно, это непрофессионально, зато по-человечески. И такая позиция, на мой взгляд, самая адекватная при исследовании травмированных и уязвимых людей. Анализ эмоций, наблюдаемых или совместно произведенных и пережитых во время интервью, очень информативен, ценен с исследовательской точки зрения. Так, внимание к переживаниям информантов мне позволило «выловить» неожиданную, но очень важную для понимания феномена эмоцию — стыд. Стыд, по мнению исследователей, «центральная для морального опыта эмоция», его относят к группе эмоций самосознания и самооценки [Прокофьев, 2017: 38]. Анализ этой эмоции очень информативен. Например предлоги, сопровождающие описание эмоции — стыд за что-то или *перед* кем-то, — демонстрируют социальные диспозиции и моральные ориентиры информанта. Стыд, как мы осознали не так давно, может быть сильной коллективной / разделяемой эмоцией или индивидуально переживаемой и сокрытой. В интервью про переживания стыда информанты иногда рассуждали открыто и развернуто, но чаще лишь коротко обозначали эти переживания. Например, мои собеседники рассказывали, что им *неудобно* ходить в чужой одежде в ситуации, когда нет своей, и в данном случае *неудобно* близко по значению слову *стыдно*. Более внимательная аналитическая работа с эмоцией показала, что она вызвана прежде всего разрушением прежнего социального статуса и попытками выстроить его заново. Отсутствие личных вещей и возможности выбирать их самостоятельно подвергает испытанию личность человека. «Я как будто не я — на мне все чужое!» — говорила мне Людмила (64 года, из Мариуполя, сейчас жительница пункта временного размещения для беженцев в Ленобласти). Я полагаю, что именно эмпатия и чувствительность к эмоциям позволили прийти к интересному и важному тезису о социальной потерянности и личной пересборке.

Развернутые интервью с беженцами я начала проводить осенью 2022 года. Люди, ставшие моими информантами, к моменту нашей встречи уже жили по несколько месяцев в Санкт-Петербурге или в Ленобласти. Возможно, временная дистанция, отделяющая людей от драматического события, и опыт жизни на новом месте были еще слишком малы для развернутых рефлексий. Тем не менее какую-то актуальную информацию, касающуюся бытового устройства, поиска жилья и работы, эмоционального состояния и т.д., мне удалось собрать. В данном случае я вижу бонусы «медленной» социологии, которая позволяет вернуться в поле к тем же информантам. Возвращение не только дает возможность поговорить на темы, которые мы не успели обсудить в предыдущий раз. Лонгитюдное исследование позволит зафиксировать изменения в жизни людей, выявить их жизненные траектории.

Итак, я предлагаю не рассматривать «быстрое» и «медленное» исследование как альтернативы или как разные этапы сбора эмпирического материала. Скорее, они представляют собой разные исследовательские перспективы, или стратегии, в рамках которых собирается разная информация и разные данные. «Быстрое» исследование позволяет увидеть явление «в моменте»,

сосредоточиться на наблюдениях и этнографии. «Медленное» исследование дает возможность работать с лонгитюдом и зафиксировать процессуальность и трансформации, анализировать не только и не столько практики, сколько рефлексии информантов. При этом и та, и другая стратегия имеет свои сильные стороны и ограничения, выловить которые можно с помощью исследовательской сенситивности и аналитики. Разные исследовательские стратегии, на мой взгляд, возможно совмещать и комбинировать в разной последовательности. Они не только дополняют друг друга, но и позволяют уловить противоречия в интерпретациях.

Я полагаю, что в столь непростом исследовании в принципе необходимо использовать мозаичную методологию, в частности искать разные точки входа в поле, работать в связке с другими профессионалами, например с психологами, обращаться к разным источникам и разным исследовательским методам, арсеналом которых обладает качественная социология. Здесь будет уместным заметить, что интервьюирование — не универсальный и всеобъемлющий метод исследования, много важной информации остается за рамками интервью. Наблюдения до и даже во время интервью дают много материала и инсайтов для анализа. Кроме того, важным источником данных могут стать личные дневники беженцев, если появится возможность поработать с ними. В них может быть зафиксирована автором и прочитана исследователем не только событийность, но могут быть отражены повседневность, материальность, телесные и эмоциональные переживания [Шторн, 2021].

Жертва и спасатель?

Позиции и роли исследуемого и исследователя

Я входила в поле через практику волонтерства — обращалась за содействием в рекрутинге к другим волонтерам или знакомилась с будущими информантами, когда сортировала или развозила гуманитарную помощь. Очевидно, что такой вход в поле имеет свою специфику, в частности он задает рамки моей роли и позицию в отношении тех, кого я исследую. Изначально, а возможно и далее, я для исследуемых выступала в роли помощника, или «спасателя», к кому можно и нужно обращаться с просьбами и которой, очевидно, сложно отказать в ответной просьбе об интервью. Можно предположить, что такая диспозиция в поле во многом предопределяет направленность и качество собранного материала, влияет на исследовательскую оптику и выбор интерпретативных рамок.

Мой взгляд на исследование исходит из гуманистической перспективы, когда во главу угла ставятся человеческая жизнь и достоинство, забота о благе и сострадание. Изначальной интенцией в моем исследовании было желание помочь людям, которые в одночасье обнаружили себя на руинах своей жизни — без дома и без планов на будущее. Такая перспектива не нова, и совершенно понятны чувства и желания исследователей помочь людям, испытывающим страдания. Это по-человечески, это правильно. Тем не менее

в социальных исследованиях гуманитарная оптика может иметь непреднамеренные эффекты и последствия. Так, Мириам Тиктин в статье «Транснациональный гуманизм», анализируя трансформацию отношений антропологов к гуманизму и растущую область антропологии гуманизма, рассматривает направления критики гуманистического подхода в исследованиях [Ticktin, 2014]. Одно из направлений критики связано с поворотом в таких исследованиях с заботы о различиях к сосредоточию на страданиях. По мнению исследовательницы, гуманитарная оптика универсализирует человеческие страдания, при этом маскирует и игнорирует социальное и культурное разнообразие, разговор о котором — одна из центральных задач антропологии. Кроме того, гуманистический универсализирующий взгляд на переживающих травму людей может деполитизировать и деисторизировать социальную катастрофу, скрывать ее политическую природу [Ticktin, 2014].

Пожалуй, самой серьезной проблемой гуманистической оптики в исследованиях становится сосредоточие на страдании. Фокусировка на страдании выдвигает на первый план визуальный образ беженца с его «шрамами и травмами», останавливая на них исследовательский взгляд, и гораздо реже — слух, ибо «...> страдающее тело — более надежный отчет о пережитом, чем рассказ о нем» [Malkki, 1996 цит. по: Ticktin, 2014: 276]. В этом смысле даже исследователь в качестве беженцев будет рассматривать и изучать, скорее, мать с детьми или пожилую пару, нежели здорового молодого мужчину, точно так же потерявшего дом. Кроме того, гуманизм работает «здесь и сейчас», а не с долгосрочными перспективами. Исследователи, работающие в рамках гуманитарной перспективы, фокусируются на насущных проблемах по выживанию людей, в то время как поломка или утрата представлений о будущем во многом конституируют феномен беженства. Возвращаясь к предыдущей части статьи, к размышлениям о быстрой социологии, можно сказать, что «моментальный срез» дает картинку потерянности и руинизированности беженцев. Именно таким было мое первое впечатление в исследовании, и, остановившись я исключительно на нем, не увидела бы стратегий адаптации и сценариев переопределения ситуации. Такой взгляд не просто фиксирует страдание, он во многом объективирует беженцев, и исследователь видит скорее жертву, чем субъекта.

Мой вход в поле и изначальные исследовательские интенции связаны именно с гуманитарной оптикой. Я искренне сопереживала и по-прежнему сопереживаю людям, оказавшимся вовлеченными в военные действия и убегающим от них. Сейчас, спустя время, я понимаю, что эмоциональное сопереживание и эмпатия могут иметь негативные последствия для исследования. Пожалуй, профессионализм как раз состоит в том, чтобы увидеть ограничения такого взгляда и отрефлексировать их. Я полагаю, что эта рефлексия вполне эффективна на этапе анализа собранного материала, где уже хорошо видно, как собственные эмоции исследователя задают ход интервью, влияют на формулировку вопросов и, соответственно, ответов. В моем исследовании сопереживание, с одной стороны, задавало траекторию интервью. Люди в рассказах о своей жизни делали акцент на том, что пережили и что

потеряли, о бегстве и пр. В то же время они меньше внимания уделяли организации повседневной жизни «здесь и сейчас», что было важно для моих исследовательских целей. С другой стороны, благодаря эмпатии я смогла сфокусироваться на анализе эмоций, которые часто «проходят мимо», потому как содержание нарративов кажется первичным и более важным.

Вход в поле через волонтерство задавал формат общения с информантами: я была для них прежде всего волонтером, к которому можно и нужно обращаться с просьбами о помощи. Наверное, здесь можно увидеть отношения власти — тому, кто помогает, невозможно отказать или ответить «как-то неправильно». Однако в данном случае я склонна рассматривать эти отношения как некую реципрокность, своего рода обмен услугами. Более того, доверительный разговор оказывается ценностью и для самих информантов, что, очевидно, связано со своего рода дефицитом социальности в условиях разрыва или переструктурирования социальных контактов в ситуации беженства, и с психотерапевтическим эффектом интервью. В то же время просьбы о помощи становятся важным материалом для анализа. Так, обращения о помощи в покупке каких-то вещей или оплате услуг чаще всего связаны с удовлетворением насущных потребностей (например, в средствах гигиены или одежды по сезону) или с ориентацией на будущее (ноутбук для учебы, столярные инструменты для работы). Именно такие просьбы рассматриваются в среде волонтеров как легитимные. Просьбы, выходящие за эти рамки, зачастую могут интерпретироваться как избыточные. В то же время они очень важны. Например, понятна просьба обитателей пунктов временного размещения привезти «что-нибудь вкусненькое к чаю», потому как питание по режиму утомляет. Ситуация отсутствия денег лишает возможности управлять своей жизнью и переживается мучительно. Важны просьбы о вещах, направленные на утверждение или пересборку своей личности, которая была подвергнута лишениям и испытаниям. Например, использовать в повседневной рутине утюжок для волос, иметь возможность выпить чашку кофе в кофейне или выбрать одежду по своему усмотрению, а не ту, что есть на гуманитарных складах, чрезвычайно важно именно для того, чтобы:

«Снова почувствовать себя нормальным человеком» (жен., 37 лет).

Оплату информантам за участие в исследовании в данном случае можно рассматривать как помощь. Обычно деньги за интервью я плачу не так часто, лишь когда это условие грантодателей и бюджет проекта позволяет это делать. Признаться, я не вижу в оплате интервью ничего плохого и разрушительного, мне комфортен такой режим взаимоотношений — он кажется честнее и справедливее. При оплате интервью легче проходит рекрутинг, а само интервью в этом случае может восприниматься как работа, и потому отношение к нему оказывается более ответственным. К тому же формат общения всегда может быть переопределен и в ходе коммуникации стать дружеской и расслабленной беседой — здесь проявляется опыт и искусство интервьюера. Главное условие в таком подходе — адекватность цены или ее эквивалента, потому как четко

работает правило: «Много — не всегда хорошо». Другое ограничение связано с тем, чтобы своими тарифами «не испортить поле» для следующих исследователей, что, впрочем, является другой большой темой для обсуждения. За интервью беженцам я платила свои деньги. Сумма была небольшая, но я чувствовала себя неуютно по многим этическим соображениям, среди которых и неприятное ощущение власти «покупки», и непонимание «цены вопроса», и груз дебата о социальных эффектах патернализма, и др. Однако все эти этические дилеммы и вопросы снимались на уровне личных отношений, которые складывались у нас с собеседниками. Это было искреннее желание помочь конкретным людям, с их жизненными историями и ситуациями. Особенно важно для меня было помочь или оплатить интервью тем (а номинация действия имеет здесь важное значение), кто еще не нашел работу и не получает пенсию, тем самым дать им хотя бы ненадолго ощущение свободы и самоуважения, об утрате которого говорили мои информанты и которое в современном обществе могут обеспечить лишь деньги. Деньги, как правило, я давала уже после интервью. Доверительный разговор, форму которого часто принимали наши интервью, — отнюдь не формат оплачиваемого труда, и в данном случае «послевкусие» оплаты может работать разрушающе. Однако, мне кажется, в данном случае деньги обе стороны рассматривали не как оплату, но именно как поддержку и помощь.

Наконец, мне бы хотелось порассуждать о доверии. Странное дело, но эта тема уже долгое время не актуализировалась в моих исследованиях, и выстраивание доверительных отношений подразумевалось «само собой», присутствовало как неперемное условие и фоновое знание. Однако в исследовании беженцев вопросы доверия неожиданно актуализировались вновь. В частности, встал вопрос, кому доверяют — институту или человеку? Надо ли представлять какую-то исследовательскую институцию, которая стоит за мной (а исследование было инициативным), или достаточно представиться персонально? Вызывает ли доверие моя включенность в волонтерство? Не воспринимают ли меня как представителя государства (что было бы в данном случае совсем неправильно)?

Пожалуй, моя институциональная принадлежность интересовала информантов меньше всего, так как они далеки от внутрироссийского академического поля и наших внутренних дифференциаций, в то время как для жителей РФ, которых я рекрутировала для интервью в последние пять-семь лет, часто эта информация была принципиальной. Выход в поле со стороны волонтерской активности, пожалуй, был плюсом для выстраивания доверительных отношений, так как такой формат известен и понятен моим собеседникам. В данном случае моей целью было без потерь перевести эти отношения в формат доверительной коммуникации между исследователем и исследуемым. Безусловно, я информировала людей и объясняла свои исследовательские интересы и цели. Здесь оказалось важным акцентировать, что я не журналист, обозначить границу между исследовательским и журналистским интервью, так как именно представители СМИ воспринимались с опаской и вызвали институциональное недоверие.

Итак, в этом исследовании я старалась выстроить персонализированные, личностные отношения с информантами, что редко делаю в других исследованиях.

Мне казалось важным построить атмосферу доверия, близости и определенной интимности, чтобы человеку захотелось рассказать свою историю. Такой разговор — не дружеская болтовня, когда собеседники обмениваются мнениями и рассказами «про жизнь». В то же время это не совсем «классическое» интервью с четко распределенными ролями и сценарием, разворачивающимся в рамках «вопрос — ответ». Я была готова пожертвовать возможностью контролировать процесс интервьюирования и направлять разговор в необходимое исследовательское русло. Мне гораздо важнее было услышать то, что хочет сказать мой собеседник — с эмоциями, флешбэками и повторами, отсутствием хронологии, линейности и причинно-следственных связей, дикой мифологизацией и воспроизводством стереотипов. Представляется важным, чтобы человек прежде был выслушан, а все свои исследовательские вопросы я смогу задать в следующий раз, когда вернусь спустя какое-то время. И потому установившиеся при первой встрече взаимные теплые отношения необходимо поддерживать регулярными звонками и банальными вопросами «как дела?» и «что нового?». Доверие и близость надо выстраивать, это процесс, который требует временных и эмоциональных ресурсов. При этом доверие необходимо для откровенных разговоров и поиска сенситивных тем, а также помощи в работе с посттравматическим состоянием. В данном случае проблема поддержания личностных границ как маркера профессионализма мне отнюдь не представляется важной и актуальной.

В исследовании мне не удалось четко обозначить границу между моими ролями волонтера и исследователя. Они оказались взаимосвязанными и сильно переплетенными во время сбора информации. Волонтерство открывало двери и помогало выстроить доверительные отношения. В то же время эта роль имеет свои эффекты и ограничения. В частности, я могу предположить, что при рекрутинге людям было сложно мне отказать, а их участие в исследовании могло быть вынужденным. Или же информанты, видя во мне прежде всего «спасателя», в интервью больше сосредотачивались на темах, связанных с лишениями и проблемами. Так или иначе, исследователем я становилась на этапе анализа собранного материала, прекрасно отдавая себе отчет в специфике моей позиции. При этом в фокусе анализа оказывались не только люди, которых я исследовала, но и я сама и наши с ними отношения. Транскрипты интервью четко демонстрируют мое влияние на ход разговора, а дневниковые записи открывают мои переживания и отношения с беженцами. Остается только увидеть и проанализировать их, что я и пытаюсь сделать на нынешнем этапе работы.

Итак, гуманитарная перспектива в исследовании беженцев, безусловно, имеет свои проблемы и ограничения. В частности, эта перспектива универсализирует страдания, игнорируя социальные различия; ограничивается фокусом на конкретном моменте «здесь и сейчас», не заглядывая в будущее; уходит от анализа причин военных конфликтов и социальных катастроф и — возможно, это самое главное, — формирует отношения между исследуемым и исследователем как отношения жертвы и спасателя. Признаюсь, изменить эту перспективу непросто. Даже перечитывая этот текст, я вижу, как через

номинации беженцев и описание проблем я воспроизвожу ее. Понимая проблему, я пытаюсь убрать из текста бесконечно повторяющиеся высказывания о людях, потерявших дом, и об их руинизированных жизнях. Мне трудно изменить оптику и язык, и я всего лишь в их поиске. В данном случае самое важное — не лишить людей субъектности, увидеть и зафиксировать проявления агентности даже в стесненных условиях уязвимой группы. При этом я вижу гуманитарную перспективу в определенном смысле полезной. Сопереживания и помощь информантам помогают установить личные и персонализированные отношения, что дает возможность нащупать нетривиальные исследовательские фокусы и работать со сложными сенситивными темами. Возможно, такие отношения уместны при изучении беженцев лишь на первоначальных этапах выхода в поле и при сборе материалов, а высокая степень рефлексивности дает свои результаты на этапе аналитики.

Закончить эту часть статьи, посвященную отношениям исследователя и исследуемого, я хотела бы размышлением о партисипаторности, на которую, очевидно, должны ориентироваться современные качественные исследования [Звонарева, Контарева, Попова, 2022: 20], и в особенности исследования таких уязвимых групп, как беженцы [Hugman, Pittaway Bartolomei, 2011]. Гуманитарная оптика, по мнению М. Тиктин, способствует появлению «эмоциональной (и часто морализированной) связи с объектом исследования, что побуждает антропологов к моральному императиву вмешаться» [Ticktin, 2014: 277]. Исследование, о котором здесь идет речь, не стало партисипаторным, или активистским (action research). В своей волонтерской деятельности я не вижу потенциала социальных изменений, а информанты, с которыми я работала и продолжаю работать, не стали со-участниками или со-творцами исследования. Думаю, мне еще предстоит освоить новые исследовательские практики, выполненные в логике action research. Пока же я представляю «голос» беженцев, которых исследую, лишь в академическом сообществе, однако и в этом вижу смысл и гражданскую пользу.

Вместо заключения

«Быстрая» социология, описанная в первой части статьи, — это прежде всего социология быстрых и кардинальных перемен, которые пытаются ухватить и описать социальные исследователи. Многие из нас старались реагировать реактивными исследованиями на пандемию и локдауны. Очевидно, «быстрая» социология предполагает такое же «быстрое» письмо, что, по моему мнению, делать сложнее. В режиме «быстрого» письма мы уже вряд ли можем позволить себе глубоко погрузиться в дискуссию, отстраниться и взять паузу «на подумать». И вообще, иницируя разговор по (относительно) новой теме, чувствуешь себя несколько уязвимым, потому как еще не встроены в существующие дебаты, находишься в поиске адекватного языка и соответствующих интерпретативных схем. При этом откровенно рискуешь навлечь на себя шквал критики. Тем не менее я чувствую необходимость в «быстром письме» по ряду причин.

Екатерина Мельникова в одном из недавних номеров «Антропологического форума» размышляет о феномене немоты в академическом пространстве в настоящее время [Мельникова, Васильева, 2023]. Немота, по ее наблюдениям, может быть вызвана опасениями нормализовать происходящее. Также авторка связывает эффект немоты с отсутствием языка, адекватного описываемым событиям. Этот текст давался мне нелегко, через преодоление моей собственной немоты. Слова, описывающие беженцев, подбирались сложно. И хотя я давно занимаюсь исследованием миграций, исследование беженцев оказалось совсем «про другое», мне пришлось начитывать новый корпус литературы, подходить к анализу собранного материала с другими концептуальными рамками и придумывать новые интерпретационные схемы. К тому же быстрое письмо ставит быстрые диагнозы, однако при этом теряет нюансы, что делает текст несколько категоричным и ангажированным. Для описания полевых находок мне приходилось подбирать нейтральные и менее эмоционально нагруженные слова, хотя хотелось писать иначе. Я поймала себя на том, что не для моих информантов, но для меня есть запретные темы, которые связаны с опасениями любой эскалации, поэтому важным этическим вопросом для меня лично становится самоцензура.

Так или иначе, в этом тексте я хотела поделиться своим опытом в исследовании беженцев, озвучить проблемы и вопросы, с которыми столкнулась в ходе полевой работы. Это исследование освежило мои размышления о методологии и методах, о позиции исследователя и отношениях власти с исследуемым, об этических максимумах, которые вставали передо мной в начале профессионального пути. Тем не менее сейчас все эти вопросы вновь стали актуальными, и о них я попыталась поразмышлять в этой работе. На большинство вопросов ответов я не нашла, среди них:

- этично ли / не травматично ли интервьюировать людей, недавно переживших трагедию?
- корректно ли считать исследованием и использовать в качестве аналитического материала наблюдения, сделанные во время волонтерской активности?
- этично ли делать информантами тех, кому помогаешь?
- правильно ли давать деньги в качестве гуманитарной помощи тем, кого исследуешь?
- можно ли говорить с беженцами на политические темы?
- этично ли в принципе исследование беженцев из Украины российскими исследователями?

И так далее, этот список открыт. Я не знаю верных ответов, но знаю, что вопросы надо продолжать задавать.

Литература

Гуманитарная наука после 24 февраля // Новое литературное обозрение / Пер. с англ. Д. Аронсона. 2023. № 178. С. 29–63. EDN: [AVLLRZ](#)

Богданова Е. А., Ткач О. А. Назад, в «поле»: опыт исследования деревенского сообщества // Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле / Под. ред. В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009. С. 102–113.

Звонарева О. И., Контарева А. Ю., Попова Е. В. Введение // Новое время, новое поле. Меняющийся мир качественных исследований и новые технологии / Под. ред. О. Звонаревой, А. Контаревой, Е. Поповой. СПб.: Алетейя, 2021. С. 8–46.

Мельникова Е. А., Васильева З. С. Послесловие к неопубликованному // Антропологический форум. 2023. № 56. С. 11–22. EDN: YDCFOJ DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-56-11-22>

Прокофьев А. В. Стыд без «ока других» (этический анализ десоциализированной концепции стыда // Человек. 2017. № 4. С. 38–51. EDN: ZCPETT

Шторн Е. #хроники_беженства. СПб.: Порядок слов, 2021

Hugman R., Pittaway E., Bartolomei L. When “Do No Harm” Is Not Enough: The Ethics of Research with Refugees and Other Vulnerable Groups // British Journal of Social Work. 2011. Vol. 41. № 7. P. 1271–1287. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcr013>

Malkki L. Speechless Emissaries: Refugees, Humanitarianism, and Dehistoricization // Cultural Anthropology. 1996. Vol. 11. № 3. P. 377–404. DOI: <https://doi.org/10.1525/can.1996.11.3.02a00050>

Sasse G., Lackner A. The Displaced as “Ordinary Citizens”: Exploring Variation in the Political Attitudes of the Displaced from Donbas // Europe-Asia Studies. 2020. Vol. 72. № 3. P. 354–382. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1725448>

Ticktin M. Transnational Humanitarianism // Annual Review of Anthropology. 2014. Vol. 43. P. 273–289. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102313-030403>

Сведения об авторе:

Бредникова Ольга Евгеньевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **Email:** bred8@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 533305; **ORCID ID:** 0000-0002-6954-1273; **ResearcherID:** ABD-1736-2020.

Статья поступила в редакцию: 02.05.2023

Принята к публикации: 15.06.2023

БАК: 5.4.1

(Not)New Questions in New Contexts (Methodological and Ethical Problems in the Studies of Refugees From Ukraine)

DOI: 10.19181/inter.2023.15.2.2

Olga E. Brednikova Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia
E-mail: bred8@yandex.ru

The article is devoted to reflection on the experience of field research of refugees from Ukraine. It examines methodological and ethical issues and problems. The article aims to identify problematic points and to demonstrate how methodological sensitivity and reflexivity can help to find relevant research focuses and interpretative frameworks. The first section of the article is devoted to research strategies, in particular the problems of “fast” and “slow” research, as well as issues of observations and specifics of interviewing of refugees. The use of mosaic methodology,

research strategies of “fast” and “slow” sociology, different sources, etc. allows researchers to find non-trivial research focuses.

The second section of the article is devoted to the relationship between the researcher and the research subject. On the one hand, the humanitarian perspective universalizes suffering, on the other hand, it allows establishing trusting and personalized relationships and working with the sensitive topics. The section also raises the questions of the interviewer's emotional empathy and trust issues.

Keywords: research methodology; humanitarian perspective of research; research ethics; refugees from Ukraine

References

Bogdanova E.A, Tkach O. A. (2009) Nazad, v “pole”: opyt issledovaniya derevenskogo soobshchestva [Back to the Field: The Experience of Exploring the Village Community]. In: V. Voronkov, E. Chikadze (eds.) *Ujti, chtoby ostatsya: Sociolog v pole* [Leave to Stay. Sociologist in the Field]. St. Petersburg: Aleteya. P. 102–113. (In Russ.)

Gumanitarnaya nauka posle 24 fevralya [The Humanities After February 24th] (2023) *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. Transl. from Eng. by D. Aronson. No. 178. P. 29–63. (In Russ.)

Hugman R., Pittaway E., Bartolomei L. (2011) When “Do No Harm” Is Not Enough: The Ethics of Research with Refugees and Other Vulnerable Groups. *British Journal of Social Work*. Vol. 41. No. 7. P. 1271–1287. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcr013>

Malkki L. (1996) Speechless Emissaries: Refugees, Humanitarianism, and Dehistoricization. *Cultural Anthropology*. Vol. 11. No. 3. P. 377–404. DOI: <https://doi.org/10.1525/can.1996.11.3.02a00050>

Melnikova E.A, Vasileva Z. S. (2023) Posleslovie k neopublikovannomu [Afterwards to an Unpublished Forum]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. No. 56. P. 11–22. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-56-11-22>

Prokofyev A.V. (2017) Styd bez “oka drugih” (Eticheskij analiz desocializirovannoj koncepcii styda) [Shame Without the “Eye of Others” (An Ethical Analysis of the Desocialized Conception of Shame)]. *Chelovek* [Chelovek]. No. 4. P. 38–51. (In Russ.)

Sasse G., Lackner A. (2020) The Displaced as “Ordinary Citizens”: Exploring Variation in the Political Attitudes of the Displaced from Donbas. *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72. No. 3. P. 354–382. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1725448>

Shtorn E. (2021) *#hroniki_bezhenstva* [Chronicles of the Refugee]. St. Petersburg: Poryadok Slov. (In Russ.)

Ticktin M. (2014) Transnational Humanitarianism. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 43. P. 273–289. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102313-030403>

Zvonareva O.I., Kontareva A. Yu., Popova E.V. (2021) Vvedenie [Introduction]. In: O. Zvonareva, A. Kontareva, E. Popova (eds.) *Novoe vremya, novoe pole: Menyayushchij mir kachestvennyh issledovanij i novye tekhnologii* [New Time, New Field: the Changing World of Qualitative Research and New Technologies]. St. Petersburg: Aleteya. P. 8–46. (In Russ.)

Author bio:

Olga E. Brednikova — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **Email:** bred8@yandex.ru. **RSCI Author ID:** 533305; **ORCID ID:** 0000-0002-6954-1273; **ResearcherID:** ABD-1736-2020.

Received: 02.05.2023

Accepted: 15.06.2023

Исследовательская рефлексия

DOI: 10.19181/inter.2023.15.2.3

EDN: MDLPPK

Онлайн фокус-группы: методическая рефлексия

Ссылка для цитирования:

Желизнык М. Н. Онлайн фокус-группы: методическая рефлексия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 2. С. 51–71. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.3>
EDN: MDLPPK

For citation:

Zheliznyk M. N. (2023) Online Focus-Groups: Methodical Reflection. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 2. P. 51–71. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.3>

Желизнык Мария Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
АНО «Диалог Регионы»,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: marzhel@yandex.ru

В процессе цифровизации трансформируются способы изучения социальной реальности. С конца 1990-х годов оцифровываются классические исследовательские методы и появляются новые методы, характерные только для интернет-среды (например, асинхронные фокус-группы). Пандемия обеспечила стремительное развитие онлайн-методов в России, в частности на рынке стали востребованы онлайн фокус-группы. Несмотря на снятие ковидных ограничений, популярность фокус-групп, проводимых в интернете, сохранилась. В статье мы рассмотрим изменившуюся социальную реальность, проанализируем специфику организации и проведения онлайн фокус-групп на примере Ленинградской области, продемонстрируем преимущества и недостатки данного метода, осмыслим факторы, которые могут приводить к смещениям выборки при применении онлайн фокус-групп, представим свои наработки по организации и ведению фокус-групп в интернете. Приведенные аргументы позволят исследователям, особенно начинающим, принимать мотивированные взвешенные решения при выборе формата исследования — онлайн или офлайн.

Ключевые слова: онлайн фокус-группа; фокус-группа; методическая рефлексия; специфика онлайн-исследований; контекст исследования; исследовательские техники

Введение

Цифровизация бесповоротно изменила социокультурный ландшафт. Пожалуй, первым на это отреагировал бизнес: за последние годы количество UX-исследований, включающих качественные и количественные онлайн-методы, стремительно возросло. В фокусе внимания исследователей пользовательского опыта находятся поведенческие и отношенческие аспекты. Тренд использования онлайн-методов подхватили журналисты, блогеры, маркетинговые и исследовательские компании. Первые на своих страницах в социальных сетях, каналах в мессенджерах стали проводить онлайн-опросы, вторые наряду с количественными стали адаптировать под онлайн-среду качественные методы. Пандемия коронавируса ускорила и усилила тенденцию перехода в онлайн-среду разных процессов, в том числе исследовательских, и обеспечила экспоненциальный рост популярности онлайн-методов в России — сама жизнь вынудила ученых искать новые инструменты изучения социальной реальности. Речь не шла о выборе между онлайн и офлайн. Вопрос звучал следующим образом: проводить исследования онлайн или не проводить совсем? Это время, прошедшее под девизом #домалучше, приблизило точку невозврата — онлайн-социология стала равноправным игроком на исследовательском поле.

Перевод в онлайн-пространство традиционных исследовательских методов привел к появлению новых методов, характерных исключительно для цифровой среды. На примере фокус-групп мы видим, что классические фокус-группы раздвоились в онлайн на синхронные и асинхронные. К синхронным относится видеочат (видеоконференция), в котором взаимодействие осуществляется через видео, к асинхронным — чаты, форумы, где происходит текстовая коммуникация участников и модератора в течение какого-то времени — от одного дня до недели / десяти дней. Другое их название — форум-группы [Рыбакова, 2009]. Хотя в научной среде ведется дискуссия, считать ли асинхронные фокус-группы фокус-группами [Greenbaum, 1998; Murgado-Armenteros, Torres-Ruiz, Vega-Zamora, 2012], исследователи-практики получили дополнительный инструмент для изучения социальной реальности.

Сегодня, когда информационная повестка может измениться за минуты, а временной цикл прикладных исследований сокращается от нескольких недель до нескольких дней, онлайн-методы в силу их оперативности и относительно дешевой по сравнению с офлайновыми аналогами становятся незаменимыми. Более того, развитие информационных технологий, цифровизация и цифровая трансформация (внедрение цифровых технологий и решений во все сферы жизни государства — экономики, здравоохранения, науки, образования и т.д.) формируют привыкание аудитории к интернет-исследованиям. «Оцените качество оказанной услуги», «ответьте на несколько вопросов», «оставьте отзыв» и другие опросные формы сбора обратной связи создают такую реальность, в которой озвучивание своего мнения по разным вопросам — от покупки товаров и услуг до оценки деятельности органов власти — уже не воспринимается как событие из ряда вон, а становится

обыденностью. Появились исследователи и даже целые компании, которые специализируются исключительно на онлайн-методах изучения социальной реальности, поведенческих установок и паттернов. Таким образом, изменение социокультурного ландшафта изменило и обогатило исследовательский ландшафт.

В данной статье речь пойдет о фокус-группах онлайн — относительно новом методе, который, с одной стороны, по своей сути является классической фокус-группой, перенесенной в интернет, адаптированной под онлайн-среду, с другой — обладает специфическими чертами и имеет свои особенности. Подчеркнем, что мы основываемся на изначальной трактовке термина «фокус-группа», согласно которой «фокус-группа — это групповое глубокое интервью, основанное на технике probing» [Белановский, Никольская, 2021: 116]. Техника «probing» представляет собой метод зондирования.

Обращаясь к зарубежному опыту, мы видим, что с конца 1990-х годов появляются методические статьи о фокус-группах, проводимых в интернете [Greenbaum, 1998; O'Connor, 2003; Stewart, Williams, 2005; Fox, Morris, Rumsey, 2007; Poynter, 2010; Lobe, Morgan, 2011; Murgado-Armenteros, Torres-Ruiz, Vega-Zamora, 2012; Abrams, Wang, Song, Galindo-Gonzalez, 2014; Abrams, Gaiser, 2017; Chen, Neo, 2019; Archibald, Ambagtsheer, Casey, Lawless, 2019]. Обстоятельная статья написана Б. Лоубом, Д. Морганом и Л. Хоффманом в 2022 году, в ней проанализированы не только фокус-группы, но и одиночные и парные (диадные) интервью в офлайн- и онлайн-форматах [Lobe, Morgan, Hoffman, 2022].

В России мало научных работ, посвященных методической рефлексии, критическому анализу онлайн фокус-групп¹ [Лебедев, 2016; Фарахутдинов, 2020; Рождественская, 2016], несмотря на то что маркетинговые и исследовательские компании активно используют данный метод. Как правило, на сайтах агентств размещается информация о плюсах и минусах этого метода. Она направлена на заказчиков и не раскрывает особенности метода, преимущественные сферы его употребления.

Цель данной статьи — основываясь на анализе отечественной и зарубежной литературы, рассмотреть специфику организации и проведения фокус-групп в интернете, представить методическую рефлексию собственного практического опыта проведения онлайн фокус-групп² на примере Ленинградской области, которая может быть полезна профильным специалистам при организации исследований. Также мы проанализируем модераторские техники, специфичные для онлайн фокус-групп, что может быть востребовано начинающими исследователями.

¹ Шашкин А. Фокус-группы он-лайн! Новые технологии маркетинговых исследований. 2006 г. URL: <https://www.ipnpu.ru/article.php?idarticle=002093> (дата обращения: 20.01.2023); Шмидт Д. Онлайн фокус-группы. Реальный опыт // Поле. ФОМ. URL: <https://pole.fom.ru/post/onlajn-fokus-gruppy> (дата обращения 25.01.2023).

² Автор имеет десятилетний опыт проведения классических фокус-групп как ассоциированный сотрудник, а затем заместитель директора по социологическим исследованиям АНО «Институт современного государственного развития», с 2021 года проводит онлайн фокус-группы в Ленинградской области как старший специалист по исследованиям отдела по работе с Ленинградской областью АНО «Диалог Регионы».

Специфика рекрутинга онлайн фокус-групп

К рекрутингу для онлайн фокус-групп предъявляются такие же требования, как и для классических фокус-групп, за тем лишь исключением, что становятся важными техническая грамотность участников и стабильное подключение к интернету. Наличие доступа к сети, хорошее интернет-соединение — необходимые условия для успешного проведения фокус-группы в цифровом формате. Эти факторы вне власти организаторов исследования, но они отсылают нас к проблеме цифрового неравенства и возможного смещения выборки при отсутствии интернета у какой-то части населения.

По данным НИУ ВШЭ¹, по состоянию на 2021 год в России 84% домохозяйств подключены к интернету, при этом уровень проникновения интернета отличается от региона к региону — от 98,5% в Ямало-Ненецком автономном округе до 72% в республике Марий Эл. Данные показатели свидетельствуют о неравномерности цифровизации в нашей стране, но при этом и о невысоком уровне цифрового неравенства в ряде регионов, где проникновение интернета стремится к 100%. По-прежнему сохраняется диспропорция между доступом к интернету у городских и сельских жителей РФ: на 2021 год доступ отсутствовал у 14% горожан и 22% сельчан². В свете вышесказанного при планировании онлайн фокус-групп целесообразно учитывать уровень цифрового неравенства в контексте региона, а не страны. Так, наш опыт проведения онлайн фокус-групп в Ленинградской области в 2021–2022 гг. показывает, что наряду с городскими жителями в исследованиях активно участвовали сельские, причем сельские жители из отдаленных районов области (Лужского, Выборгского и др.). В офлайн фокус-группах, проводимых для региона с 2012 года, мы не могли получить такую географическую представленность информантов при сопоставимом бюджете.

Сегодня мы видим, что онлайн фокус-группы дают возможность собрать жителей из разных районов региона (в Ленинградской области 17 районов и один городской округ), в том числе отдельно сельских, проживающих в разных районах, что практически невозможно в офлайн группах с учетом географии области. Необходимость привезти людей в Санкт-Петербург, а именно он является географическим центром Ленинградской области, значительно увеличивает расходы и повышает риски неявки информантов. Подобные исследования экономически не оправданы.

Мы можем констатировать, что появление метода онлайн фокус-групп изменило дизайн исследований. На примере опыта работы с Ленинградской областью мы видим, что ограничения, связанные с географией, преодолеваются, удаленные районы становятся доступнее для исследователей, уровень проникновения интернета позволяет рекрутировать сельских жителей.

¹ Цифровые навыки населения в регионах России. 2022 г. URL: <https://issek.hse.ru/news/767681612.html> (дата обращения: 10.12.2022).

² Цифровые навыки населения в регионах России. 2022 г. URL: <https://issek.hse.ru/news/767681612.html> (дата обращения: 10.12.2022).

Основываясь на статистике¹, можно говорить о цифровом неравенстве в регионе. Смещение выборки при использовании онлайн-фокус-групп может происходить, но при тщательном рекрутинге оно минимизируется. Остается открытым вопрос, происходит ли смещение выборки при проведении офлайн-фокус-групп из-за географического фактора — удаленности территорий от места пребывания исследователя.

Организация онлайн-фокус-группы

Вторая проблема, которая может приводить к смещению аудитории, — это технические компетенции потенциальных участников, навыки работать с видеочатами, так как рекрутеры могут делать выбор в пользу технически подкованных информантов [Van Dijk, 2020]. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ приводит следующие данные: 81,9% населения России от 15 лет и старше владеют какими-либо цифровыми компетенциями — от низкого уровня до уровня выше среднего². То же исследование показывает, что наиболее низкий уровень цифровых навыков в возрастной группе 45–64 года³. В наших онлайн-фокус-группах, формируемых на основе целевой выборки, практически всегда присутствует аудитория старше 45 лет. В 2022 году мы провели несколько десятков онлайн-фокус-групп и почти в каждой у участников возникали технические затруднения — от неработающих наушников и сложностей с включением камеры до окончания мобильного трафика, обрыва связи. Низкий уровень технических компетенций мы не считаем проблемой, способной сместить выборку в сторону диджитал-аудитории, так как в рамках тестового сеанса связи рекрутеры проводят обучение потенциальных информантов, учат их пользоваться видеочатом. Но низкий уровень технических навыков, как правило, приводит к другой проблеме — потере времени непосредственно в ходе самой фокус-группы. Во время проведения исследования, как показывает наш опыт, участник может забыть детали обучения и снова испытывать проблемы с подключением и запуском видео, звука, вследствие чего настройка иногда занимает до 15–20 минут. В результате происходит снижение внимания и мотивации у остальных участников исследования, которые вынуждены просто ждать. Опытным путем мы пришли к следующей организации процесса: подключение к видеочату участников, тестирование связи начинается за 15 минут до проведения фокус-группы. Как правило, этого времени достаточно, чтобы все участники подключились, проверили видео и звук. В данном процессе

¹ Согласно данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, в Ленинградской области 80,2% домохозяйств подключены к интернету. Цифровые навыки населения в регионах России. 2022 г. URL: <https://issek.hse.ru/news/767681612.html> (дата обращения: 10.12.2022).

² Как пандемия повлияла на уровень цифровых навыков россиян. 2022 г. URL: <https://issek.hse.ru/news/704025190.html> (дата обращения: 10.12.2022).

³ Как пандемия повлияла на уровень цифровых навыков россиян. 2022 г. URL: <https://issek.hse.ru/news/704025190.html> (дата обращения: 10.12.2022).

требуется активное участие ассистента, который связывается с участниками, консультирует их, помогает решать технические вопросы. В том случае, если технические проблемы не устранены до начала фокус-группы, модератор начинает знакомиться с участниками, а ассистент продолжает взаимодействие с «проблемными» информантами. Таким образом, группа не находится в пассивном ожидании, происходит знакомство, разогрев, поддерживается общий настрой на совместную работу.

Роль ассистента в онлайн фокус-группе

В целом в онлайн фокус-группах значимость ассистента существенно выше, чем в классических. Его функции — решать технические проблемы участников, возвращать тех информантов, которые по каким-то причинам исчезли из видеочата в ходе проведения фокус-группы, отключать микрофоны участникам, если они не научились это делать самостоятельно (практика показывает, если у всех включены микрофоны, помимо посторонних шумов, возникают общие проблемы со звуком), по команде модератора демонстрировать контент, предусмотренный в гайде, иногда — составлять цитатник из ответов участников. Четкая, профессиональная работа ассистента существенно экономит время модератора, который концентрируется на содержательной стороне дискуссии.

В классической фокус-группе требование к профессиональному модератору — вместить начальный этап (знакомство, «разбивание льда») в 3–5 минут [Белановский, 1996: 90]. Наш опыт показывает, что в онлайн фокус-группах с восемью участниками этот этап может занимать до 15–20 минут при наличии технических сложностей у информантов, что слишком много для стандартного двухчасового обсуждения. Параллельная работа модератора и ассистента позволяет сократить время знакомства до 5–8 минут.

Стоит отметить, что на любом этапе проведения онлайн фокус-группы могут случиться перебои в связи, в результате — потеря информации при технических помехах или ее неполучение при самопроизвольном отключении участника. Это сопутствующий риск проведения фокус-групп в интернете, который невозможно блокировать.

Специфика обсуждения в онлайн фокус-группе

Групповое фокусированное интервью включает в себя два вида транзакций: «модератор — информант» и «информант — информант» [Белановский, Никольская, 2021: 107]. В онлайн превалируют транзакции «модератор — информант». Специфика общения в онлайн фокус-группах подразумевает, что говорит тот, кому дали слово, соблюдается очередность высказываний. Более того, культура проведения видеоконференций, вебинаров подразумевает

последовательное включение микрофонов, а задача ведущего — управлять этим процессом. И если в традиционных фокус-группах может спонтанно возникнуть эмоциональный спор, то в онлайн-информанты редко инициативно вступают в дискуссию друг с другом. В обсуждении вопросов возможна отсылка к другим участникам, аргументация за или против высказанной точки зрения, при этом внутригрупповой дискуссии, характерной для классических фокус-групп, практически не возникает. Необходимость включить микрофон без приглашения модератора является неким барьером, в онлайн-фокус-группах информанты ориентированы на модератора, который выступает «лидером по должности». Типичны ситуации, когда участники начинают говорить после стимульных фраз модератора, таких как «Кто-то добавит что-то по этой теме? Пожалуйста, включайте микрофон и говорите» или «Кто не согласен с ..., объясните, пожалуйста, свою позицию» и т.п. Но бывает и так, что участники не включают микрофон, а поднимают руку или машут рукой, сигнализируя о желании говорить, тогда модератору нужно обратиться по имени к такому участнику с предложением высказаться. Мы всегда поощряем активность участников, давая коллективную или индивидуальную позитивную оценку: «Прекрасно, у нас сегодня очень активная группа», «Имярек, вижу Вашу готовность, пожалуйста» и т.п., что «программирует» группу на продуктивный диалог.

Гайд для онлайн-фокус-групп

В научной литературе мы не встречали рекомендаций по поводу объема гайда для синхронных онлайн-фокус-групп. Наша практика показывает, что в онлайн-среде за счет специфики коммуникации общение происходит медленнее, модератор управляет группой только вербальными средствами. Наше наблюдение: при стандартной группе из восьми человек комфортно работать с гайдом, который на 15–20% меньше аналогичного, используемого в традиционных фокус-группах. Такой инструментарий позволяет и углублять обсуждение, и обрабатывать все тематические блоки, и выслушивать мнения всех участников. Наша рекомендация уменьшения гайда связана с тремя факторами. Во-первых, технические нюансы «съедают» время: участники забывают включать микрофон, когда говорят, случаются сбои в связи, из-за чего возникает необходимость повторять сказанное. Эти факторы удлиняют обсуждение вопросов, но содержательно не обогащают дискуссию. Во-вторых, характер коммуникации — преобладание транзакций «модератор — информант». Участники ждут приглашения модератора, крайне редко инициативно включают микрофон. В-третьих, невозможность использовать невербальные сигналы для управления дискуссией: модератор только словесно координирует, направляет группу. Без сомнения, он демонстрирует активное слушание киванием головы, улыбками, но передать слово следующему участнику можно только устно.

Пример обсуждения в онлайн фокус-группе

В качестве примера приведем фокус-групповое исследование «Использование родительских чатов в Ленинградской области», которое мы реализовали в ноябре 2022 года¹. Всего было проведено три онлайн фокус-группы на заданную тему. Группы были смешанными по полу, возрастной диапазон участников — 27–65 лет. Критерии отбора информантов: проживание в Ленинградской области не менее трех лет, наличие детей/внуков, пользование родительскими чатами (участвовали мамы, папы, бабушки). Гайд помимо вступительного слова, приветствия и заключения содержал четыре содержательных блока: 1) практики использования родительских чатов (цель, частота, время использования, канал коммуникации и др.); 2) структура родительских чатов; 3) характер информации в чатах; 4) «идеальный» родительский чат. Целью исследования было описать типы, виды родительских чатов и практики их использования, то есть получить максимально разнообразную информацию о предмете, а также смоделировать идеальный родительский чат, описать необходимый функционал, тип коммуникации, организации и др. Отметим, что по объему гайд был разработан стандартный, поэтому нам приходилось балансировать между временем и количеством информации.

Фокус-группы проходили легко, участники были вовлечены в тему, особенно многословными оказались женщины. Групповое взаимодействие происходило косвенно, за счет таких фраз, как «я согласен с ...» или «у нас так же, как у ...»:

М.: Какие темы чаще всего обсуждаются в ваших родительских чатах?

И.1: (поднимает руку).

М.: Информант 1, давайте с Вас начнем.

И.1: Самые основные — оргвопросы, по поводу здоровья и демисезонные — там одеться, раздеться, такого формата. И да, действительно, обсуждения по поводу праздников, организаций, какие-то мероприятия, что рисовать, дарить — какие-то тематические вещи. И потом еще двадцать тем, которые касаются индивидуально, но их выносят на всеобщее обсуждение. Я стараюсь экономить свое здоровье, пореже посещаю такие обсуждения.

М.: Информант 2, пожалуйста.

И.2: У нас поднимаются темы — тоже скидываемся на праздник, дни рождения — это в родительском чате. А с учителем у нас про олимпиаду, она скидывала информацию, чтобы участвовали, домашние задания, кто забыл записать, конкурсы.

М.: Информант 3, а как у Вас в чате?

И.3: Первая тема — это сбор денег. Вторая тема — это учебный процесс, тоже так — олимпиады, где-то поучаствовать. И про музеи, театры, экскурсии.

¹ Фокус-группы проведены в рамках региональных исследований АНО «Диалог Регионы», все разработки и результаты принадлежат АНО «Диалог Регионы» и приводятся в статье с разрешения данной компании.

М.: Информант 4, скажите, пожалуйста, какие у Вас темы?

И.4: Ну да, тоже сбор денег, тоже идеи подарков. Ну и да, то, о чем я говорил, я соглашусь с Информантом 1 (называет его по имени). Вопросы поднимаются такие — начинается жаростно обсуждаться, какие подарки. На это уходит много-много часов. Очень энергозатратная история для меня тоже, я стараюсь тоже абстрагироваться от этих историй.

На примере мы видим, что информант 4 выражает солидарность с информантом 1, называет его по имени, причем косвенная коммуникация между ними разделена во времени. Другие участники исследования говорят «тоже» и добавляют что-то свое, таким образом формируется неразрывная «цепочка» раскрытия темы, при которой они передают информационную эстафету друг другу, даже несмотря на необходимость модератору включаться в дискуссию.

Специфика внутригруппового взаимодействия в онлайн фокус-группах

Специфика внутригруппового взаимодействия в онлайн фокус-группах обсуждается в научной литературе (см. [O'Connor, Madge, 2003; Murgado-Armenteros, Torres-Ruiz, Vega-Zamora, 2012]). Ученые сходятся во мнении, что оно менее выражено, чем взаимодействие в офлайне, но готового решения, как его усилить, пока нет. Б. Лоуб, Д. Морган и К. Хоффман считают, что нужно вырабатывать дополнительные методы, модераторские техники, специфичные для онлайн фокус-групп [Lobe, Morgan, Hoffman, 2022: 9]. В то же время нельзя говорить о полном отсутствии внутригруппового взаимодействия в онлайн фокус-группах. Как отмечает С.А. Белановский, «... полноценное раскрытие темы в групповом интервью достигается не только (и не столько) путем прямого взаимодействия респондентов друг с другом, сколько путем их косвенного взаимодействия при посредстве модератора» [Белановский, Никольская, 2021: 107]. Приведенный нами пример иллюстрирует данный тезис. Косвенное взаимодействие участников происходит, когда они развивают высказанную другим информантом мысль, приводят новые аргументы, реакции, смыслы и т.п. к сказанному. Это дает те же стимулы для дискуссии, что и в офлайн-формате, разница заключается в том, что общение происходит «через модератора», то есть информацию сообщают ему, а не вступают в диалог с членом группы.

Для стимуляции внутригруппового взаимодействия, выраженного в косвенной форме, мы используем следующие техники. Во-первых, резюмируем несколько точек зрения и фиксируем единодушие или наличие разных мнений, обязательно называем имена ответивших. Такой способ побуждает остальных участников быть более внимательными друг к другу, а не просто ждать своей очереди высказаться. Во-вторых, мы часто используем практику поощрения: «Спасибо за такой развернутый ответ», «Замечательно, что Вы обратили внимание на эту деталь» и т.п. И, наоборот, подчеркиваем недостатки

лаконичности. Данные техники не новы, но в онлайн они помогают повысить внимание группы.

Анализируя проведенные онлайн фокус-группы, посвященные родительским чатам, можем выделить следующую специфику коммуникации: 1) тип коммуникации — преобладание транзакций «модератор — информант»; 2) большие по сравнению с классической фокус-группой паузы, когда информанты колебались включить микрофон; 3) косвенное внутригрупповое взаимодействие — общение происходило через модератора, участники соглашались или не соглашались друг с другом, но не задавали вопросы напрямую друг другу. Уникальной особенностью данных фокус-групп оказались длинные высказывания участников, прежде всего женщин, сопоставимые с офлайн-коммуникацией. Мы полагаем, это связано с темой — мамы могли очень долго говорить о родительских чатах, рассказывать, что там происходит, какие темы обсуждаются, какие конфликты бывают, и проч. Высказывания мужчин сопоставимы с другими онлайн фокус-группами, никаких особенностей отметить нельзя.

Невербальная коммуникация

Еще одна особенность онлайн фокус-групп — затруднительная невербальная коммуникация [Poynter, 2010; Lobe, Morgan, Hoffman, 2022; Рождественская, 2016]. В ходе фокусированного группового интервью значение имеет не только вербальная информация, но также кинетика, мимика, жесты, вздохи, смех, то есть весь спектр невербальных реакций. В классических фокус-группах невербальное общение используется и в технике probing в качестве методических приемов для оживления, стимулирования дискуссии, и в анализе высказываний информантов. Модератор регистрирует невербальные сигналы и в зависимости от их выражения, окраски корректирует беседу, углубляет конкретные темы. В онлайн фокус-группе он лишен такой возможности, имеет место ориентация на словесные высказывания участников.

При стандартной группе из восьми участников и модератора на экране ноутбука отражаются девять маленьких квадратиков, которые меняются местами, передвигаются, если кто-то даже на секунду выключил видео, а затем снова запустил его. Затруднен контакт глазами, сложнее интерпретировать позы участников. Когда информант общается через мобильный телефон, что часто бывает даже при рекомендациях рекрутера выходить в видеочат с помощью компьютера, в крайнем случае — планшета, ему еще более затруднительно различать оттенки эмоций на лицах участников обсуждения. «Мягкие» способы управления дискуссией практически не работают в онлайн. Например, движение глаз, поворот головы, наклон корпуса не воспринимаются участниками, поскольку невозможно идентифицировать, к кому модератор повернулся или кому кивнул, приглашая к разговору. Используются гипертрофированные жесты — активное кивание головой и прочие.

Обратим внимание и на прием молчания, который в традиционных фокус-группах активно используется как метод зондирования (probing). К. М. Абрамс и Т. Гейзер рекомендуют модератору не нарушать сразу возникшее молчание, так как участники колеблются, начинать ли говорить, ожидая вербальных сигналов модератора или опасаясь вступить в разговор одновременно с другими членами группы [Abrams, Gaiser, 2017: 442]. Основываясь на собственном опыте проведения онлайн фокус-групп, выделим как минимум две типичные ситуации с молчанием. Первая — после вопроса модератора. В этом случае, особенно после стимульной фразы «кто готов начать?», информанты могут инициативно включать микрофон и говорить или поднимать руку, демонстрируя готовность. Другой тип молчания — когда участник высказал свое мнение, ответил на вопрос, а ему в ответ тишина. Такое молчание модератора в онлайне воспринимается скорее как проблема со связью и вызывает у информантов беспокойство, тревогу. Часто участники начинают спрашивать: «Меня было слышно? Вы меня слышите?», то есть происходит не заглупление беседы, как часто бывает в традиционной фокус-группе, а разрыв, нарушение коммуникации. Пытаясь поддерживать динамику общения и не имея возможности делать это невербально, модератор вынужден включаться в разговор, что усиливает значение его роли в дискуссии.

Количество участников в онлайн фокус-группе

Б. Лоуб, Д. Морган и К. Хоффман отмечают, что вопрос количества участников — ключевой при проведении онлайн фокус-групп. Исследователи рекомендуют набирать небольшие группы, оптимальное количество участников, по их мнению, — 3–5 человек [Lobe, Morgan, Hoffman, 2022: 8]. Во-первых, маленькие квадратики с лицами станут больше, что увеличит возможности оценивать невербальные сигналы. Во-вторых, чем меньше участников, тем легче им взаимодействовать друг с другом. Наш опыт проведения онлайн фокус-групп подтверждает данный тезис, группы из пяти человек (три участника — слишком мало, возникает вопрос: это триадное интервью или фокус-группа?) более информативны с точки зрения невербальных сигналов, есть больше возможностей для заглупления обсуждения. В таком случае нет необходимости уменьшать гайд.

Влияние контекста

Проведение онлайн фокус-групп требует от модератора высокого уровня вовлечения, особенно при «низковольтных» темах, то есть обсуждении тех вопросов, которые не очень интересны участникам или неинтересны совсем. В силу того, что информанты находятся в комфортных для себя условиях, часто дома, они быстрее отвлекаются и выпадают из обсуждения, давая формальные ответы. В этом также принципиальное отличие от классических фокус-групп,

которые проводятся в искусственных условиях (специальная комната, наличие видеоаппаратуры, полупрозрачного стекла, за которым располагается заказчик исследования). Привычная среда обуславливает комфорт участников, минимизирует стресс, но, с другой стороны, дома много отвлекающих факторов. Нередки случаи, когда домочадцы входят в комнату, где находится информант, кричат и требуют внимания дети, домашние животные, курьер звонит в дверь. Модератору приходится прикладывать много усилий, чтобы вернуть отвлекшегося участника к обсуждению.

Кроме того, мы никогда не знаем, есть ли еще кто-то в комнате, где находится информант, соотносит ли свои слова участник с кем-то другим. Видя сниженное внимание участника, модератор также не может наверняка знать, «серфит» ли информант в интернете параллельно с участием в фокус-группе. Требуется мастерство модератора (парадоксальная фраза, хорошая шутка) или какой-то стимульный материал, чтобы включить в дискуссию «пассивного» участника.

Искренность участников в онлайн фокус-группах

Существует мнение, что в онлайн фокус-группах информанты более искренни, так как опосредованный контакт создает ощущение анонимности [Фарахутдинов, 2020: 19]. Возможно, больше искренности в асинхронных фокус-группах, где происходит текстовое общение в чате, на форуме, можно участвовать под любым никнеймом. В синхронных онлайн фокус-группах участник включает видео, на заднем плане мы видим его квартиру, если включение происходит из дома, в таком случае сложно говорить об анонимности. Сравнение проведенных офлайн и онлайн фокус-групп свидетельствует, что обсуждение сенситивных тем примерно одинаково в данных средах. Более того, в классических фокус-группах сразу видны невербальные сигналы самоцензуры, когда информант пытается уйти от темы, не высказываться, а в онлайн-овых группах мы оцениваем в основном вербалику.

В качестве примера приведем цитаты из офлайн фокус-групп, проведенных нами для диссертационного исследования в июле 2021 года. Состав — молодежь Ленинградской области (18–35 лет), группы разделены по половому признаку. Задачи — определить героев нашего времени, идентификационные модели молодых людей и образ будущего. Контекст — фокус-группы прошли после задержаний по акциям протеста в поддержку А. Навального¹. При обсуждении будущего России часть информантов высказывалась прямо и откровенно, но значительное количество участников исследования старались избегать политических тем. Некоторые прямо заявляли об этом, другие уходили от ответа через шутки, смех, хлопанье себя по рту («об этом нельзя говорить»), переводя тему. Третьи ограничивались общими фразами.

¹ В соответствии с действующим законодательством указываем, что Навальный Алексей Анатольевич внесен Росфинмониторингом в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

«Не представляю, сейчас идет политика такая, страшно жить» (муж., 19 лет, ЛО., 16.07.2021).

«Я думаю, что все движется в худшую сторону и будет только хуже. Я могу продолжить, но не хочу сидеть в тюрьме, поэтому...» (все смеются, информант перестает говорить) (муж., 20 лет, ЛО., 10.07.2021).

Проведя три онлайн-фокус-группы о патриотизме среди молодежи Ленобласти в августе 2022 года, мы имели такую же палитру ответов и неответов, как в офлайне годом ранее (гайд содержал блоки про героев нашего времени, символы современной России, людей и события, которыми можно гордиться, социальные ориентиры молодежи). При этом общеполитический контекст значительно изменился, стал «острее». На наш взгляд, степень свободы в высказываниях связана с личностными особенностями, чертами характера, а не с форматом (онлайн/офлайн) исследования. Возможно, в интервью другая ситуация, но в фокус-группах мы не видим корреляции между форматом и степенью искренности. Данная тема подлежит дальнейшему изучению и осмыслению.

В то же время следует отметить специфику работы с информацией: в онлайн-фокус-группах мы оцениваем искренность, готовность говорить откровенно на чувствительные темы скорее по речевым актам участников, так как затруднен анализ невербального общения. Здесь модератору помогают вопросы «на противоречия»: цитируя информанта или другого участника, имеющего отличную точку зрения, он подталкивает участника к объяснению своей позиции, расширенной аргументации, за счет которой становится более очевидной степень искренности участника. Данная техника, с одной стороны, придает динамизм обсуждению, с другой — не позволяет информантам ограничиться простыми ответами, требует более вовлеченного участия, углубляет обсуждение.

Вопрос, какие темы рассматривать в онлайн, какие в офлайне, решается исследователем. К сожалению, выбор формата исследования часто определяется бюджетом, а не темой.

Требования к модератору в онлайн-фокус-группах

Ученые и исследователи-практики [Фарахутдинов, 2020] сходятся во мнении, что требования к модератору в онлайн-фокус-группах повышаются¹. Помимо традиционных навыков модератор должен обладать техническими компетенциями для ведения фокус-групп онлайн вне зависимости от того, на какой платформе они проходят (Skype, Zoom, Telegram или собственная разработка агентства). Например, нам регулярно приходится объяснять

¹ Шмидт Д. Онлайн-фокус-группы. Реальный опыт // Поле. ФОМ. URL: <https://pole.fom.ru/post/onlajn-fokus-gruppy> (дата обращения 25.01.2023).

участникам, как отключать звук в видеочате Telegram, и даже делать это самостоятельно, когда информанты старшего возраста забывают отключить микрофон. Это простое действие, но оно требует внимания модератора или активной позиции ассистента, что лучше.

Также модератор должен держать в поле зрения все «квадратики» с участниками, как бы расщепляя свое внимание, оперативно реагировать на пассивность и снижение интереса, «ловить» невербальные сигналы (улыбки видны даже в маленьких квадратах с видео), стимулировать обсуждение, стараясь не вносить искажения за счет своей активной роли.

Контакт с информантами через экран снижает эмоциональность и уровень их вовлеченности, которые присущи классическим фокус-группам [Murgado-Argenteros, Torres-Ruiz, Vega-Zamora, 2012: 81], социальный контекст участников провоцирует более легкие отвлечения, поэтому модератору приходится тратить больше энергии по сравнению с традиционными фокус-группами, чтобы поддерживать «градус» обсуждения. Например, в нашей практике во время обсуждения информанты выходили на улицу прогуляться, курили кальян, вели машину, отлучались на несколько минут покормить маленького ребенка, встречали курьера. Подобное поведение никак не было связано с темой фокус-группы, оно было обусловлено обстоятельствами участников — у кого-то начали сверлить за стеной, кто-то не рассчитал время и не успел добраться домой на автомобиле, а кто-то хотел насладиться кальяном во время обсуждения. В ситуации с «автолюбителем» мы уточнили, когда он доберется до места назначения, и только после того, как он приехал домой, включили его в дискуссию. Мы не могли вывести его «в запас», так как количество рекрутируемых изначально было меньше, чем требовалось. В данном случае выбор был сделан в пользу безопасности участника, а не информационной наполненности исследования, поскольку наша дискуссия могла спровоцировать отвлечение внимания за рулем. В итоге участник присоединился к обсуждению на 15 минут позже. Также встречались люди, которые несерьезно относились к исследованию, воспринимая его как развлечение. Убедившись в этом, мы удаляли таких информантов. Подобные ситуации вызывают стресс у модератора, приходится быстро реагировать и принимать решения. Такое практически невозможно в офлайн-формате, когда все находятся в одной комнате фактически в экспериментальных условиях.

Управление дискуссией в онлайн фокус-группах

Распространено мнение, что в онлайн проще управлять дискуссией, так как можно отключить микрофон слишком болтливому или конфликтному информанту, в крайнем случае — удалить его¹ [Фарахутдинов, 2020]. С одной стороны, это так, поскольку у модератора и ассистента есть такая

¹ Шашкин А. Фокус-группы он-лайн! Новые технологии маркетинговых исследований. 2006 г. URL: <https://www.ippnou.ru/article.php?idarticle=002093> (дата обращения: 20.01.2023).

техническая возможность. И организационно, и психологически удалять участника проще в виртуальной среде, чем в реальной, железный аргумент для группы — проблема со связью. Например, при обсуждении темы «малой родины» в рамках фокус-групп о патриотизме у нас были участники, которые использовали исследование как площадку, чтобы выразить свое недовольство проблемами в их населенных пунктах. Мы никого не удаляли, но приходилось прерывать, останавливать такие монологи. В онлайн это делать легче, так как доминируют транзакции «модератор — информант». Когда участника прервали и обратились к другому, он, как правило, не пытается что-то добавить, либо делает это быстро, а в офлайне типичны ситуации, когда такие участники начинают обращаться к соседям и пытаются устроить параллельное обсуждение. С другой стороны, в онлайн-среде труднее управлять дискуссией. Требуется гораздо больше энергии, чтобы организовать обсуждение и получить не поверхностные формальные ответы, а выяснить настоящую мотивацию участников, глубинную аргументацию или собрать палитру реакций.

В онлайн фокус-группах у модератора более директивный стиль управления дискуссией [Murgado-Armenteros, Torres-Ruiz, Vega-Zamora, 2012; Lobe, Morgan, Hoffman, 2022], поскольку превалирует тип взаимодействия «модератор — информант». Более того, компьютерно-опосредованная коммуникация вынуждает модератора более четко и структурированно вести дискуссию, стараясь при этом не вносить искажения в ход обсуждения.

Конфиденциальность данных, этические вопросы

Проблема онлайн фокус-групп, которая остается нерешенной, это гарантия конфиденциальности данных. Ни модератор, ни ассистент не могут быть уверенными, что во время проведения фокус-группы кто-то из участников не включил запись экрана. Технически продвинутый пользователь — участник исследования может сделать захват экрана на своем компьютере или найти другие способы записать фокус-группу.

Исследовательская этика обязывает на начальном этапе фокус-группы сообщать участникам о том, что ведется запись дискуссии. Организатор исследования обязуется придерживаться принципов конфиденциальности и анонимности, но он не может гарантировать их, если кто-то из участников самостоятельно сделает запись. Потенциальная проблема утечки данных существует, способы ее решения пока не выработаны.

Самостоятельно осуществляя рекрутинг для онлайн-овых личных и групповых интервью в рамках аспирантской деятельности, автор данной статьи получал устное согласие потенциальных участников, конфиденциальность данных не регламентировалась никакими документами. В то же время этический постулат, регулирующий деятельность исследователя при проведении фокус-группы и анализе материалов, одинаков для офлайн- и онлайн-форматов — «не навреди».

Сравнение результатов исследования

Спор о том, насколько онлайн фокус-группы по качеству полученной информации соответствуют классическим, по-прежнему актуален. Для оценки результатов применяются такие методы, как подсчет слов (количество произнесенных слов участником и общее количество слов в транскрипте) [Abrams, Gaiser, 2017; Lobe, Morgan, Hoffman, 2022] и анализ уровня глубины материала и деталей, полученных в результате фокус-группового обсуждения. Б. Лоуб, Д. Морган и К. Хоффман, говоря в большей степени о личном и онлайн-интервью, предлагают объединить два подхода к оценке результатов и ввести «индикатор плотности» обсуждения [Lobe, Morgan, Hoffman, 2022: 10], смысловой насыщенности дискуссии.

Е. Мургадо-Арменерос, Ф. Торрес-Руиз и М. Вега-Замора, проанализировав корпус текстов по методологии и методике фокус-групповых исследований, выделили два подхода к пониманию данного метода: англосаксонский и европейский [Murgado-Armenteros, Torres-Ruiz, Vega-Zamora, 2012: 75]. В основе англосаксонского подхода — групповое взаимодействие, в ходе которого вырабатываются смыслы, новые идеи, в центре внимания — взаимодействие участников, групповая динамика и производство, конструирование ими новой информации, а также получение максимального количества ответов, типов реакций по конкретному вопросу. Для таких фокус-групп подходят проективные методики. В рамках европейского подхода фокус-группа рассматривается как инструмент для создания дискурса, который репрезентирует конкретную целевую группу, это способ получить информацию, которая существует а priori, а участники исследования транслируют ее как представители своих социальных групп. По мнению авторов исследования, оценивать качество онлайн фокус-групп следует через призму парадигмы, теоретической рамки исследования, так как англосаксонский подход нацелен на конструирование смыслов и сбор палитры мнений, реакций, то есть на широту, охват (breadth), а европейский — на репрезентацию целевой группы, понимание мотивов, установок, паттернов поведения, то есть на выяснение глубинных причин — глубину (depth). Исходя из этой посылки онлайн фокус-группы предпочтительны в рамках англосаксонского подхода — для получения спектра высказываний, типов реакции, взаимодействий и т.п. по заданной теме [Murgado-Armenteros, Torres-Ruiz, Vega-Zamora, 2012: 83–84] и затруднительны для оценки глубинных мотивов, установок (компьютерно-опосредованная коммуникация лишает модератора возможности оценивать невербальные сигналы участников, степень их искренности, провоцирует директивный стиль управления дискуссией и высокий уровень структурированности обсуждения). Результаты онлайн фокус-группы, задача которой собрать многообразие мнений, ответов, реакций и т.п. по определенному вопросу, приближены к результатам классической фокус-группы, считают ученые [Murgado-Armenteros, Torres-Ruiz, Vega-Zamora, 2012: 84].

Анализируя свой опыт проведения онлайн фокус-групп, мы можем заключить, что группы, направленные на сбор «охватной» информации

(максимального количества ответов, паттернов поведения, моделей и проч.), проходят легче и эффективнее, чем те, задача которых — оценить глубинную мотивацию участников. При этом следует учитывать, что такого внутригруппового взаимодействия, как в офлайне, в онлайн не, но косвенное взаимодействие участников обеспечивает информационную «цепку», когда последующие ответы информантов дополняют предыдущие. Приведенный пример исследования родительских чатов иллюстрирует этот тезис.

Мы не делали подсчета слов, но практика показывает, что в онлайн высказывания участников короче, чем в офлайне, о чем упоминали Б. Лоуб, Д. Морган и К. Хоффман. Это не вредит раскрытию темы, когда ее цель — охват, широта, полнота, а не глубина.

Вместо заключения

Рассмотрев специфику организации процесса и особенности проведения фокус-групп в интернете, перечислим преимущества и недостатки этого метода (см. табл. 1).

Таблица 1

Преимущества и недостатки онлайн-фокус-групп

Преимущества	Недостатки
Дешевле, чем офлайн-фокус-группы	Необходимость стабильного интернета
Возможность участия маломобильных граждан	Необходимость в базовом уровне технической и цифровой грамотности участников
Доступ к труднодоступным регионам и социальным группам	Минимальный уровень невербальной коммуникации
Отсутствие зависимости от географии исследования, возможность собирать «на одной площадке» людей из разных уголков страны, мира	Затрудненность внутригрупповой дискуссии
Комфорт (участник находится в том месте, где ему удобно)	Потенциальные проблемы с гарантией конфиденциальности данных
Возможность присутствия заказчика из любой точки мира	Легкость в отвлечении внимания, выпадении из обсуждения
Отсутствие необходимости в специальном помещении	Менее богатая, глубокая информация
Легкость в блокировке и удалении «сложных» участников	

Онлайн-фокус-группы — это самостоятельный метод исследования, который наследует «родовые» черты классической фокус-группы, но в то же время имеет существенные отличия от нее. С. А. Белановский и А. В. Никольская

полагают, что понятие фокус-группы может превратиться в «родовое, охватывающее определенное семейство методов» при наличии ясной методической рефлексии и описании методической сути метода [Белановский, Никольская, 2021: 114]. Приведенный анализ зарубежного опыта показывает, что методическими вопросами онлайн фокус-групп ученые задаются с конца 1990-х годов, но в России эта дискуссия пока не так популярна, несмотря на то что пандемия детерминировала активное использование онлайн фокус-групп. При недостаточной методической рефлексии есть риск, что родовое понятие может превратиться в «семейство омонимов» [Белановский, Никольская, 2021: 114], а также возможны низкая методическая культура будущих социологов и невысокая результативность применения данного метода.

На рынке, особенно в маркетинговых исследованиях при изучении потребительского поведения, активно используются онлайн фокус-группы — синхронные и асинхронные. Ковидные ограничения перестроили рынок и, невзирая на то что они закончились, популярность онлайн фокус-групп сохранилась. С нашей точки зрения, выбор между классической фокус-группой и онлайн-овой должен определяться не инерцией и не популярностью метода, а несколькими факторами: бюджетом и целью исследования (глубина или широта), уровнем цифрового неравенства в регионе, необходимостью в кросс-региональной представленности участников, потребностью в изучении узких целевых групп. Важно не заменять один метод другим — классический на онлайн-овой, а, понимая их преимущества и ограничения, выбирать наиболее адекватный, соответствующий целям исследования, или даже сочетать их.

Литература

- Белановский С. А.* Метод фокус-групп. М.: Издательство Магистр, 1996.
- Белановский С. А., Никольская А. В.* Что не так с фокус-группами? // ЭКО. 2021. № 6. С. 99–118. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-6-99-118> EDN: UDTZHO
- Лебедев П. А.* Онлайн-овые фокус-группы. Возможности, ограничения и особенности процедуры. М.: Проспект, 2016.
- Рождественская Е.* Качественные онлайн-методы // Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы / Под ред. А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. М.: Издательство МИК, 2016. С. 391–415.
- Рыбакова О. В.* Форум группы в социологических исследованиях: особенности организации и модерирования // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XII Международной конференции. Е.: Издательство УрФУ, 2009. С. 67–70.
- Фарахутдинов Ш. Ф.* Онлайн фокус-группы: методические особенности и эвристические возможности // Социология. 2020. № 6. С. 16–22. EDN: VVVXOF
- Abrams K. M., Gaiser T. J.* Online Focus Groups // The SAGE Handbook of Online Research Methods. Second Edition. / Ed. by N. G. Fielding, R. M. Lee, G. Blank. London: SAGE Research Methods, 2017. P. 359–364.
- Abrams K. M., Wang Z., Song Y. J., Galindo-Gonzalez S.* Data Richness Trade-Offs Between Face-to-Face, Online Audiovisual, and Online Text-Only Focus Groups // Social Science Computer Review. 2014. Vol. 33. № 1. P. 80–96. DOI: <https://doi.org/10.1177/08944393135197>

Archibald M. M., Ambagtsheer R. C., Casey M. G., Lawless M. Using Zoom Videoconferencing for Qualitative Data Collection: Perceptions and Experiences of Researchers and Participants // *International Journal of Qualitative Methods*. 2019. Vol. 18. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1177/1609406919874596>

Chen J., Neo P. Texting the Waters: An Assessment of Focus Groups Conducted via the Whatsapp Smartphone Messaging Application // *Methodological Innovations*. 2019. Vol. 12. № 3. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1177/2059799119884276>

Fox F. E., Morris M., Rumsey N. Doing Synchronous Online Focus Groups with Young People: Methodological reflection // *Qualitative Health Research*. 2007. Vol. 17. № 4. P. 539–547. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732306298754>

Greenbaum T. L. Internet Focus Groups Are Not Focus Groups — So Don't Call Them That // *Quirk's Marketing Research Review*. 1998. Vol. 12. № 7. P. 62–63.

Lobe B., Morgan D. L., Hoffman K. A Systematic Comparison of In-Person and Video-Based Online Interviewing // *International Journal of Qualitative Methods*. 2022. Vol. 21. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1177/16094069221127068>

Morgan D., Lobe B. Online Focus Groups // *The Handbook of Emergent Technologies in Social Research* / Ed. by N.H.-B. Sharlene. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 199–230.

Murgado-Armenteros E. M., Torres-Ruiz F. J., Vega-Zamora M. Differences Between Online and Face to Face Focus Groups, Viewed Through Two Approaches // *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*. 2012. Vol. 7. № 2. P. 73–86. DOI: <https://doi.org/10.4067/S0718-18762012000200008>

O'Connor H., Madge C. Focus Groups in Cyberspace: Using the Internet for Qualitative Research // *Qualitative Market Research: An International Journal*. 2003. Vol. 6. № 2. P. 133–143. DOI: <https://doi.org/10.1108/13522750310470190>

Poynter R. *The Handbook of Online and Social Media Research Tools and Techniques for Market Researchers*. Chippenham: WILEY, 2010.

Stewart K., Williams M. Researching Online Populations: the Use of Online Focus Groups for Social Research // *Qualitative Research*. 2005. Vol. 5. № 4. P. 395–416. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794105056916>

Van Dijk J. *The Digital Divide*. Cambridge: Polity, 2020. DOI: <https://doi.org/10.1002/asi.24355>

Сведения об авторе:

Железнык Мария Николаевна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; старший специалист по исследованиям, отдел по работе с Ленинградской областью АНО «Диалог Регионы», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** marzhel@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 1154344; **ORCID ID:** 0000-0002-8481-2123, **ResearcherID:** GLN-7951-2022.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2023

Принята к публикации: 15.06.2023

БАК: 5.4.1, 5.4.6

Online Focus-Groups: Methodical Reflection

DOI: 10.19181/inter.2023.15.2.3

Maria N. Zheliznyk

St. Petersburg State University; Autonomous Non-profit Organization "Dialog Regions", Saint Petersburg, Russia
E-mail: marzhel@yandex.ru

The digitalization process transforms ways of social reality research. Since the late nineties of the last century online methods have become popular, classical research methods have been digitized, the natively digital methods have emerged, for example, asynchronous online focus groups. The pandemic has led to a rapid increase of popularity of online-methods in Russia, in particular online focus groups have become in demand by the market. Despite the removal of COVID restrictions, online focus groups have remained popular. In this article we consider the changed social reality, analyze specifics in the organization and conduct of online focus groups on the example of Leningrad Region. We demonstrate the advantages and disadvantages of this method, comprehend the factors that may lead to sample bias in organizing online focus groups, present our results in the field of organization and conduct of focus groups on the Internet. The presented arguments provide a more complex framework for researchers, and especially early career researchers, to make a reasoned and balanced decision when selecting between face-to-face and digital modes.

Keywords: online focus-group; focus-group; methodical reflection; peculiarity of on-line-research; research context; research techniques

References

Abrams K. M., Gaiser T. J. (2017) Online Focus Groups. In: N. G. Fielding, R. M. Lee, G. Blank (eds) *The SAGE Handbook of Online Research Methods. Second Edition*. London: SAGE Research Methods. P. 359–364.

Abrams K. M., Wang Z., Song Y. J., Galindo-Gonzalez S. (2014) Data Richness Trade-Offs Between Face-to-Face, Online Audiovisual, and Online Text-Only Focus Groups. *Social Science Computer Review*. Vol. 33. No. 1. P. 80–96. DOI: <https://doi.org/10.1177/08944393135197>

Archibald M. M., Ambagtsheer R. C., Casey M. G., Lawless M. (2019) Using Zoom Videoconferencing for Qualitative Data Collection: Perceptions and Experiences of Researchers and Participants. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 18. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1177/1609406919874596>

Belanovsky S. A. (1996) *Metod focus-grupp* [Focus-Group Method]. Moscow: Izdatelstvo Magistr. (In Russ.)

Belanovsky S. A., Nikolskaya A. V. (2021) Chto ne tak s focus-gruppami? [What Is Wrong With Focus-Froups?]. *ECO*. No. 6. P. 99–118. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-6-99-118> (In Russ.)

Chen J., Neo P. (2019) Texting the Waters: An Assessment of Focus Groups Conducted via the Whatsapp Smartphone Messaging Application. *Methodological Innovations*. Vol. 12. No. 3. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1177/2059799119884276>

Farakhutdinov Sh. F. (2020) Onlain fokus-gruppy: metodicheskie osobennosti i evristicheskie vozmozhnosti [Online Focus Groups: Methodological Features and Heuristic Possibilities]. *Sociologiya* [Sociology]. No. 6. P. 16–22. (In Russ.)

Fox F. E., Morris M., Rumsey N. (2007) Doing Synchronous Online Focus Groups with Young People: Methodological reflection. *Qualitative Health Research*. Vol. 17. No. 4. P. 539–547. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732306298754>

Greenbaum T.L. (1998) Internet Focus Groups Are Not Focus Groups — So Don't Call Them That. *Quirk's Marketing Research Review*. Vol. 12. No. 7. P. 62–63.

Lebedev P.A. (2016) *Onlainovye fokus-gruppy. Vozmozhnosti ogranichenia i osobennosti procedury* [Online Focus Group. Features, Limitations and Specificities of the Procedure]. Moscow: Prospect. (In Russ.)

Lobe B., Morgan D.L., Hoffman K.A. (2022) Systematic Comparison of In-Person and Video-Based Online Interviewing. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 21. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1177/16094069221127068>

Morgan D., Lobe B. (2011) Online Focus Groups. In: N.H.-B. Sharlene (ed.) *The Handbook of Emergent Technologies in Social Research*. Oxford: Oxford University Press. P. 199–229.

Murgado-Armenteros E.M., Torres-Ruiz F.J., Vega-Zamora M. (2012) Differences Between Online and Face to Face Focus Groups, Viewed Through Two Approaches. *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*. Vol. 7. No. 2. P. 73–86. DOI: <https://doi.org/10.4067/S0718-18762012000200008>

O'Connor H., Madge C. (2003) Focus Groups in Cyberspace: Using the Internet for Qualitative Research. *Qualitative Market Research: An International Journal*. Vol. 6. No. 2. P. 133–143. DOI: <https://doi.org/10.1108/13522750310470190>

Poynter R. (2010) *The Handbook of Online and Social Media Research Tools and Techniques for Market Researchers*. Chippenham: WILEY.

Rozhdestvenskaya E. (2016) Kachestvennye onlain-metody [Qualitative Methods of Online Research]. In: A.V. Shashkina, I.F. Devyatko, S.G. Dabydova (eds.) *Onlain issledovania v Rossii: tendencyi i perspektivy* [Online Research in Russia: Tendencies and Perspectives]. Moscow: Izdatelstvo MIK. P. 391–415. (In Russ.)

Rybakova O.V. (2009) Forum gruppy v sociologicheskikh issledovaniyah: osobennosti organizatsyi i moderirovaniya [Forum Groups in Sociological Research: Peculiarities in Organization and Moderation]. *Kultura, lichnost, obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya: materialy XII Mezhdunarodnoj konferencii* [Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Empirical Research Experience: Materials of the XII International Conference]. Ekaterinburg: Izdatelstvo UrFU. P. 67–70. (In Russ.)

Stewart K., Williams M. (2005) Researching Online Populations: the Use of Online Focus Groups for Social Research. *Qualitative Research*. Vol. 5. No. 4. P. 395–416. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794105056916>

Van Dijk J. (2020) *The Digital Divide*. Cambridge: Polity. DOI: <https://doi.org/10.1002/asi.24355>

Author bio:

Maria N. Zheliznyk — Graduate Student, St. Petersburg State University; Senior Specialist of Leningrad Region Department, Autonomous Non-profit Organization “Dialog Regions”, Saint Petersburg, Russia. **E-mail:** marzhel@yandex.ru. **RSCI Author ID:** 1154344; **ORCID ID:** 0000-0002-8481-2123, **ResearcherID:** GLN-7951-2022.

Received: 13.02.2023

Accepted: 15.06.2023

Полевые исследования

DOI: 10.19181/inter.2023.15.2.4

EDN: NVUJDL

Дневник поездок как метод изучения транспортного поведения населения

Ссылка для цитирования:

Сергиенко М. Е. Дневник поездок как метод изучения транспортного поведения населения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 2. С. 72–95. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.4> EDN: NVUJDL

For citation:

Sergienko M. E. (2023) Travel Diary as a Method to Study Transport Behavior of the Population. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 2. P. 72–95. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.4>

Сергиенко Мария Евгеньевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: mariya.sergg@gmail.com

Моделирование спроса на транспортные услуги в урбанизированной среде начинается со сбора данных о транспортном поведении, извлеченных из дневников поездок горожан. Это первичный и наиболее популярный источник информации. Рассматривая на основе широкого зарубежного эмпирического опыта особенности трех видов дневников — заполненных вручную, полуавтоматических и автоматических, — автор останавливается на анализе современной тенденции к частично или даже полностью автоматизированному сбору данных о поездках. Заполняемый вручную дневник уходит в прошлое, несмотря на его существенные преимущества. Однако сбор субъективной информации о логике выбора траекторий транспортного поведения индивидов — особо ценный источник для изучения городской мобильности. Анализируя более детально компоненту ручного заполнения дневника поездок, автор приходит к выводу, что оптимален полуавтоматический дневник, который содержит элементы как автоматизированного заполнения данных о респондентах, так и их корректировки и дополнения вручную. В статье даются рекомендации, какой тип дневника поездок лучше выбрать в зависимости от специфики и технических возможностей определенного проекта.

Ключевые слова: дневник поездок; транспортный спрос; транспортное поведение; городская мобильность; заполненный вручную дневник поездок; полуавтоматический дневник поездок; автоматический дневник поездок

Грамотная транспортная политика и оптимизированная транспортная система требуют эффективной¹ оценки баланса «спрос — предложение» на транспортные услуги в урбанизированной среде. Моделирование спроса проводится с использованием знаний о транспортном поведении горожан и их ожиданий [Wolf, Guensler, Bachman, 2001: 125]. Исчерпывающий анализ поведения населения почти невозможен ввиду того, что в ситуации исследования существуют ненаблюдаемые факторы, которые могут влиять на выбор индивидов. Тем не менее можно отследить логику выбора того или иного вида транспорта, времени отправления, частоты совершения поездок, расстояния и иных факторов, которые составляют основу транспортного поведения пользователей. Имея данную информацию, транспортные планировщики могут спрогнозировать, например, величину спроса на использование определенного вида транспорта, в том числе в разрезе по маршрутам, что позволяет оптимально планировать выпуск подвижного состава на городскую сеть.

Дневник поездок (*travel diary*) является одним из наиболее популярных инструментов, позволяющих получить разнообразную информацию о передвижениях индивидов, домохозяйств и отдельных социальных групп [Axhausen, 1995: 7]. Данный инструмент отличается вариативностью форм: различают, например, письменные, электронные и аудиодневники. При помощи дневников можно анализировать данные разного масштаба, они используются для исследований как локальных транспортных проблем и паттернов поведения, так и более массовых явлений и зависимостей. При помощи таких дневников ученые получают ценную информацию о маршрутах индивидов, а также о паттернах индивидуализированного транспортного поведения. Следующим шагом может стать изучение совокупного транспортного поведения — например, населения города, региона или страны. Эти данные ложатся в основу моделей, которые позволяют спрогнозировать транспортный спрос при различных ситуациях, например, в случае таких серьезных реформ, как смена билетной системы. Исследование подобных изменений выходит далеко за рамки транспортной политики. Напомним лишь, что решение подобных важных для экономики транспорта вопросов начинается со сбора данных при помощи дневника поездок. Последнее подчеркивает необходимость глубокого изучения метода «дневник поездок» и его совершенствования в целях повышения качества получаемых данных.

Несмотря на долгую историю использования и заслуженную популярность этого метода [Axhausen, 1995: 6; Harvey, 2003: 26–28], в некоторых транспортных исследованиях фиксируется проблема устаревания традиционных дневников поездок. Развитие технологий позволяет заменить данный инструмент

¹ Имеется в виду оценка, которая максимально точно (насколько это возможно) описывает реальность.

автоматизированным сбором информации о мобильности населения, что нивелирует некоторые недостатки дневников [Wolf, Guensler, Bachman, 2001: 125]. Согласно зарубежным исследованиям, актуальна тенденция к использованию более современных методов наподобие данных GPS-трекера или акселерометра [Prelicsean, Gidófalvi, Susilo, 2018: 158]. Не все исследователи, однако, берутся утверждать, что дневник поездок полностью исчезнет из практики. Например, авторы Стофер и Гривз [Stopher, Greaves, 2007: 379], указывая на существующие недостатки метода, предлагают потенциально альтернативные, развитию которых советуют уделять больше внимания.

В отечественной литературе вопрос о замещении дневников поездок пока не поднимался, так как до недавнего времени в стране в принципе отсутствовал запрос — в первую очередь со стороны власти — на изучение транспортного поведения населения. Российские исследователи пока не успели накопить достаточного опыта в использовании необходимой методологии, в том числе в разработке дневника поездок. В рамках исследования Института экономики транспорта и транспортной политики НИУ ВШЭ впервые были собраны количественные данные о транспортном поведении российских домохозяйств, а разработанный методический инструментарий включал дневниковое обследование¹ [Мулеев, 2015]. Дневники поездок также использовались при изучении поведения москвичей в общественном транспорте в период пандемии COVID-19, в том числе для выявления эмоциональной составляющей мобильности горожан².

Ввиду почти полного отсутствия практики использования дневников поездок в России необходимо разработать методические принципы изучения транспортного поведения. Как вариант, российские исследователи могут перенять широкий зарубежный опыт использования автоматизированного инструментария и отказаться от применения устаревающего метода — традиционного дневника поездок. Однако результаты подобного выбора будут неоднозначными из-за специфики дневниковых обследований. Их главное преимущество заключается в возможности сбора данных о субъективности и эмоциональной составляющей при принятии решений, важных компонентах при моделировании транспортного поведения населения. Поэтому мы полагаем, что полный отказ от дневников поездок нежелателен, а их комбинация с более технически современным инструментарием позволит улучшить выборку и относительно быстро собирать качественные данные.

В данной статье впервые в русскоязычном дискурсе проводится обзорное теоретическое исследование феномена дневников поездок. В первом разделе описывается краткая история зарождения исследований транспортного поведения горожан и дневника поездок. Второй раздел содержит характеристику и описание особенностей, а также выявленных недостатков дневников

¹ Заметим, что, несмотря на предлагаемое денежное вознаграждение, отмечается низкий уровень участия в заполнении дневников поездок: не более 10% от общего числа респондентов.

² Kobysheva V., Shepetina K. Subway: A Silver Lining of the COVID-19 Quarantine in Moscow // UCL Medical Anthropology. 2020 г. URL: <https://medanthucl.com/2020/08/24/subway-a-silver-lining-of-the-covid-19-quarantine-in-moscow/> (дата обращения: 01.11.2022).

поездок, заполняемых вручную, а третий — заполняемых полуавтоматически. Четвертый раздел посвящен обсуждению феномена автоматических дневников поездок и их специфики. В пятом разделе представлены рекомендации по использованию метода ведения дневниковых записей в различных транспортных исследованиях и по их комбинации с другим инструментарием.

Дневник поездок как один из ключевых методов исследования транспортного поведения населения. Существующие классы методов

Изучение транспортного поведения является комплексной многоступенчатой задачей, она может решаться на разных уровнях: в первую очередь на индивидуальном, а также на уровне домохозяйства, сообщества, отдельных формальных и неформальных групп. На процесс анализа, его цели и результаты оказывают сильное влияние политические факторы, а также используемые теоретические основы и методы [Goulias, 2018: 2]. Инструментарий для анализа транспортного поведения начал формироваться еще в середине XX века в США, когда крупные города столкнулись с феноменом массовой автомобилизации [Weiner, 2012], а затем в Европе, во многом перенявшей методологический американский опыт [Jones, 2012].

Качество и полнота собираемых данных во многом зависят от цели исследования и используемого инструментария. Можно выделить несколько основных подходов к сбору необходимой для транспортного моделирования информации. Первым и наиболее популярным классом методов является анкетирование. Оно проводится либо в форме широких опросов/интервью, обычно используемых на уровне домохозяйств, либо в форме дневниковых обследований, когда участникам исследования предлагается упорядоченный зафиксированный список вопросов [Goulias, 2018: 15–16]. Отметим, что данный класс методов может быть составной частью первого класса, когда, например, с определенной периодичностью проводятся общенациональные анкетирования домохозяйств¹, или же используются долгосрочные дневники поездок² для мониторинга изменений в паттернах транспортного поведения. Существует большое количество работ, посвященных корректному

¹ Подобные национальные исследования являются стандартными для развитых стран, которые стремятся трансформировать транспортную политику и практики транспортного планирования в зависимости от меняющихся социально-экономических характеристик населения и взаимодействия последнего с транспортной системой. В качестве примеров можно привести обследование *NextGen NHTS*, охватывающее домохозяйства в 583 зонах на всей территории США, а также британское обследование *NTAS*, которое особенно активно проводится с начала пандемии COVID-19 для фиксации изменений, которое она породила. См.: 1) National Household Travel Survey (NHTS). URL: <https://www.fhwa.dot.gov/policyinformation/nhts.cfm> (дата обращения: 01.11.2022); 2) National Travel Attitudes Study: Wave 6. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/national-travel-attitudes-study-wave-6> (дата обращения: 01.11.2022).

² В исследовании Термиды и др. [Termida et al., 2018], например, используется двухнедельный дневник (в каждое из четырех времен года) для определения вариации паттернов индивидуальной транспортной мобильности населения в зависимости от сезонности.

составлению анкет, истории модернизации опросов и дневников или выведению «рецепта» оптимального метода сбора данных о характеристиках мобильности населения [Goulias, Pandyala, Bhat, 2013].

Второй класс методов — лонгитюдные панельные исследования, позволяющие проследить динамику изменения транспортного поведения населения во времени [Golob, Kitamura, Long, 1997]. Долгосрочный сбор информации имеет очевидные преимущества, но и серьезные недостатки, влияющие на качество данных, которые будут рассмотрены ниже.

Третий класс методов предполагает анализ паттернов поведения индивидов путем объективной и субъективной оценки. Работа Томаса [Thomas, 1968] — одна из заложивших основы данных двух подходов, которые особенно часто применяются в последние десятилетия [Fezzi, Bateman, Ferrini, 2014; Richardson, 2004] и носят название «метод выявленных предпочтений» (*revealed preference approach*) и «метод заявленных предпочтений» (*stated preference approach*). Метод выявленных предпочтений предполагает наблюдение за поведением и индивидуальными стратегиями выбора в реальных обстоятельствах. Это снижает вероятность смещения результатов в сравнении, например, с субъективной оценкой респондентами своих предпочтений [Wardman, 1988: 71]. Среди преимуществ метода заявленных предпочтений выделяют относительную дешевизну, гибкость и контролируемость рамок исследования [Arellana et al., 2012: 3]. Довольно часто с целью повышения качества собираемых данных и нивелирования некоторых недостатков используется комбинация обозначенных методов [Athira et al., 2016: 118].

Мы сосредоточимся на рассмотрении именно дневников поездок. Дневники могут быть использованы для изучения совершенно разных перемещений: внутри и вне города, регулярных и нерегулярных, пеших и на транспорте и т. д., — у разных групп людей, дифференцированных по полу, возрасту, типу занятости и другим характеристикам. Нас же будет интересовать технический аспект: типология последних в зависимости от формата заполнения — заполненный вручную, полуавтоматический и автоматический. Изучив технические особенности дневника поездок, можно предлагать конкретные рекомендации для применения метода при изучении разных типов перемещений и социальных групп. Важность исследования состоит в том, что определение особенностей разных видов дневников поездок, а также их оптимальной комбинации с другими инструментами закладывает базу выбора наиболее качественного инструментария.

Метод дневниковых исследований паттернов мобильности населения

Дневник поездок определяется как «инструмент, предназначенный для фиксации всех передвижений человека за конкретный период времени со всеми необходимыми подробностями для соответствующего временного горизонта транспортного моделирования» [Axhausen, 1995: 8]. Будучи впервые

использован более 60 лет назад, он модернизировался по мере технологического прогресса и накопления исследовательского опыта. В первую очередь изменения коснулись способа ведения дневников — от «карандашного» на листе бумаги до заполняемого на смартфоне. Подобная модернизация происходила вследствие сокращения времени, которое респонденты были готовы уделить исследователям [Wolf, Guensler, Bachman, 2001: 1]. Основное наполнение дневников в процессе модернизации осталось почти неизменным. Традиционными являются вопросы об индивидуальных характеристиках респондента, пункте отправления и назначения, а также цели поездки [Guensler, Wolf, 1999: 2]. Но нередко они расширяются за счет специфических для конкретного исследования вопросов. Принято различать несколько основных дизайнов, согласно которым формируются дневники поездок — *stage-based*, *trip-based*, *activity-based* и *half-tour*¹ [Axhausen, 1995: 15–17]. *Trip-based travel diary*, например, позволяет узнать детализированные данные о каждом перемещении респондента между двумя видами деятельности, тогда как *activity-based diary*, наоборот, делает акцент на характеристиках той активности, которой респондент занимается. Свойства поездки в последнем случае уже не являются первостепенным объектом интереса исследователя. Таким образом, наполнение дневника² зависит от выбранного дизайна, а выбор последнего — от цели и сферы исследования, то есть той информации, которую исследователю необходимо получить.

Сбор информации о транспортном поведении населения посредством дневников поездок может требоваться в различных сферах. Подобные данные нередко ложатся в основу исследований, посвященных внешним эффектам от транспорта, например издержкам от экологического [Park, 2020] или шумового загрязнения [Axhausen, 1996]. Изучение индивидуальной оценки стоимости времени³ также строилось на основе данных о транспортном поведении населения [Winston, 1987: 574]. Дневники поездок подходят для исследований как локальных паттернов поведения и проблем, например для изучения транспортной доступности [Rogalsky, 2010], так и для изучения более широких явлений и зависимостей — к примеру, влияния дизайна среды на транспортное поведение жителей [Crane, Chereau, 1998]. Рассматриваемый метод позволяет собирать информацию необходимую для проведения оптимальной транспортной политики (удобство существующих маршрутов общественного транспорта, расположение сопутствующей инфраструктуры и т.д.) [Prelipcean, Gidófalvi, Susilo, 2018: 156]. Более того, на основе данных

¹ Stage (этап) — поездка на одном виде транспорта, включающая время ожидания до начала поездки и в ее процессе; trip — последовательность из одного или нескольких этапов между двумя видами деятельности (activity), которые выполняет человек; half-tour дизайн предполагает, что респондент не делит все свои перемещения по видам деятельности, а указывает лишь конечный пункт назначения со всеми остановками в пути.

² Отметим, что детальное изучение наполнения дневников, корректной формулировки включаемых в анкету вопросов и их оптимального количества не является целью настоящей работы.

³ Данный показатель позволяет определить индивидуальную цену времени, то есть то, сколько человек готов заплатить, например, за минуту сэкономленного в поездках времени. Эта информация очень важна, так как позволяет экономически оценить эффекты от изменений транспортной системы.

из дневников поездок можно определить текущий спрос на определенные способы перемещения и оценить будущий, что привносит ощутимый вклад в построение эффективного транспортного планирования города [Wolf, Guensler, Bachman, 2001: 125].

Дневники, заполняемые респондентами вручную (*memory-based travel diaries*)

Ручной формат заполнения дневников поездок принято называть традиционным. Он подразумевает максимальное вовлечение целевой группы населения в исследование, и именно с него началась история развития рассматриваемого метода. Работа Голоба и Мерса [Golob, Meurs, 1986] указывает на универсальность метода ручного заполнения дневника поездок, который может применяться по отношению к любым способам перемещения (пешком, на велосипеде, на общественном и личном транспорте и т.д.) и почти¹ любым группам людей (дифференцированных по полу, месту проживания, по доходу и т.п.). Авторы с помощью полученных из дневников данных выявляют, что некоторые группы населения передвигаются больше других в определенные дни, а иные предпочитают один вид транспорта остальным.

Изначально дневник, заполняемый вручную, предполагал наличие бумажного, а с развитием технологий — электронного опросника, в котором респонденты по памяти, обычно в конце дня, фиксировали ключевые характеристики своих поездок (пункт отправления и назначения и, соответственно, время начала поездки и прибытия, цель поездки, способ(ы) перемещения, наличие сопровождения и другие). Для упрощения процесса заполнения дневника и последующего сбора данных исследователи любят прибегать к стандартизированной форме с закрытыми вопросами, которые предполагают выбор варианта ответа из нескольких. Тем не менее в отдельных исследованиях основной упор делается на связанных с поездками эмоциях горожан и, например, на тех проблемах, с которыми они могут сталкиваться, в том числе в повседневной жизни. Ввиду этого респондентам разрешается давать ответы в свободной форме, подобные исследования часто приобретают свойство качественных. Согласно исследователям Вермуту, Зоммеру и Крайцу [Wermuth, Sommer, Kreitz, 2003], различные типы опросников — на бумаге и в виде веб-формы — определяют два подвида дневников поездок, заполняемых вручную. Электронный формат снижает издержки специалистов на распространение дневников и сбор данных, а также позволяет охватить более широкую выборку. Однако у определенных слоев населения и социальных групп (например, у пожилых людей) могут возникнуть трудности с доступом к подобным опросникам или с их заполнением, что повышает издержки исследователей [Wolf, 2006: 541]. Также существуют ограничения по

¹ В разделе про автоматические дневники поездок будут приведены исключительные случаи, когда ручное заполнение дневников затруднительно.

наполнению опросников, так как электронный формат менее гибок по форме вопросов, визуализации и т.д. С этой точки зрения бумажные опросники более универсальны, но, с другой стороны, требуют высоких материальных и временных затрат на рассылку и обратный сбор данных, а также на их перевод в цифровой формат с целью дальнейшей обработки. Вследствие весомых недостатков бумажных дневников специалисты чаще используют электронный формат сбора данных, а бумажный при необходимости дополняет его, как, например, в случае изучения мобильности пожилых групп населения [Prelipcean, Gidófalvi, Susilo, 2017: 2].

Важным преимуществом использования ручного способа заполнения дневников является потенциальное улучшение качества получаемых данных с точки зрения их полноты. Однако этот метод имеет и слабые стороны. К таким относится, например, нежелание некоторых респондентов в принципе тратить время на заполнение дневников [Murakami, Wagner, 1999: 164], что связано с повышением стоимости времени человека. Также ввиду заполнения дневников по памяти респонденты могут пропускать те поездки, о которых они забыли или которые посчитали несущественными [Pierce, Casas, Giaimo, 2003]. В исследовании Голоба и Мерса [Golob, Meurs, 1986] эмпирически подтверждается еще один недостаток заполняемых вручную дневников — это смещение (*temporal bias*) количества учитываемых в день поездок в процессе ведения дневника: с каждым днем заполнения дневника количество зафиксированных поездок на одного человека снижается. Эта проблема возникает в случае, если дневник поездок заполняется в течение более продолжительного периода, чем 1–2 дня.

Исследователи Голоб и Мерс [Golob, Meurs, 1986: 163] изучают данные семидневных бумажных дневников, заполняемых вручную. Такие дневники, в отличие от краткосрочных, позволяют получить представление о поведенческих привычках в перемещениях у определенных социальных групп, а также о временных и материальных тратах населения. Специалисты, однако, не сходятся во мнении об оптимальной продолжительности ведения дневника. Так, Ольстром, Кристофферссон и Сусило указывают на необходимость использования дневников в течение нескольких последовательных дней из-за различия в паттернах поведения горожан в зависимости от дня недели [Allström, Kristoffersson, Susilo, 2017: 37]. Тогда как исследователи Шлич и Аксхаузен считают дневники, ведущиеся даже на протяжении двух недель, недостаточными для корректного определения паттернов транспортного поведения населения [Schlich, Axhausen, 2003: 32–33].

Несмотря на преимущество долгосрочных дневников с точки зрения их полезности для более сложных городских исследований, их использование приводит к вышеупомянутой проблеме смещения, вызванной постепенным снижением числа учитываемых поездок в день. Основная причина возникновения последней проблемы, по мнению Голоба и Мерса [Golob, Meurs, 1986: 167–172], кроется в возрастающей во времени — ближе к концу ведения дневника — тенденции не отмечать никаких поездок в целом в течение дня. Это негативно сказывается на репрезентативности данных, получаемых путем

использования подобных дневников. Смещения могут наблюдаться, например, в показателе общего времени в пути в течение дня или в числе коротких поездок. Такое смещение может порождаться субъективной оценкой перемещения как незначительного. Последнее актуально для пеших прогулок, особенно связанных с преодолением пути от или до общественного транспорта, которые сильнее всего смещены, согласно Голобу и Мерсу [Golob, Meurs, 1986: 175]. Другой потенциальной причиной смещения является утомляемость респондентов, особенно в случае необходимости указывать детализированную информацию в долгосрочных дневниках. Схожее мнение фигурирует и в работе исследователей Прелипчана, Гидофалви и Сусило [Prelipcean, Gidófalvi, Susilo, 2018: 158], где предполагается, что доля указываемых поездок будет резко сокращаться с наполнением дневника все большим количеством деталей¹. Однако основанные на регрессионном анализе результаты более позднего исследования Аксхаузена и др. [Axhausen et al., 2007: 157] опровергают негативное влияние эффекта утомляемости на качество заполнения дневника поездок и, наоборот, указывают на преобладание положительного «эффекта обучения» (*learning effects*). Последний в теории подразумевает снижение усилий, которые человек затрачивает на уже знакомое занятие, ввиду чего качество результата деятельности может даже повышаться. Возникающая проблема смещения, искажающая данные о поездках респондентов при ведении долгосрочных дневников, отчасти может быть вызвана и увеличением числа тех, кто в целом не совершает никаких перемещений в течение дня. В работе Голоба и Мерса [Golob, Meurs, 1986: 167–172] эта причина смещения рассматривается в качестве второстепенной, тогда как исследование Мадре, Аксхаузена и Брога указывает на нее как на серьезную проблему, возникающую из-за нежелания респондентов заполнять дневник [Madre, Axhausen, Brog, 2007: 107]. Авторы подчеркивают необходимость выявлять подобные отказы от участия (*soft-refusals*) на предварительной стадии интервью или в процессе анализа полученных данных в случаях, когда это возможно.

Недостатки ручного заполнения дневников поездок, порождаемые человеческим фактором, могут быть хотя бы частично нивелированы контролем со стороны исследователей. Он может выражаться как в тщательном отборе респондентов и их информировании на подготовительном этапе исследования, так и в их непрерывном сопровождении в процессе ведения дневников. Более того, не следует исключать возможность повышения качества данных, получаемых в результате исследования, посредством комбинации дневников с иными инструментами. Значимым преимуществом такого подхода является использование дневника в традиционном формате, что предполагает сохранение важных для изучения транспортного поведения факторов: субъективности ответов респондентов, а также широкого набора обозначаемых характеристик поездок. Особенности подобных комбинаций методов описаны в пятом разделе.

---

¹ Речь может идти, например, о расширении списка видов деятельности, которые респондент должен указывать при заполнении дневника поездок.

Человеческий фактор, проявляющийся при ручном заполнении дневника поездок, может приводить к снижению качества получаемых за счет дневника данных, а также к высокой доле отказов от участия. С другой стороны, рассматриваемый тип дневника поездок может предоставлять исследователям индивидуальную информацию о логике выбора определенного вида транспорта. Ввиду особой ценности субъективных данных представляется целесообразным сохранять ручную составляющую заполнения дневников. Важно при этом стимулировать модернизацию метода с целью его соответствия современным практикам транспортного моделирования, что сделало бы метод более привлекательным для исследователей. Отсутствие в российской практике устоявшегося механизма использования дневников поездок в транспортных исследованиях предоставляет возможность внедрить корректные рекомендации по применению метода и предотвратить изначальный выбор автоматизированного способа сбора информации о мобильности населения в качестве основного.

Оптимальной формой дневника, который содержит элементы как автоматизированного заполнения данных о респондентах, так и их корректировки и дополнения вручную, видится полуавтоматический дневник. Описание его особенностей представлено далее.

Дневники, заполняемые полуавтоматически (*semi-automated travel diaries*)

Полуавтоматический дневник предполагает использование современных технологий для автоматического сбора данных о перемещениях респондентов. При этом заполняющий имеет возможность проверить заполненные данные и вручную отредактировать или дополнить их. Таким образом, маршруты перемещений целевой группы автоматически фиксируются при помощи спутниковых навигационных систем, программа присваивает им некоторые характеристики, которые фиксируются в дневниках поездок; далее эти данные выгружаются на сервер, где становятся доступными для пользователя, который имеет возможность изменить эти данные и дополнить их, например, описанием эмоциональной составляющей, автоматическая фиксация которой пока недоступна. Внедрение автоматизированной составляющей сбора и обработки информации стало естественным ответом на недостатки традиционного метода — высокие издержки времени и общая нагрузка на респондента, затраты на уточнение собранной информации посредством интервью, смещения в данных из-за человеческого фактора и так далее. В работе Прелипчана, Гидофалви и Сусило выделяются два основных метода автоматизированного сбора данных: с помощью специального устройства (*dedicated device*¹) или смартфона [Prelipcean, Gidófalvi, Susilo, 2018: 158]. Оба имеют свои недостатки,

¹ Под специализированным девайсом обычно подразумевают автономный GPS-трекер, акселерометр и иные устройства.

в том числе влияющие на качество получаемых данных [Montini et al., 2015: 228]. Например, каждый из методов подразумевает высокие издержки для исследователей: в случае со специальным устройством — на создание (если оно требуется), распространение и возврат девайса; со смартфоном — на разработку универсального приложения, поддерживаемого как минимум на самых распространенных мобильных платформах. Пока исследователи не пришли к однозначному выводу о наиболее приоритетном из данных методов. Вследствие того, что мобильные телефоны есть практически у всех, а собираемые с помощью них данные автоматически сохраняются в системе, этот метод может быть более привлекательным [Prelipcean, Gidófalvi, Susilo, 2014: 230]. Качество полученных данных о перемещениях респондентов, однако, может быть ниже, чем в случае со специальным девайсом.

Согласно Прелипчану, Гидофалви и Сусило, ручная проверка данных в совокупности с исключением человеческого фактора при фиксации физических перемещений позволяет наиболее точно собирать информацию о поездках, что определяет преимущество полуавтоматических дневников перед заполненными вручную и автоматическими [Prelipcean, Gidófalvi, Susilo, 2018: 159]. В дополнение к этому авторы подчеркивают, что рассматриваемый метод позволяет проводить более продолжительные по времени исследования с использованием более широких выборок. Несмотря на видимое превосходство полуавтоматического формата дневника, его использование предполагает некоторые дополнительные технические сложности в сравнении с автоматическим из-за необходимости перенаправления собранных данных о поездках на сервер для дальнейшего доступа к ним пользователей. Для снижения нагрузки на участников исследования и сохранения у специалистов возможности получить точные данные требуется создание дружественного интерфейса системы, в которой пользователи смогут редактировать автоматически определенные характеристики поездок.

Существует множество разновидностей систем, приспособленных для полуавтоматического заполнения дневников. К таким относятся, например, *Future Mobility Survey* [Cottrill et al., 2013] и *Move Smarter* [Geurs et al., 2015]. Универсальным считается сервис *MEILI*, так как он вобрал в себя все функции существующих систем сбора данных о поездках с возможностью их редактирования. К данным, определяемым системой, относятся локация респондента, его маршрут, пункт назначения, цель перемещения, способ передвижения (доступен выбор из 15 вариантов), также возможно деление поездки на этапы [Prelipcean, Gidófalvi, Susilo, 2014: 243–245; Prelipcean, Gidófalvi, Susilo, 2018: 160–161]. На основе эмпирических данных исследование Ольстрема, Кристофферссона и Сусило признает полуавтоматическую систему *MEILI* хорошей альтернативой традиционному дневнику поездок с точки зрения качества и полноты получаемых данных [Allström, Kristoffersson, Susilo, 2017: 36]. Преимущество заключается в том, что приложение с низкими затратами позволяет получить информацию о потоках людей в разное время в определенных местах, о поведенческих паттернах, о времени в пути от или до транспорта, а также о времени его ожидания. Все это позволяет городским

и транспортным планировщикам в более короткие сроки приблизиться к модели города, удобного для людей [Allström, Kristoffersson, Susilo, 2017: 37]. Однако даже в данном случае не обходится без негативных аспектов: согласно опросу, проведенному по факту реализации исследования, система *MEILI* некоторым респондентам показалась навязчивой из-за необходимости комментировать поездки. Это повышает нагрузку на участников, что отчасти уравнивает полуавтоматический и ручной формат заполнения. Также были респонденты, которые столкнулись с проблемой необходимости доступа смартфона к интернету для корректной работы приложения.

Полуавтоматический дневник поездок вбирает в себя преимущества как ручного заполнения, так и использования современных технологий. Автоматическая фиксация перемещений человека снижает нагрузку на участников исследования, повышает качество «сырых» данных, а также может сокращать издержки исследователей. Ручная проверка полученных данных способствует уточнению информации о деталях передвижения респондентов. Перечисленные преимущества позволяют рассматривать метод полуавтоматического ведения дневников поездок как оптимальный из имеющихся. Важно, однако, оценивать, насколько данный метод подходит для конкретных исследований и групп респондентов. Подробнее об этом — в разделе с рекомендациями.

Автоматические дневники поездок (*automated travel diaries*)

Практика внедрения автоматизации в изучение транспортного поведения населения показывает, что у специалистов не было цели создать полностью автономный метод сбора данных о мобильности населения. Современные технологии использовались скорее для определения отдельных характеристик поездок — например, места назначения [Nassir, Hickman, Ma, 2015: 684] или корректного деления одной поездки на этапы ("*triplegs*") [Stenneth et al., 2012: 803]. Несмотря на это, обозначенная ранее тенденция снижения интереса зарубежных специалистов к применению дневников, заполняемых вручную, привела к рассмотрению аспектов их частичной или полной замены на автоматизированные методы. Так, в работе Вульфа, Генслера и Бахмана эмпирически доказывается, что *GPS* может быть не только комплементарным устройством, применяемым для дополнения данных из традиционных дневников, но и полностью автономным способом сбора информации о перемещениях участников исследования [Wolf, Guensler, Bachman, 2001: 125]. Как выяснили авторы, с помощью навигационных систем можно определить даже цель поездки — если верно обработать полученные данные с *GPS*-регистратора с помощью системы *GIS*. Данная новаторская работа указала на жизнеспособность идеи использования автоматизированных дневников в качестве полного субститута традиционных. Важно отметить выделяемое преимущество подобного сбора данных — значительное сокращение времени, а также усилий респондентов и специалистов почти без потери в качестве

данных. Авторы изучают перемещения на личном автомобиле¹, используя пассивный *GPS*-трекер, установленный в транспортном средстве. Собираемая с его помощью детальная информация о характеристиках поездок обрабатывается при помощи *GIS* и объединяется с компьютеризованным телефонным интервью (*CATI*), которое восполняет упущенные данные и вносит корректировки. Сложность заключается лишь в верном определении цели поездки при помощи данных из *GPS*. Вывод о цели перемещения строится на основе данных о типе землепользования пунктов отправления и назначения, времени дня и продолжительности стоянки автомобиля. Согласно Вульффу, Генслеру и Бахману, проблема состоит в том, что цель не всегда может быть автоматически определена² [Wolf, Guensler, Bachman, 2001: 131–132]. Тем не менее авторы прогнозируют, что при наличии хорошего оборудования и в случае доработки механизма определения цели поездки придется уточнять детали через интервью всего для 22% от общего числа поездок.

Помимо почти полного снижения нагрузки на респондентов и ощутимого сокращения временных издержек исследователей на сбор и обработку данных автоматические дневники поездок могут стать незаменимым методом изучения мобильности наиболее уязвимых групп людей, проживающих в городе. К таким можно отнести, например, горожан с нарушениями зрения, с психическими и физическими отклонениями. Для обозначенных групп требуется разработка специализированных пользовательских интерфейсов [Prelipcean, Gidófalvi, Susilo, 2018: 162]. Некоторые авторы уже доказали эффективность использования автоматических дневников поездок в подобных нетипичных исследованиях: в статье Садато и соавторов утверждается возможность сбора информации от людей с низкой остротой зрения [Sadato et al., 1998], а, например, в работе Релло и Баеза-Ятеса разрабатываются шрифты для пользователей с дислексией [Rello, Baeza-Yates, 2013].

Автономный сбор информации о поездках населения наиболее привлекателен для респондентов, так как не предусматривает каких-либо особых усилий с их стороны. Ввиду этого можно предположить, что внедрение автоматизированных дневников поездок в постоянную практику повысит желание участвовать в исследованиях транспортного поведения. Это означает, что у исследователей появляется возможность проводить количественные исследования, позволяющие собирать большие объемы данных, что особо ценно для выведения паттернов транспортного поведения населения. С другой стороны, точность собираемой информации оказывается ниже без ее ручной проверки респондентами, тогда как детальное уточнение данных посредством телефонного интервью снижает ценность автоматических дневников и их привлекательность для участников исследования из-за необходимости тратить дополнительное время. Таким образом, исследователям приходится делать выбор между возможностью сбора большого массива данных и точностью

¹ Автоматический метод сбора информации о мобильности населения может быть распространен и на другие способы передвижения, помимо личного транспорта.

² Проблемы могут возникать, например, в случае смешанного или неопределенного вида землепользования, проблем с определением пункта назначения через *GPS* и так далее.

последних. Качество данных, безусловно, может повышаться с развитием технологий, однако остается лишь предполагать, в какой момент автоматика сможет полностью заменить человека.

Ввиду этого также возникает вопрос, насколько подобный обезличенный сбор данных можно называть «дневником». Для начала вспомним заимствованное из фундаментальной обзорной работы Аксхаузена [Axhausen, 1995: 8] определение дневника поездок: это «инструмент, предназначенный для фиксации всех передвижений человека за конкретный период времени со всеми необходимыми подробностями для соответствующего временного горизонта транспортного моделирования». Участие человека в сборе данных в принципе никак не обозначено, дневник представляется здесь скорее как технический инструмент. Автор приведенного определения, однако, добавляет, что составляющими дневника поездок помимо физического дневника с записями являются человек или члены домохозяйства, которые отмечают детали своих перемещений, или же специальные средства фиксации этой информации, а также дополнительные источники данных, такие как автомобиль с навигационной системой, проездные билеты общественного транспорта, телефоны и так далее. Таким образом, человеческое участие все же остается неизменной составляющей дневников поездок.

Сам по себе метод дневниковых записей в социологии обозначается как форма изучения повседневно-мира, которая позволяет получить субъективное представление о реальности, воспринимаемой и переживаемой человеком в настоящем времени [Беспалова, 2015: 69]. Такие данные — помимо точных фактических — бывают особенно ценны, в том числе при изучении транспортного поведения, когда исследователь стремится разобраться в том, как человек совершает выбор, какие факторы на этот выбор влияют и как формируются устойчивые поведенческие паттерны. По нашему мнению, автоматическая фиксация информации о передвижениях человека и деталей его поездок не подходит под стандартное понимание «дневника» в социологии. Причина этого заключается в том, что участие человека и внесение какой-либо субъективной компоненты не предполагается, ввиду чего респондент не отождествляет себя с участником исследования напрямую. Несмотря на то что дневник поездок предполагает четкую структуру, согласно которой заполняются все детали перемещений, традиционный формат дневника позволяет респондентам вносить свои комментарии относительно поездок. Это может быть объяснение мотивации выбора определенного вида транспорта или маршрута и т. д. В этом заключается ценность ручного заполнения дневников поездок, которая в случае полной автоматизации метода восполняется только при его комбинации, например с интервью. Таким образом, автоматический дневник поездок сложно назвать «дневником» в классическом понимании. Это современный метод сбора обезличенной информации в больших объемах, который может дать толчок исследованиям транспортной мобильности населения, однако лишит их важной субъективной составляющей.

Рекомендации по использованию дневников поездок в городских исследованиях

Подчеркнутая универсальность дневника поездок и многообразие его форм определяют гибкость метода и являются его ключевыми преимуществами. Тенденция смещения интереса исследователей с традиционного дневника на модифицированные автоматизированные методы сбора информации о населении, однако, указывает на устаревание первого. Согласно Аксхаузену, дневниковые поездки как метод обновляются медленнее, чем изменяется транспортная политика в странах, что в целом снижает их привлекательность в качестве релевантного метода исследования [Axhausen, 1995: 9]. Исследователям проще и, главное, дешевле начать использовать современные технологии, чем заниматься модернизацией дневников. Более того, специалистам сложно оценить риски снижения качества собираемых данных в связи с изменениями в методе. Напомним, что и у горожан имеется запрос на минимизацию затрат времени и усилий в целом. Последнее не свойственно традиционному дневнику поездок, отсюда и низкий показатель участия в исследованиях, использующих данный метод [Prelipsean, Yamamoto, 2018: 122]. Дополнительным аргументом в пользу перехода к новым методам сбора данных является убежденность некоторых исследователей в том, что возможности дневника поездок не соответствуют современным моделям транспортного поведения, это порождает неполноту сбора и смещение в данных [Stopher, Greaves, 2007: 373]. Таким образом, обозначенное устаревание традиционного дневника поездок связано в первую очередь с отсутствием желания и внешнего стимулирования исследователей заниматься совершенствованием метода.

Выбор оптимальной формы дневника поездок для конкретного исследования является непростой задачей. Каждый из рассмотренных типов дневников имеет свои достоинства и недостатки, не менее важно учитывать и специфику исследования. Дополнительными критериями выбора становятся технические возможности, которые зависят в том числе от объемов финансирования. По обозначенным ранее причинам, а именно в связи с возможностью уточнить характеристики поездки (например, ее цель) и учесть эмоциональную составляющую, частичное или полностью ручное заполнение дневников представляется наиболее удачным методом сбора данных о транспортном поведении населения. Тем не менее бывают исключительные случаи, когда предпочтительна полная автоматизация заполнения дневника. В данном разделе приведем общие рекомендации исследователям по выбору формы дневника поездок и по способам повышения качества собираемой информации о мобильности населения.

Дневники поездок, заполняемые традиционно, то есть вручную, хорошо подходят для качественных исследований транспортного поведения с лояльными респондентами, которые при должном контроле и информировании со стороны исследователей готовы тщательно указывать информацию о своих поездках. Помимо этого, требуется аккуратный выбор продолжительности ведения дневника. Важно учесть потенциальную дифференциацию паттернов

поведения в зависимости от дня недели и иных факторов при условии высокой чувствительности полноты и качества данных к временной нагрузке на респондентов. То же касается и степени детализированности дневников, выбор которой строится на поиске баланса между достаточностью данных для эксперта и желанием респондента принимать участие в исследовании.

Комбинация заполненных вручную дневников поездок с иными инструментами в рамках одного исследования может помочь увеличить возможную продолжительность ведения дневника ввиду снижения нагрузки на участника. Данные комбинации обладают некоторыми свойствами и преимуществами полуавтоматических дневников поездок, однако технически ими не являются. Например, в работе Мавоа и др. [Mavoа et al., 2011] дополнением к дневникам становится *GPS*-трекер, который фиксирует перемещения детей, передвигающихся без сопровождения взрослых, и тем самым позволяет выявлять ошибки в учете поездок. Трекер становится источником информации о физических перемещениях респондентов, а дневник — о деталях данной мобильности (цели, пункте отправления и назначения и т. д.). У авторов исследования, однако, возникли проблемы с сопоставлением некоторых поездок из-за различающегося времени начала и окончания движения, указанного в дневнике, от данных трекера. Подобные слабые стороны комбинирования методов следует учитывать на подготовительной стадии исследования.

В работе Рогальски, изучающей транспортное поведение малообеспеченных работающих матерей-одиночек в городской среде, ориентированной на передвижения на автомобиле, метод ведения дневниковых записей дополняется интервьюированием респонденток, а также внесением данных о перемещениях женщин в *GIS* [Rogalsky, 2010]. Последнее позволило автору оценить дальность перемещений и сопоставить траекторию стандартных передвижений женщин с существующими маршрутами городского транспорта¹, что обнажило проблему неудобства существующих маршрутов и местоположения остановочных пунктов. В ходе глубинных интервью проявились также проблемы неудобного расписания, отсутствия дешевых альтернативных средств передвижения и в целом неграмотной транспортной политики данной городской среды, что влияло на транспортное поведение изучаемой группы респондентов.

Заполнение дневников вручную особенно ценно своей субъективной составляющей, которую могут вносить респонденты, и большей гибкости наполнения дневника. Исследователи при этом сталкиваются с высокими издержками распространения и сбора дневников, а также с вероятным отказом от участия из-за большой нагрузки на респондентов. Внесение автоматической составляющей потенциально снижает обозначенные издержки, однако предполагает высокие временные и денежные затраты на техническую проработку системы, которая будет собирать и обрабатывать данные, а также предоставлять пользователям доступ к ним. Ввиду этого выбор между применением полуавтоматического и заполненного вручную дневника рекомендуется делать

¹ В исследовании рассматривается именно городской (общественный) транспорт, так как далеко не все респонденты могут позволить себе наличие личного автомобиля.

по результатам анализа выгод и издержек обоих методов, а также учитывая специфику исследования и изучаемой группы.

Полуавтоматический дневник поездок предполагает качественную техническую проработку сбора информации об отдельных деталях поездок, а также выгрузки этих данных на сервер, работа с которым должна быть понятна и проста для широкого круга пользователей. Важно не допустить ситуации, при которой респондентам требовалось бы столько же или даже большее времени на освоение системы внесения и корректировки данных по сравнению с ручным заполнением дневника. Не менее значимо решить вопросы «навязчивости» системы, раздражающей пользователей, и необходимости доступа к интернету. Хорошая проработка обозначенных элементов проявляет преимущества полуавтоматических дневников. Точность автоматизированного сбора данных о поездках снижает нагрузку их проверки и редактирования, а также позволяет привлекать респондентов к более длительным исследованиям. Повысить качество данных позволяет совершенствование технологий, ввиду чего важно с установленной на законодательном уровне периодичностью модернизировать полуавтоматические дневники.

Несмотря на то, что элемент ручного заполнения дневника был признан нами одной из ключевых детерминант высоких качества и эффективности исследования транспортного поведения, в отдельных случаях его применение может не быть оптимальным выбором. Речь идет в первую очередь о респондентах с особенностями психического и/или физического здоровья, которые не имеют возможности самостоятельно заполнять дневник поездок. В таких ситуациях исследователи обычно прибегают к разработке автоматической системы, которая могла бы фиксировать перемещения подобных категорий горожан. Проблемой в разбираемом случае может стать отклоняющийся от реальности результат разработки механизма сбора данных, так как он должен создаваться на основе субъективных наблюдений специального сопровождающего персонала, а не самих людей с ограниченными возможностями. В таких случаях исследователю требуется взвешенно оценить, насколько дорогим и оправданным с точки зрения качества данных является создание подобной автоматической системы сбора данных. Альтернативы могут различаться в каждом отдельном случае. Например, для каждого респондента с нарушением зрения можно нанять постоянных сопровождающих, которые фиксировали бы детали их перемещения, в том числе с их слов.

Заключение

Для прогнозирования транспортного спроса и поведения используются очень грубые предпосылки, так как для индивидов характерна случайность решений, а моделирование логики их поведения — крайне сложный процесс [Newell, 2002: 177]. Ввиду этого требуется разработка дополнительных специализированных методов изучения поведения целевых групп горожан, в том числе дневника поездок. Технический прогресс позволил внедрить в процесс

сбора данных элемент автоматизации, который дает преимущества как для исследователей, которые могут быстрее собирать и обрабатывать данные, так и для респондентов, ощущающих меньшую нагрузку от участия в проекте. Полная автоматизация, однако, лишает данные субъективной составляющей, ключевой при исследовании поведенческих паттернов. При этом внесение и редактирование данных вручную не всегда является оптимальным решением по причине специфики исследования или изучаемой группы респондентов. Из этого можно заключить, что важно учитывать особенности каждого отдельного исследования и выбирать наиболее подходящий тип дневника из трех рассмотренных. При выборе вида дневника для сбора информации о транспортном поведении населения рекомендуется учитывать ограничения каждого и набор его преимуществ и недостатков, описанных в данной статье.

Литература

- Беспалова Ю. Нарративное пространство личного дневника (социологический подход) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1. № 1. С. 67–74. EDN: [TVTFKF](https://doi.org/10.1016/j.trpro.2017.07.006)
- Мулеев Е. Транспортное поведение населения России: краткий отчет о социологическом исследовании. М.: Институт экономики транспорта и транспортной политики НИУ ВШЭ, 2015.
- Allström A., Kristoffersson I., Susilo Y. Smartphone Based Travel Diary Collection: Experiences from a Field Trial in Stockholm // Transportation Research Procedia. 2017. Vol. 26. P. 32–38. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2017.07.006>
- Arellana J., Daly A., Hess S., Ortuzar J., Rizzi L. Development of Surveys for Study of Departure Time Choice: A Two-Stage Approach to Efficient Design // Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board. 2012. Vol. 2303. № 1. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.3141/2303-02>
- Athira I., Muneera C., Krishnamurthy K., Anjaneyulu M. Estimation of Value of Travel Time for Work Trips // Transportation Research Procedia. 2016. Vol. 17. P. 116–123. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2016.11.067>
- Axhausen K. The Design of Environmentally Aware Travel Diaries // Transportation Planning and Technology. 1996. Vol. 19. № 3–4. P. 275–290. DOI: <https://doi.org/10.1080/03081069608717574>
- Axhausen K. Travel Diaries: An Annotated Catalogue. 2nd Edition // Working Paper. 1995. P. 1–133.
- Axhausen K., Lochl M., Schlich R., Buhl T., Widmer P. Fatigue in Long-Duration Travel Diaries // Transportation. 2007. № 34. P. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11116-006-9106-4>
- Cottrill C., Pereira F., Zhao F., Dias I., Lim H., Ben-Akiva M., Zengras P. Future Mobility Survey: Experience in Developing a Smartphone-Based Travel Survey in Singapore // Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board. 2013. Vol. 2354. № 1. P. 59–67. DOI: <https://doi.org/10.3141/2354-07>
- Crane R., Chepeau R. Does Neighborhood Design Influence Travel?: Behavioral Analysis of Travel Diary and GIS Data // Transportation Research Part D: Transport and Environment. 1998. Vol. 3. № 4. P. 225–238.
- Fezzi C., Bateman I., Ferrini S. Using Revealed Preferences to Estimate the Value of Travel Time to Recreation Sites // Journal of Environmental Economics and Management. 2014. Vol. 67. № 1. P. 58–70. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jeem.2013.10.003>
- Geurs K., Thomas T., Bijlsma M., Douhou S. Automatic Trip and Mode Detection with Move Smarter: First Results from the Dutch Mobile Mobility Panel // Transportation Research Procedia. 2015. Vol. 11. P. 247–262. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2015.12.022>
- Golob T., Kitamura R., Long L. Panels for Transportation Planning: Methods and Applications // Transportation Research, Economics and Policy. New York: Springer, 1997. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4757-2642-8>

- Golob T., Meurs H.* Biases in Response Over Time in a Seven-Day Travel Diary // *Transportation*. 1986. Vol. 13. № 2. P. 163–181. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00165546>
- Goulias K.* Travel Behavior Models // *Handbook of Behavioral and Cognitive Geography* / Ed. by D.R. Montello. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing Limited, 2018. P. 56–73.
- Goulias K., Pendyala R., Bhat C.* Keynote — Total Design Data Needs for the New Generation Large-Scale Activity Microsimulation Models // *Transport Survey Methods* / Ed. by J. Zmud, M. Lee-Gosselin, M. Munizaga, J.A. Carrasco. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2013. P. 21–46. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/9781781902882-002>
- Guensler R., Wolf J.* Development of a Handheld Electronic Travel Diary for Monitoring Individual Tripmaking Behavior // *Transportation Research Board*. 1999. P. 1–16.
- Harvey A.* Time-Space Diaries: Merging Traditions // *Transport Survey Quality and Innovation* / Ed. by P. Stopher, P. Jones. Bingley: Emerald Group Publishing, 2003. P. 151–180. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/9781786359551-008>
- Jones P.* The Role of an Evolving Paradigm in Shaping International Transport Research and Policy Agendas over the Last 50 Years // *Travel Behaviour Research in an Evolving World: Selected Papers from the 12th International Conference on Travel Behaviour Research*. 2012. P. 13–34.
- Madre J.-L., Axhausen K., Brog W.* Immobility in Travel Diary Surveys // *Transportation*. 2007. № 34. P. 107–128. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11116-006-9105-5>
- Mavoa S., Oliver M., Witten K., Badland H.* Linking GPS and Travel Diary Data Using Sequence Alignment in a Study of Children's Independent Mobility // *International Journal of Health Geographics*. 2011. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1186/1476-072x-10-64>
- Montini L., Prost S., Schrammel J., Rieser-Schüssler N., Axhausen K.* Comparison of Travel Diaries Generated from Smartphone Data and Dedicated GPS Devices // *Transportation Research Procedia*. 2015. Vol. 11. P. 227–241.
- Murakami E., Wagner D.* Can Using Global Positioning System (GPS) Improve Trip Reporting? // *Transportation Research Part C: Emerging Technologies*. 1999. Vol. 7. № 2–3. P. 149–165. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0968-090X\(99\)00017-0](https://doi.org/10.1016/S0968-090X(99)00017-0)
- Nassir N., Hickman M., Ma Z.-L.* Activity Detection and Transfer Identification for Public Transit Fare Card Data // *Transportation*. 2015. Vol. 42. № 4. P. 683–705. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s11116-015-9601-6>
- Newell G.* Memoirs on Highway Traffic Flow Theory in the 1950s // *Operations Research*. 2002. Vol. 50. № 1. P. 173–178. DOI: <http://dx.doi.org/10.1287/opre.50.1.173.17802>
- Park Y.* Assessing Personal Exposure to Traffic-Related Air Pollution Using Individual Travel-Activity Diary Data and an On-Road Source Air Dispersion Model // *Health and Place*. 2020. Vol. 63. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2020.102351>
- Pierce B., Casas J., Gaiimo G.* Estimating Trip Rate Under-Reporting: Preliminary Results from the Ohio Household Travel Survey // *82nd Annual Meeting of the Transportation Research Board*. Washington, D.C., 2003.
- Prelipcean A., Gidófalvi G., Susilo Y.* A Series of Three Case Studies on the Semi-Automation of Activity Travel Diary Generation Using Smartphones // *Technical Report for the Swedish Transport Administration*. 2017. P. 1–15.
- Prelipcean A., Gidófalvi G., Susilo Y.* Collecting Travel Diaries: Current State of the Art, Best Practices, and Future Research Directions // *Transportation Research Procedia*. 2018. Vol. 32. P. 155–166. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.trpro.2018.10.029>
- Prelipcean A., Gidófalvi G., Susilo Y.* Mobility Collector // *Journal of Location Based Services*. 2014. Vol. 8. № 4. P. 229–255. DOI: <https://doi.org/10.1080/17489725.2014.973917>
- Prelipcean A., Yamamoto T.* Workshop Synthesis: New Developments in Travel Diary Collection Systems Based on Smartphones and GPS Receivers // *Transportation Research Procedia*. 2018. Vol. 32. P. 119–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.trpro.2018.10.023>

Rello L., Baeza-Yates R. Good Fonts for Dyslexia // Proceedings of the 15th International ACM SIGACCESS Conference on Computers and Accessibility. 2013. P. 1–8. DOI: <http://dx.doi.org/10.1145/2513383.2513447>

Richardson A. Estimating Individual Values of Time in Stated Preference Surveys // Proceedings of 26th Conference of Australian Institute of Transport Research. Melbourne: Monash University, 2004.

Rogalsky J. Bartering for Basics: Using Ethnography and Travel Diaries to Understand Transportation Constraints and Social Networks Among Working-Poor Women // Urban Geography. 2010. Vol. 31. № 8. P. 1018–1038. DOI: <http://dx.doi.org/10.2747/0272-3638.31.8.1018>

Sadato N., Pascual-Leone A., Grafman J., Deiber M.-P., Ibanez V., Hallett M. Neural Networks for Braille Reading by the Blind // Brain. 1998. Vol. 121. № 7. P. 1213–1229. DOI: <https://doi.org/10.1093/brain/121.7.1213>

Schlich R., Axhausen K. Habitual Travel Behaviour: Evidence from a Six-Week Travel Diary // Transportation. 2003. № 30. P. 13–36. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1021230507071>

Stenneth L., Thompson K., Stone W., Alowibdi J. Automated Transportation Transfer Detection Using GPS Enabled Smartphones // 15th International IEEE Conference on Intelligent Transportation Systems. 2012. P. 802–807. DOI: <https://doi.org/10.1109/ITSC.2012.6338603>

Stopher P., Greaves S. Household Travel Surveys: Where Are We Going? // Transportation Research Part A: Policy and Practice. 2007. Vol. 41. № 5. P. 367–381. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.tra.2006.09.005>

Termida N., Susilo Y., Franklin J., Liu C. Understanding Seasonal Variation in Individual's Activity Participation and Trip Generation by Using Four Consecutive Two-Week Travel Diary // Travel Behaviour and Society. 2018. Vol. 12. P. 52–63. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tbs.2017.12.006>

Thomas T. The Value of Time for Passenger Cars: An Experimental Study of Commuters' Values // Highway Research Record. Washington: Highway Research Board, 1968. P. 1–36.

Wardman M. A Comparison of Revealed Preference and Stated Preference Models of Travel Behaviour // Journal of Transport Economics and Policy. 1988. Vol. 22. № 1. P. 71–91.

Weiner E. Urban Transportation Planning in the United States: History, Policy, and Practice. New York: Springer Science & Business Media, 2012.

Wermuth M., Sommer C., Kreitz M. Impact of New Technologies in Travel Surveys // Transport Survey Quality and Innovation / Ed. by P. Jones, P.R. Stopher. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2003. P. 455–481. DOI: <https://doi.org/10.1108/9781786359551-027>

Winston G. Activity Choice: A New Approach to Economic Behaviour // Journal of Economic Behavior and Organization. 1987. Vol. 8. № 4. P. 567–585.

Wolf J., Guensler R., Bachman W. Elimination of the Travel Diary: Experiment to Derive Trip Purpose from Global Positioning System Travel Data // Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board. 2001. Vol. 1768. № 1. P. 125–134. DOI: <http://dx.doi.org/10.3141/1768-15>

Wolf J. Applications of New Technologies in Travel Surveys: Quality and Future Directions // Travel Survey Methods / Ed. by P. Stopher, C. Stecher. 2006. P. 531–544. DOI: <https://doi.org/10.1108/9780080464015-029>

Сведения об авторе:

Сергиенко Мария Евгеньевна — студентка магистратуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** mariya.sergg@gmail.com. **ORCID ID:** [0000-0002-4585-1592](https://orcid.org/0000-0002-4585-1592).

Статья поступила в редакцию: 06.12.2022

Принята к публикации: 15.06.2023

БАК: 5.4.1

Travel Diary as a Method to Study Transport Behavior of the Population

DOI: 10.19181/inter.2023.15.2.4

Maria E. Sergienko HSE University, Moscow, Russia
E-mail: mariya.sergg@gmail.com

The process of modeling the demand for transport services in urban environment starts with the collection of data on citizens' transport behavior. Travel diary is the primary and most popular source of this sort of information. Features of three types of diaries are considered in the article — memory-based, semi-automated and automated. Based on the broad foreign empirical experience the author draws on the analysis of the current trend towards partially or even fully automated collection of travel data. The memory-based type of diary becomes obsolete nowadays. Its significant advantage and valuable element for studying urban mobility is the collection of subjective information about the transport behavior logic. Based on findings made by analyzing three types of travel diaries the author concludes that semi-automated diary is the optimal form of the diary. The main reason is its combination of both automated data collection on respondents' travel choices and the possibility of its manual correction. Nevertheless, recommendations on which type of travel diary to choose depend on peculiarities and technical feasibilities of a particular project.

Keywords: travel diary; transport demand; transport behavior; urban mobility; memory-based travel diary; semi-automated travel diary; automated travel diary

References

- Allström A., Kristoffersson I., Susilo Y. (2017) Smartphone Based Travel Diary Collection: Experiences from a Field Trial in Stockholm. *Transportation Research Procedia*. Vol. 26. P. 32–38. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2017.07.006>
- Arellana J., Daly A., Hess S., Ortuzar J., Rizzi L. (2012) Development of Surveys for Study of Departure Time Choice: A Two-Stage Approach to Efficient Design. *Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board*. Vol. 2303. No. 1. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.3141/2303-02>
- Athira I., Muneera C., Krishnamurthy K., Anjaneyulu M. (2016) Estimation of Value of Travel Time for Work Trips. *Transportation Research Procedia*. Vol. 17. P. 116–123. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2016.11.067>
- Axhausen K. (1996) The Design of Environmentally Aware Travel Diaries. *Transportation Planning and Technology*. Vol. 19. No. 3–4. P. 275–290. DOI: <https://doi.org/10.1080/03081069608717574>
- Axhausen K. (1995) Travel Diaries: An Annotated Catalogue. 2nd Edition. *Working Paper*. P. 1–133.
- Axhausen K., Lochl M., Schlich R., Buhl T., Widmer P. (2007) Fatigue in Long-Duration Travel Diaries. *Transportation*. No. 34. P. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11116-006-9106-4>
- Bespalova Yu. (2015) Narrativnoe prostranstvo lichnogo dnevnika (sociologicheskij podhod) [Narrative Space of a Personal Diary (Sociological Approach)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research]. Vol. 1. No. 1. P. 67–74. (In Russ.)
- Cottrill C., Pereira F., Zhao F., Dias I., Lim H., Ben-Akiva M., Zegras P. (2013) Future Mobility Survey: Experience in Developing a Smartphone-Based Travel Survey in Singapore. *Transportation*

Research Record: Journal of the Transportation Research Board. Vol. 2354. No. 1. P. 59–67. DOI: <https://doi.org/10.3141/2354-07>

Crane R., Chepeau R. (1998) Does Neighborhood Design Influence Travel?: Behavioral Analysis of Travel Diary and GIS Data. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. Vol. 3. No. 4. P. 225–238.

Fezzi C., Bateman I., Ferrini S. (2014) Using Revealed Preferences to Estimate the Value of Travel Time to Recreation Sites. *Journal of Environmental Economics and Management*. Vol. 67. No. 1. P. 58–70. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jjeem.2013.10.003>

Geurs K., Thomas T., Bijlsma M., Douhou S. (2015) Automatic Trip and Mode Detection with Move Smarter: First Results from the Dutch Mobile Mobility Panel. *Transportation Research Procedia*. Vol. 11. P. 247–262. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2015.12.022>

Golob T., Kitamura R., Long L. (1997) *Panels for Transportation Planning: Methods and Applications*. *Transportation Research, Economics and Policy*. New York: Springer. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4757-2642-8>

Golob T., Meurs H. (1986) Biases in Response Over Time in a Seven-Day Travel Diary. *Transportation*. Vol. 13. No. 2. P. 163–181. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00165546>

Goulias K. (2018) Travel Behavior Models. In: D.R. Montello (ed.) *Handbook of Behavioral and Cognitive Geography*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing Limited. P. 56–73.

Goulias K., Pendyala R., Bhat C. (2013) Keynote — Total Design Data Needs for the New Generation Large-Scale Activity Microsimulation Models. In: J. Zmud, M. Lee-Gosselin, M. Munizaga, J.A. Carrasco (eds.) *Transport Survey Methods*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited. P. 21–46. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/9781781902882-002>

Guensler R., Wolf J. (1999) Development of a Handheld Electronic Travel Diary for Monitoring Individual Tripmaking Behavior. *Transportation Research Board*. P. 1–16.

Harvey A. (2003) Time-Space Diaries: Merging Traditions. In: Stopher P., Jones P. (eds.) *Transport Survey Quality and Innovation*. Bingley: Emerald Group Publishing. P. 151–180. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/9781786359551-008>

Jones P. (2012) The Role of an Evolving Paradigm in Shaping International Transport Research and Policy Agendas over the Last 50 Years. *Travel Behaviour Research in an Evolving World: Selected Papers from the 12th International Conference on Travel Behaviour Research*. P. 13–34.

Madre J.-L., Axhausen K., Brog W. (2007) Immobility in Travel Diary Surveys. *Transportation*. No. 34. P. 107–128. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11116-006-9105-5>

Mavoia S., Oliver M., Witten K., Badland H. (2011) Linking GPS and Travel Diary Data Using Sequence Alignment in a Study of Children's Independent Mobility. *International Journal of Health Geographics*. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1186/1476-072x-10-64>

Montini L., Prost S., Schrammel J., Rieser-Schüssler N., Axhausen K. (2015) Comparison of Travel Diaries Generated from Smartphone Data and Dedicated GPS Devices. *Transportation Research Procedia*. Vol. 11. P. 227–241.

Muleev E. (2015) *Transportnoe povedenie naseleniya Rossii: kratkij otchet o sociologicheskom issledovanii* [Transport Behavior of the Population of Russia: Brief Report on Sociological Research]. Moscow: Institute for Transport Economics and Transport Policy Studies of HSE. (In Russ.)

Murakami E., Wagner D. (1999) Can Using Global Positioning System (GPS) Improve Trip Reporting? *Transportation Research Part C: Emerging Technologies*. Vol. 7. No. 2–3. P. 149–165. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0968-090X\(99\)00017-0](https://doi.org/10.1016/S0968-090X(99)00017-0)

Nassir N., Hickman M., Ma Z.-L. (2015) Activity Detection and Transfer Identification for Public Transit Fare Card Data. *Transportation*. Vol. 42. No. 4. P. 683–705. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s11116-015-9601-6>

Newell G. (2002) Memoirs on Highway Traffic Flow Theory in the 1950s. *Operations Research*. Vol. 50. No. 1. P. 173–178. DOI: <http://dx.doi.org/10.1287/opre.50.1.173.17802>

Park Y. (2020) Assessing Personal Exposure to Traffic-Related Air Pollution Using Individual Travel-Activity Diary Data and an On-Road Source Air Dispersion Model. *Health and Place*. Vol. 63. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2020.102351>

Pierce B., Casas J., Giaimo G. (2003) Estimating Trip Rate Under-Reporting: Preliminary Results from the Ohio Household Travel Survey. In: *82nd Annual Meeting of the Transportation Research Board*.

Prelipcean A., Gidófalvi G., Susilo Y. (2017) A Series of Three Case Studies on the Semi-Automation of Activity Travel Diary Generation Using Smartphones. *Technical Report for the Swedish Transport Administration*. P. 1–15.

Prelipcean A., Gidófalvi G., Susilo Y. (2018) Collecting Travel Diaries: Current State of the Art, Best Practices, and Future Research Directions. *Transportation Research Procedia*. Vol. 32. P. 155–166. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.trpro.2018.10.029>

Prelipcean A., Gidófalvi G., Susilo Y. (2014) Mobility Collector. *Journal of Location Based Services*. Vol. 8. No. 4. P. 229–255. DOI: <https://doi.org/10.1080/17489725.2014.973917>

Prelipcean A., Yamamoto T. (2018) Workshop Synthesis: New Developments in Travel Diary Collection Systems Based on Smartphones and GPS Receivers. *Transportation Research Procedia*. Vol. 32. P. 119–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.trpro.2018.10.023>

Rello L., Baeza-Yates R. (2013) Good Fonts for Dyslexia. *Proceedings of the 15th International ACM SIGACCESS Conference on Computers and Accessibility*. P. 1–8. DOI: <http://dx.doi.org/10.1145/2513383.2513447>

Richardson A. (2004) Estimating Individual Values of Time in Stated Preference Surveys. *Proceedings of 26th Conference of Australian Institute of Transport Research*. Melbourne: Monash University.

Rogalsky J. (2010) Bartering for Basics: Using Ethnography and Travel Diaries to Understand Transportation Constraints and Social Networks Among Working-Poor Women. *Urban Geography*. Vol. 31. No. 8. P. 1018–1038. DOI: <http://dx.doi.org/10.2747/0272-3638.31.8.1018>

Sadato N., Pascual-Leone A., Grafman J., Deiber M.-P., Ibanez V., Hallett M. (1998) Neural Networks for Braille Reading by the Blind. *Brain*. Vol. 121. No. 7. P. 1213–1229. DOI: <https://doi.org/10.1093/brain/121.7.1213>

Schlich R., Axhausen K. (2003) Habitual Travel Behaviour: Evidence from a Six-Week Travel Diary. *Transportation*. No. 30. P. 13–36. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1021230507071>

Stenneth L., Thompson K., Stone W., Alowibdi J. (2012) Automated Transportation Transfer Detection Using GPS Enabled Smartphones. *15th International IEEE Conference on Intelligent Transportation Systems*. P. 802–807. DOI: <https://doi.org/10.1109/ITSC.2012.6338603>

Stopher P., Greaves S. (2007) Household Travel Surveys: Where Are We Going? *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. Vol. 41. No. 5. P. 367–381. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.tra.2006.09.005>

Termida N., Susilo Y., Franklin J., Liu C. (2018) Understanding Seasonal Variation in Individual's Activity Participation and Trip Generation by Using Four Consecutive Two-Week Travel Diary. *Travel Behaviour and Society*. Vol. 12. P. 52–63. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tbs.2017.12.006>

Thomas T. (1968) The Value of Time for Passenger Cars: An Experimental Study of Commuters' Values. *Highway Research Record*. Washington: Highway Research Board. P. 1–36.

Wardman M. (1988) A Comparison of Revealed Preference and Stated Preference Models of Travel Behaviour. *Journal of Transport Economics and Policy*. Vol. 22. No. 1. P. 71–91.

Weiner E. (2012) *Urban Transportation Planning in the United States: History, Policy, and Practice*. New York: Springer Science & Business Media.

Wermuth M., Sommer C., Kreitz M. (2003) Impact of New Technologies in Travel Surveys. In: P. Jones, P.R. Stopher (eds.) *Transport Survey Quality and Innovation*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited. P. 455–481. DOI: <https://doi.org/10.1108/9781786359551-027>

Winston G. (1987) Activity Choice: A New Approach to Economic Behaviour. *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 8. No. 4. P. 567–585.

Wolf J., Guensler R., Bachman W. (2001) Elimination of the Travel Diary: Experiment to Derive Trip Purpose from Global Positioning System Travel Data. *Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board*. Vol. 1768. No. 1. P. 125–134. DOI: <http://dx.doi.org/10.3141/1768-15>

Wolf J. (2006) Applications of New Technologies in Travel Surveys: Quality and Future Directions. In: P. Stopher, C. Stecher (eds.) *Travel Survey Methods*. P. 531–544. DOI: <https://doi.org/10.1108/9780080464015-029>

Author bio:

Maria E. Sergienko — Master's Student, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** mariya.sergg@gmail.com. **ORCID ID:** [0000-0002-4585-1592](https://orcid.org/0000-0002-4585-1592).

Received: 06.12.2022

Accepted: 15.06.2023

DOI: 10.19181/inter.2023.15.2.5

EDN: OJLPLQ

Экспериментально-художественные форматы как креативные практики в преподавании социологии

Ссылка для цитирования:

Сёмина М. В. Экспериментально-художественные форматы как креативные практики в преподавании социологии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 2. С. 96–115. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.5> EDN: OJLPLQ

For citation:

Semina M.V. Experimental Art-Based Formats as the Creative Practices of Teaching Sociology. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 2. P. 96–115. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.5>

Сёмина Марина Вячеславовна

Уорикский университет, Ковентри, Великобритания;
Московский государственный технический университет
имени Н. Э. Баумана, Москва, Россия

E-mail: modernsociology@gmail.com

В статье рассматриваются особенности экспериментально-художественных форматов, которые выступают альтернативной формой познания действительности, проведения качественных исследований и представления их результатов. Данный подход основывается на исследовательском опыте автора, а также на опыте преподавания качественной социологии студентам. Современный мир бросает вызов устоявшимся социологическим канонам как в обучении, так и в проведении исследований и представлении данных. С одной стороны, возрастает спрос на диверсификацию средств подачи информации — разным целевым аудиториям нужны разные формы представления данных. С другой стороны, с помощью креативного представления результатов исследований можно понятнее и быстрее передать информацию о невидимых и неслышимых слоях общества. Дать их голосам возможность прозвучать. В статье описывается история возникновения экспериментальных художественных форматов и объясняется специфика обучения этому подходу в рамках курсов по качественной социологии. Приводятся примеры студенческих проектов с применением данного подхода, проведенных под руководством автора. Статья будет интересна преподавателям вузов, читающим курсы по качественной социологии, социальной

психологии, креативному письму, а также широкому кругу читателей, которым интересны нестандартные исследовательские подходы и инновационное мышление.

Ключевые слова: качественные методы; социологическое письмо; креативное письмо; экспериментально-художественные форматы; креативно-художественные практики; художественные формы представления данных; исследование действием; инновационная социология; исследования, базирующиеся на искусстве

В век «текучей мобильности» [Урри, 2012], когда все течет и меняется молниеносно, социология должна отвечать на запросы времени. Традиционные фундаментальные исследования, как правило, трудоемки и требуют значительных ресурсов. Однако в ускоряющемся мире социологи сталкиваются с необходимостью проводить «быстрые» исследования, на основе результатов которых предлагаются решения и предпринимаются действия.

В статье рассматриваются особенности преподавания студентам-социологам новых экспериментально-художественных подходов, которые выступают альтернативной формой познания действительности и проведения исследований. В эпоху информатизации и цифровизации в социальной науке многие процессы стандартизируются и доводятся до автоматизма. Создается своего рода алгоритм: запрос общества, базирующийся на определенной проблеме, — построение гипотез — разработка инструментария в определенной парадигме — проведение исследования по определенным стандартам — написание научного отчета, который также встраивается в определенные каноны. И, соответственно в обучении социологии процесс крайне стандартизирован: программы написаны, методики разработаны, все подчинено устоявшейся традиции. Таким образом студенты перенимают опыт предыдущих поколений исследователей. Ученые, которые транслируют знания студентам, придерживаются различных направлений. Некоторые готовы, встроившись однажды в «колею», ехать по ней бесконечно. И не было бы генезиса в преподавании социологии, если бы некоторые ученые-практики не старались вырваться из повседневной рутины, пытаться импровизировать и внедрять элементы инноваций в исследовательский и преподавательский процессы.

Автор настоящей статьи в течение 23 лет преподавала методы социологических исследований студентам разных вузов. Одновременно являясь социологом-практиком, она проводила исследования в сферах науки и бизнеса. В ходе этой работы к ней пришло понимание, что время изменилось и нужны новые творческие методы и подходы к работе. Сегодня, когда онлайн-заказ на доставку продуктов из супермаркета в мегаполисе человек готов получить не более чем за семь — десять минут, месяц на исследование звучит как бесконечность. В конкретной фирме за это время реальная проблема меняется до неузнаваемости. В такой ситуации исследователи ищут новые формы работы с данными, варианты их сбора, анализа и представления. Порой необходимо

в буквальном смысле экспериментировать. Сам внешний мир бросает вызов рутинизации и стандартизации, традиционным подходам в социологии.

В связи с этим важно, чтобы студенты, выходя из вуза, владели разными методами анализа и представления данных, понимали, в какой ситуации уместны традиционные методы, а в какой требуется инновация. Бывают ситуации, когда необходимо быстро провести диагностику, оптимизировать исследовательский процесс, а результаты — распространить с помощью социальных сетей. Но при этом, представляя данные, нужно учесть разные параметры целевых аудиторий, к каждой найти свой подход, подготовить данные в том виде, в котором ей удобно их воспринимать. Готова ли к такому повороту событий исследовательская традиция и что она может предложить в ответ на современные вызовы? Что делается в плане обучения новым, креативным задачам, когда нужно не только глубоко изучить предмет, но и представить результаты исследования сообразно времени? Всему этому автор учит своих студентов в русле подготовки студентов в области качественной социологии.

Перед тем как перейти к описанию методологии обучения, мы хотели бы пояснить, что понимаем под *экспериментально-художественными форматами*. Согласно нашему подходу, все социологические форматы делятся на *классические* (например, классическое эссе или статья с определенными элементами анализа, типологиями, с обязательным цитированием источников, материалов интервью или фокус-групп) и *экспериментально-художественные*, которые в иносказательной, аллегорической форме представляют либо часть исследования, либо полное исследование в нестандартной, творческой манере. Таким образом, данные исследования могут быть проанализированы и проинтерпретированы в любой творческой манере. Это могут быть любые выразительные средства, встречающиеся в современном искусстве: спектакль, песня, поэма, — любая арт-практика, например перформанс. Отличительной особенностью является то, что творческий процесс должен базироваться на эмпирических данных исследования, а креативность и талантливость произведений ограничивается возможностями автора или авторов.

Для кого это важно сегодня? Поскольку сами исследования востребованы в широком спектре областей, то и креативно-художественные форматы, о которых речь пойдет ниже, используются в различных сферах: в социологии, педагогике, маркетинге, бизнесе, психологии, искусстве и других направлениях.

За долгие годы поисков сочетаний различных подходов к исследованиям автору удалось соединить классическую методологию проведения качественного социологического исследования с экспериментально-художественными форматами представления данных. В итоге получился новый метод обучения, сочетающий в себе науку и искусство. В процессе обучения автор рассказывает о новых средствах вовлечения студентов в «исследовательскую кухню», предлагая использовать неизбитые темы, применять нестандартные приемы сбора и обработки информации, а самое главное — разрушать стереотипы о том, что хороший отчет — это только тот отчет, который написан научным языком. Сегодня не существует диктата одного типа представления данных, и это доказывают экспериментально-художественные формы представления

данных. Методология такого исследовательского проекта основывается на трех базовых положениях: все участвуют в выборе актуальной темы. После этого проводится классическое качественное исследование. Работа ведется в командах по 25–30 человек. Каждый участник берет одно интервью и выкладывает его на всеобщее обозрение на общий ресурс. Далее наступает третий творческий этап, когда на одних и тех же данных каждый участник пишет самостоятельную творческую работу в любом стиле. Так возникают новые литературно-социологические формы, например комедии и трагедии, спектакль и ода, песня и перформанс.

На чем основывается это направление в социологии? На наш взгляд, истоки такого соединения социологии и искусства лежат далеко в прошлом. У этого направления богатая традиция, базирующаяся, во-первых, на произведениях художественной мировой литературы, во-вторых, на этнографической традиции Чикагской школы социологии, в-третьих, на подходе «исследование — действием» Курта Левина [Lewin, 1947] и его на российском аналоге, продвигаемом В.С. Дудченко («инновационные игры»), [Дудченко, 1987] и, наконец, на концепции социодрамы Якоба Морено — социолога, придумавшего социальный театр.

Новизна представленного подхода состоит в том, что автор, привнеся творческую составляющую в социологию, отвечает на требование времени в использовании новых исследовательских форматов и при этом расширяет целевую аудиторию. Творческие формы намного более понятны, выразительны и эмоционально насыщены, что позволяет быстрее и эффективнее донести результаты исследования до широкой аудитории. Но самое главное — такие формы лучше воспринимаются молодежью. Именно среди молодых особенно актуален запрос на диверсификацию подачи материала. Многие социальные площадки экспериментируют с разными способами подачи информации, тестируют новые формы работы с аудиторией. Материал, созданный молодежью и для молодежи, намного более проникновенно воспринимается целевой аудиторией по сравнению со строгими научными текстами, так как это стихи, песни про их жизнь, про их проблемы, написанные их языком.

Истоки экспериментально-художественных форматов

Что стало истоком для этого направления? Рассмотрим подробнее ниже.

А) Произведения художественной мировой литературы.

В мировой литературе немало примеров, где исторически разные социальные слои описывались в творческой манере. Достаточно вспомнить литературные традиции начала XVI века, в художественной манере показывающие различные социальные слои общества задолго до появления самой науки социологии. В испанской литературе — роман Франсиско де Кеведа («История жизни пройдохи по имени Плутас»), социально-авантурные романы французского автора Эжена Сю (начало XIX века), в дальнейшем — романы

В. Гюго «Отверженные» и «Человек, который смеется», работы Оноре де Бальзака и Чарльза Диккенса. В России особенно популярными были романы Всеволода Крестовского «Петербургские трущобы», являющиеся по сути социологическими очерками, в которых мы наблюдаем соединение социологии и этнографического наблюдения. Здесь же можно было бы упомянуть и В. Гиляровского («Москва и москвичи»), описывающего московские трущобы в районе «Хитрова рынка».

В) Этнографическая традиция Чикагской школы социологии и последующие кейс-стади.

Чикагская школа социологии знакомит нас с исследованиями в жанре кейс-стади, когда какое-то явление описывается с различных сторон. Традиция этой школы предполагает включенное наблюдение в качестве одной из стратегий, и здесь в первую очередь стоит упомянуть работы У. Уайта, создавшего незабываемое описание криминальной жизни малолетних преступников. Этот «взгляд изнутри» приоткрыл завесу над повседневной жизнью банды в городе Корневилле в 30-х годах XX века.

Познавательные возможности такого описательного метода, когда исследователь находится внутри банды (full participant observer) и имеет возможность детально описывать происходящее, превзошли все ожидания. Однако тот факт, что книга была написана в художественной манере, с использованием жаргона участников, сделал ее настолько влиятельной и читаемой, что долгое время ее почитали как в академических, так и в неакадемических кругах. Влияние ее вышло далеко за пределы социологии.

Здесь нужно сказать, что работ, которые бы в творческой манере доносили до читателей результаты исследований, можно было посчитать по пальцам. Так продолжалось примерно до 60–70-х годов XX века, пока в Великобритании не начался бум на качественные исследования. Справедливости ради отметим, что наряду с развитием направления качественных исследований примерно в это же время начали преподаваться курсы по креативному письму, причем не только для тех, кто целенаправленно шел на литературные специальности. Через некоторое время многочисленные авторы после проведения эмпирических исследований стали представлять свои инновационные работы в экспериментально-художественных форматах академическому сообществу. Здесь получался некий симбиоз классического отчета об исследовании с элементами художественной литературы. В первую очередь хотелось бы отметить работу индустриального социолога Хью Бейнона «Working for Ford», изданную в 1967 году и посвященную приходу завода Форда в Ливерпуль. Книга, написанная языком повседневной жизни с жаргонными фразами рабочих сборочных цехов, стала мощным инструментом описания действительности в эпоху процветающего капитализма и оказала большое влияние на развитие социологической мысли. Были и другие исследователи, в частности можно упомянуть Реймонда Уильямса, который писал романы про рабочих на основе социологических исследований культуры [Williams, 1960].

С) Подход «исследование — действием», созданный Куртом Левином, его аналог в России — «инновационные игры» В. С. Дудченко.

Этот подход базируется на серии экспериментов на различных фабриках и заводах сначала в Великобритании, а потом и Америки. Суть экспериментов состояла в вовлечении людей, которые работают на предприятиях, в решение проблем этих предприятий. Курт Левин выдвинул девиз: «Ни одного действия без исследования, ни одного исследования без действия». Несомненно, этот девиз мог бы стать девизом современных социологов. Терминология Action Research (AR) очень разнообразна — от наиболее широких до наименее узких определений, но все они отражают основную мысль деятельностного подхода: цель этих проектов состоит в изучении и поиске решения проблемы теми, кто вовлечен работу организации. В таком случае одни проводят исследование — другие по его результатам принимают решения. Однако в AR изучение проблемы может осуществляться и сторонними исследователями, но обязательно предполагается участие лиц, вовлеченных в деятельность предприятия или организации. Это принципиальное отличие AR от традиционных социологических исследований.

Аналогичный экспериментальный подход в России продвигал В. С. Дудченко. Разочаровавшись в классической социологии 1970-х годов, проработав заводским социологом на заводе «Камаз» и на Ярославском шинном заводе, В. С. Дудченко основал направление, которое назвал инновационными играми [Дудченко, 1987]. Инновационная игра состояла из серии совместной работы работников предприятия и социологов и рассматривалась основоположником в качестве альтернативы длительному и изматывающему социологическому исследованию, ценность которого бывает сомнительна. Новизна подхода состояла и в принципах работы, и в скорости: вместо многомесячных исследований решение принималось в течение двух-трех дней. Дудченко находил проблемное предприятие, договаривался с директором об исследовании, затем набирал команду со всех уровней, добавлял социологов и вывозил их в лес. Они работали на турбазах, в санаториях — упорно и ответственно, с глубоким погружением в исследование в течение нескольких дней. На больших (от 20 до 30 человек) и малых (3–5 человек) сессиях разрабатывались стратегии дальнейших действий по выходу из кризиса, базирующиеся на специальных методиках по диагностике проблем (исследование) и разработке плана реальных действий.

Д) Концепция социодрамы Якоба Морено.

Якоб Морено создал разные направления (в частности, групповую психотерапию, социометрию, психодраму, социодраму). Предложенный им подход социодрамы сводится к «погружению» в конкретную ситуацию. Важно отметить привлечение чувств, как опытные социодраматурги называют это явление — «прочувствование». Неотъемлемая часть социодрамы — проигрывание ситуации подобно социальному эксперименту. Социальный эффект социодрамы состоит в том, что в проигрываемом социальном эксперименте создается новое прочтение старой ситуации. Участники, которые не были

вовлечены в ситуацию ранее, могут по-разному (по-новому) интерпретировать данные, представлять новые варианты развития событий и новые варианты решений. Порой социодрама, давая новое решение, может оказывать терапевтический эффект.

Востребованность экспериментально-художественных форматов говорит о новом запросе и о том, что сам подход к анализу данных и их представлению начал меняться. Если ранее было принято усматривать один доминантный вывод, то в эпоху постмодернизма наряду с доминантными голосами стали появляться голоса невидимых и неслышимых ранее, и оказалось, что эти голоса не менее ценны, чем те, что казались могущественными, властными и единственно верными.

Остановимся на том, что является достаточно важным в процессе создания таких экспериментальных форматов.

1. Богатый исследовательский материал, в котором явление представлено с разных сторон (это могут быть материалы интервью, включенных наблюдений и т. п.), но чаще всего это данные исследования, состоящие из множества интервью, фокус-групп, наблюдений.
2. Отсутствие ограничений на создание смыслов и шаблонов. (Если эта работа делается для какого-то учреждения или по заказу и там уже есть шаблон представляемого материала — это точно не тот вариант, когда можно будет использовать креативный подход без ограничений).
3. Заинтересованные акторы — человек или команда, ищущие варианты производства смыслов, наиболее адекватные современному дню и потребностям аудитории. Эти люди должны быть привержены новаторскому подходу. Их когда-то захватила идея инноваций, которая не позволяет им из года в год создавать похожие версии, давать однотипные интерпретации в одной и той же писательской манере.
4. Последний и немаловажный компонент такого творческого подхода — рефлексия.

Существует несколько подходов к понятию рефлексии. В бытовом смысле рефлексия помогает осмыслить совершенные поступки и действия. В философском ключе под рефлексией понимают теоретическое осмысление бытия и мышления человека, критический анализ философских оснований и ценностей, выработанных человечеством. Рефлексия — это умение анализировать самого себя и деятельность своего сознания. В научном смысле рефлексия помогает критиковать знания, полученные научным путем. Попытка непредвзято взглянуть на ту или иную проблему. В данной статье мы хотели бы остановиться на понимании социологической рефлексии. Что это такое и как современные социологи трактуют понятие рефлексии?

Под рефлексией мы понимаем состояние исследователя, когда он может оторваться от содержательных аспектов исследования и посмотреть на себя самого, на свои мысли, чувства и эмоции при анализе социологических явлений. Социолог-исследователь — это не просто человек, но человек, рожденный в определенную эпоху, воспринявший определенные нормы и ценности,

поэтому его мышление, стиль жизни, творческие способности определяют тот тип рефлексии, который будет ему или ей доступен.

В качественных научных исследованиях огромную роль играет позиция самого исследователя: то, какие теории оказывают воздействие на процесс становления, какие собственные мысли присутствуют в «творческой лаборатории» перед началом, в процессе и по окончании исследования. Какие сложности он/она преодолевает в процессе проведения исследования. Иногда эти субъективные заметки помогают нам понять, как позиция исследователя и его место в социальной структуре общества, его образ жизни влияют на результат.

Рефлексия четко связана с превалирующим в обществе стилем представления данных исследований. Ранее считалось, что существует либо литературный, либо научный стиль представления данных, при этом приветствовался научный. Сегодня мы живем в эпоху постмодернизма, когда нет жесткой привязки к одному стилю. Свои мысли и переживания можно оформить в том виде, в каком они рождаются. Таким образом, субъективные ощущения исследователя, его переживания, симпатии и антипатии являются определенным дополнительным инструментом познания.

Хотелось бы обозначить отличие экспериментально-художественных форматов от набирающего популярность направления *арт-исследований*. Это направление с конца XX века и начала XXI века продвигает и развивает Патриция Леви, которая в 2010 году написала книгу «Метод встречается с искусством» [Leavy, 2009]. Ее книги — это, по сути, практический путеводитель специального направления Art Based Research (ABR). Основное отличие ABR от экспериментальных социологических форматов, на наш взгляд, состоит в сборе данных — искусство и творчество в этих проектах могут быть уже на самых ранних этапах производства данных, они могут комбинироваться с традиционными методами, но, как правило, в процессе работы могут участвовать представители творческих профессий. То есть изначально сама тема, сфера или исследователи соприкасаются с искусством. В своей книге Патриция Леви описывает сферы исследований. Это могут быть литература и поэзия, музыка и танцы. Все чаще такие проекты делаются для определенных групп, чьи голоса не были представлены ранее. Часто это как раз представители творческих профессий. Привлечение внимания к проблемам этих групп через творчество в дальнейшем может помочь решить их.

Однако мы обращаемся к другой методологии — само исследование базируется на канонах социологической науки. Это значит, что мы начинаем с глубокой работы с понятиями и концепциями, системно подходим к разработке этой проблемы на теоретическом уровне, при анализе определенных теорий и разработке методологического аппарата. То есть до момента создания креативного формата представления результатов исследования проводится достаточно большая аналитическая работа, и впоследствии на основании разработанной теоретико-методологической части и созданного инструментария собирается обширная эмпирическая база по изучаемой проблеме. Изначально в проект не закладываются ни элементы искусства и не привлекаются акторы, связанные с искусством. А далее, на разных

этапах процесса познания явления, в исследование интегрируются экспериментально-художественные методы. В то время как ABR — это направление в социальных науках, связанное с междисциплинарными исследованиями, возникшее в эпоху развития новых технологий. Этот подход отличает и то, что, как правило, в самом исследовании участвуют представители творческих специальностей, они работают в основном в сферах, связанных с искусством. Несомненно, как ABR, так и экспериментально-художественные форматы имеют нечто общее. Однако у них есть и свои внутренние области, которые не пересекаются. Подробнее об истории ABR и современных направлениях написано в «Руководстве по качественным исследованиям» под редакцией Патриции Леви [Leavy, 2014]. А вот объединяют эти форматы нестандартная подача материала и художественное повествование.

Проведение студенческих проектов по социологии с элементами экспериментально-художественных форматов

Когда автор начал интегрировать в свою практику экспериментально-художественные форматы, основной задачей было научить студентов мыслить социологически, показать им возможности этого подхода. В своей социологической практике автор постоянно сталкивался с нестандартными запросами клиентов при проведении исследований для бизнеса. Есть темы, до которых студенты «еще не доросли», другие им неинтересны, а третьи небезопасны. Выход нашлся после нескольких лет наблюдений: уникальные работы рождаются там, где студентам интересно, и нужно выбирать из тех тем, что затрагивают их эмоционально.

Предлагаемая методика распадается на несколько шагов, часть из которых стандартна, другая имеет креативную авторскую составляющую.

Первая часть включает разработку методологической основы качественного исследования, которая более или менее похожа в преподавании социологии в вузах. Ниже перечислены основные этапы и моменты, на которые стоит обратить внимание.

Подготовительный этап: подготовка концептуальной основы исследования. На начальном этапе перед студентами ставится задача выбрать тему. Эта тема должна быть: актуальной, интересной не только студентам, но и широкой аудитории. Студенты в течение одной-двух недель формируют список тем, после чего на семинаре голосуют за лучшую. Поскольку проведение исследований в социологии предполагает умение работать в командах, то принцип един — выбор одной темы и работа с ней. Студенты, несогласные с темой, должны принять позицию большинства. Одно из условий — должно быть проведено не менее 15–16 интервью. Студенты также могут интегрировать в проекты элементы этнографии, включенное наблюдение, фокус-группы и другие качественные методы.

Далее проводится традиционная работа по формулированию исследовательского вопроса, построению гипотез, формированию инструментария.

Второй этап: сбор данных.

Третий этап: создание классического текста отчета.

Предварительно команде объясняют несколько подходов к интерпретации данных, показывают примеры, как это может быть выглядеть. Кроме того, команда знакомится и с классическим подходом к анализу данных (обоснованной теорией Страусса и Глейзера, с различными типами кодирования) [Страусс, 2001].

Четвертый этап: создание экспериментально-художественной формы представления результатов проекта.

После того как сделан классический анализ, студентам дается задание на этих же данных индивидуально построить экспериментально-художественное *творческое представление результатов проекта* в любом креативном жанре. Творческое задание делается по желанию. Отсутствует давление на студентов. Виды творчества не оговариваются. Единственное условие — творческие форматы представления должны базироваться на результатах проведенного исследования.

Ниже представлены некоторые работы студентов, созданные в результате описанного выше подхода и преподавания.

Экспериментально-художественные форматы в презентации студенческих работ

В творческой мастерской автора было несколько исследований, о которых речь пойдет ниже. Однако хочется упомянуть несколько тем, при работе над которыми творческая энергия переполняла студентов. Одно из исследований рассматривало проблему взаимоотношений между мужчинами и женщинами. Тему предложили студенты-социологи. Звучала она так: «Зачем нужен мужчина женщине?». Часть студентов брала интервью у женщин, часть — у мужчин. В итоге было собрано 113 интервью. Полный вариант творческих работ сейчас готовится к изданию с таким же названием: «Зачем мужчина женщине?». В данном тексте мы лишь упомянем, что после сбора материала студенты представили две футуристические поэмы, несколько сказок, несколько стихов, один детектив, одну постмодернистскую поэму в стиле Жюль Делеза [Делез, 1998] (когда есть начало и несколько вариантов развития событий).

Драмы, оды

Следующим этапом развития работы в экспериментальных исследовательских форматах стало преподавание социологии автором студентам технических вузов. В МГТУ им. Н.Э. Баумана на кафедре социологии и культурологии с 2015 года было открыто направление «Социология техники». В русле этого направления студенты совместно с профессорско-преподавательским составом проводили исследования. В 2018 году были реализованы научные проекты

«Россияне в стране технологий» [Семина, 2019] и «Социальные барьеры технологий», которые были направлены на изучение того, какие существуют барьеры у различных поколений к технологиям. Студенты хотели понять, что тревожит разные поколения, когда они соприкасаются с технологиями. Совершенно неожиданно в ходе этого исследования экспериментальные писательские форматы пополнились *драмой* и *одой*. Студентам-инженерам было предложено на выбор сделать финальную работу в классическом стиле (в виде отчета или эссе) и развить тему в любом художественном жанре. Одна из групп представила драму о барьерах и возможностях современных технологий. Далее я привожу примеры творческих студенческих работ, созданных в рамках моих курсов. В целях соблюдения социологической и публикационной этики от студентов были получены письменные согласия на использование фрагментов этих работ в настоящей статье. Некоторые студенты пожелали, чтобы их имена и фамилии были указаны в качестве авторов цитируемых в статье художественных произведений.

Драма

Драма возникла в результате исследования «барьеров к технологиям» у разных поколений и была своего рода инновационным выходом для тех студентов, которые устали от традиционных заданий в ходе обучения инженерным специальностям. Идея, что есть возможность уйти от рутинных заданий и представить результаты исследования в инновационной форме, была воспринята позитивно. Студенты стали искать новые формы описания данных и вышли на драму. Задание с представлением исследования в творческой манере с самого начала студентов удивило, но впоследствии, наоборот, вдохновило. Ниже представлено описание спектакля.

1 Акт

Спектакль играли двое студентов. Начало спектакля — монолог от лица 12-летнего молодого человека, который, с одной стороны, рад, что у него есть современные технологии: и умные часы, и планшет, и игровая приставка. Но плюсы порой оборачиваются минусами, поскольку старший брат и родители следят за его действиями, причем как в школе, так и вне ее. И это его огорчает — нет свободы передвижения, нет возможности купить в школе то, что ты хочешь. Тотальный контроль: следят родители, брат, в общем, минусов больше, чем плюсов. Преимущества использования технологий омрачаются тотальным контролем. Драматургия состояла в том, что технологии одновременно являются и благом, и злом.

2 Акт

Второй участник произносит речь от лица старшего брата, озвучивая плюсы современных технологий, которые помогают ему воспитывать младшего брата, — они облегчают ему контроль. И тут же происходит превращение брата

в отца, который сетует, что современные технологии обходятся недешево и что ему за это все приходится платить, но результат превосходит ожидания, поскольку это дает возможность повысить безопасность детей.

3 Акт

Один из участников спектакля на глазах зрителей превращается в бабушку, и от ее лица представляет рассказ о том, что же ей дают технологии. Как оказалось, технологии привнесли в ее жизнь радость: если ранее она могла видеть своих внучков один раз в полгода, а то еще реже, сегодня внуки украсили ее жизнь минутами общения с собой. Они принесли ей удобный планшет, настроили его, и она практически каждый выходной теперь общается с внуками через WhatsApp и Skype. Более того, они ей подарили хлебопечку, но она боится ею пользоваться, и поэтому поставила ее подальше на шкаф, в надежде, что когда внуки, наконец, приедут, они ей объяснят, как печь хлеб...

На одних и тех же данных часть студентов представила спектакль, а один из студентов написал *Оду Технологиям*:

«Ода Технологиям»¹

*В эпоху технологий, в этот век
Остался нерешенным вот вопрос,
Что будоражит нам умы... и человек
Сует в него свой любопытный нос.
Отделит шелуху от плевел смело
И в руки взяв перо, опишет в раз,
Что черно вокруг него, что бело,
И где глаза блестят поярче страз.
А где темнее ночи чьи-то мысли, ...
Где технологии несут черный доход!
Руки над "клавой" лишь на миг зависли
И враз ваять вирусноносный код.
А вот машинный разум: чьи-то жизни
Спасает, напрягая ЦПУ,
Для нас все алгоритмы закулисны,
И пациент их все "видал в гробу".
Его заботит лишь СВОЕ ЗДОРОВЬЕ
И если этот КОД его СПАСЕТ,
В тот час забудет он средневековье,
И Гиппократ туда же отойдет.
А вот бабуля, полусонно сидя
Туда-сюда гоняет шарики "Три-в-ряд",
И рядом с ней подросток в модном виде
Включает на Ютубе все подряд
Через один беспроводной наушник...*

¹ Стиль и пунктуация автора оды сохранены.

*Он слышит блогера веселый монолог
К его судьбе он далеко равнодушен,
Давно подписан на его душевный Блог.
Но позовет их потчевать маман,
На кухне прозвенела мультиварка,
Пока та мамочка на смарт-ТВ экран
Выводит дочке фильм о зоопарке.
Все счастливы и новшеств всех не счесть,
Что нашу жизнь бесповоротно упростили.
Что позволяют на диване сесть
И насладиться тем, что сотворили
Великие умы... А человек
Отложит свой предмет письма убогий
И на айпаде в стиле "топ хай-тэк"
Натапает вам Оду Технологий»¹.*

Студенческий перформанс. Описание

Продолжая рассказ о художественных форматах представления данных, приведем пример студенческого перформанса. В 2020 году в НИУ ВШЭ на факультете менеджмента был проведен исследовательский семинар по качественным методам. Ко второму курсу студенты уже успели устать от заданий, связанных с организациями, предприятиями и управлением, и проведение любого исследования в этом поле вызывало стойкое отторжение. Поскольку наша позиция состоит в том, что мы можем научить профессиональным компетенциям на любой теме или при изучении любого явления, студентам была дана свобода выбора темы. Такой подход был достаточно плодотворен, поскольку студенты сами предлагали интересные для них темы и готовы были в них проявляться творчески. Так возникли темы, которые волновали учащихся, но которые были или вовсе не покрыты социологическими исследованиями, или неглубоко. Перечислю некоторые из тех, что были взяты в работу:

- 1) секс без обязательств;
- 2) счастье и деньги в восприятии современной молодежи;
- 3) Москва не Россия;
- 4) город будущего;
- 5) ментальная и физическая измена.

Технология проведения исследования была выбрана по схеме, описанной выше: глубинное интервью и/или наблюдение и отчет в виде творческой работы. Жанр выбирался студентами и не было никаких шаблонов или требований к представлению данных. Задача состояла в том, чтобы на одних и тех же данных показать разнообразие возможных представлений и описаний.

---

¹ Малищук Тарас. Ода технологий. Студенческий исследовательский проект "Барьеры в использовании технологий". МГТУ им. Н.Э. Баумана. Курс по социологии, 2019 г., курс вела преподаватель кафедры социологии и культурологии М.В. Сёмина.

После трех месяцев работы студенты представили достаточно много творческих работ, среди которых, например, перформанс на тему: «Секс без обязательств»¹.

Была проведена серия интервью с молодыми людьми, которые были определенным образом вовлечены в тему исследования. Сами студенты относились к этому явлению по-разному. Кто-то полностью отрицал его, кто-то высказывал терпимое отношение. Были и такие, кто не видел в нем ничего плохого. Девушка, которая провела интервью и подготовила инсталляцию (рис. 1) и перформанс (рис. 2), высказывалась негативно об этом явлении. Тем не менее она постаралась подойти к анализу объективно. И в результате принесла на заключительное занятие специально выкрашенную в красный цвет коробку, в которой метафорично были собраны предметы, олицетворяющие «секс без обязательств». В коробке находились: флаеры из ночных клубов, подвешенная губная помада, женские трусы, банка пива и презерватив.

Рисунок 1. Инсталляция.

Источник: архив автора, студенческий исследовательский проект «Секс без обязательств», 2019 г.

Перед началом представления ведущая разделила два понятия: инсталляция и перформанс. Затем дала определение и тому и другому термину.

Объясняя свое понимание перформанса, она подчеркнула важность концептуального оформления всего действия, отметив, что у него должен быть ясный замысел, который прослеживается на протяжении всего процесса. Автор

¹ Митюшина И. Перформанс. Студенческий исследовательский проект «Секс без обязательств». НИУ ВШЭ, научно-исследовательский семинар, факультет менеджмента, 2019 г. Преподаватель — М. В. Сёмина.

должен рассказать, какую идею он хочет донести до зрителя, и затем посредством метафорических приемов произвести некое действие. Впоследствии студентка сказала, что внимательно изучила интервью и хочет продемонстрировать, как одна часть опрошенных относится к самому явлению секса без каких-либо обязательств. Тут же она озвучила и свое субъективное мнение, что сама она негативно относится к сексу без обязательств, однако понимает, что есть люди, которые вполне нейтрально относятся к этому явлению, и она их не осуждает. Затем она произнесла: *«Итак, вы видели вначале мою инсталляцию, которая олицетворяет это явление. А сейчас я вам покажу перформанс»*. После этого она достала большой мусорный мешок, и все то, что было красочно оформлено, демонстративно и эффектно отправила в корзину для мусора. Надо сказать, что студенты оценили такой концептуальный, нестандартный подход достаточно высоко.

Рисунок 2. Перформанс. Секс без обязательств.
 Источник: архив автора, студенческий исследовательский проект
 «Секс без обязательств», 2019 г.

Песни

В русле научно-исследовательского семинара для менеджеров в НИУ ВШЭ в 2018 году одна из групп выбрала тему для исследования «Ментальная и физическая измена». При представлении данных один из студентов написал песню, базирующуюся на типологии респондентов по отношению к теме исследования. Черета образов показывала и раскрепощенного ловеласа, и человека, боящегося даже рассуждать об этом явлении. Образы были созданы колоритно (см. рис. 3), а текст представлял собой квинтэссенцию исследования, где в стихотворной форме воспроизводились стереотипы, озвученные респондентами. Помимо стереотипов в песню были встроены

цитаты из интервью информантов, например, несколько интерпретаций того, что такое ментальная измена. Часть респондентов ответила, что даже просмотр откровенных фото актеров и актрис в интернете в тот момент, когда смотрящий находится в романтических отношениях с кем-либо, — ментальная измена, и такое недопустимо. Песня демонстрировала разные подходы и взгляды на этот феномен с помощью креативной подачи. Выступление произвело фурор.

Рисунок 3. Фото исполнителя песни.

Источник: архив автора, проект «Ментальная и физическая измена», 2018 г.

«Песня об изменах»

Меня зовут Слава Степанов
Я не изменяю жене...
И только лишь девушек разных
Порой представляю в душе.
"Налево ходить — это плохо...
Но я не считаю грехом
Красивую киноактрису
Представить в уме голышом".
А я Константин Перепелкин
И Слава, на мой взгляд, не прав
Ведь мысли о киноактрисах
Та же измена. Но только — в мозгах.
Такая неверность — похлеще
Чем близость с какой-то мадам
Ведь здесь тебе нужно лишь тело
А в мыслях — ты сердце продал...

*А я Вороновский Кирюха...
И все, что сказали — фигня.
Я просто люблю очень женщин,
Они возбуждают меня
И если я с кем-то встречаюсь,
То это не значит, что я
Любить не могу других женщин
И спать с ними, как и всегда*

*Мораль этой песни такая:
Не надо родным изменять!
А что же такое измена,
Для себя должен каждый понять!»¹*

Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что экспериментально-художественные форматы (игры, социодрамы и т. п.) постепенно развиваются в России, но все еще воспринимаются как не совсем научные жанры. Сегодня происходит диверсификация форматов как проведения исследований, так и представления данных. На наш взгляд, от присутствия креативных форматов познание этого мира будет только более глубоким, а явления — представлять во всей своей многогранности, что повысит уровень качественных исследований. Мы видим движение в этом направлении. Возникают разные форматы работы с данными, происходит сдвиг в сторону соединения искусства и социологии. И здесь в первую очередь хотелось бы отметить появление новых социологических жанров. В частности, недавно вышли в свет социологические новеллы С. Барсуковой [Барсукова, 2019–2022], которые в художественной манере описывают через призму опыта социолога отдельные жизненные ситуации. Они базируются не на одном исследовании, а на нескольких, и на их основе автор рассказывает о различных ситуациях и типажах. Примечательно, что для социологов такой формат — кладезь информации, в котором в концентрированном виде анализируется современная жизнь и выявляются закономерности, но в художественном стиле. Однако у избалованного читателя такой симбиоз, соединение социологического и литературного, порой не находит отклика, поскольку это уже не социологический отчет, но еще и не та литература, которую хочет потреблять современный читатель. Поэтому сложности данного жанра состоят в том, что в большинстве случаев он интересен скорее ученым, социологам и тем, кто погружен в социальную тематику, то есть узкому кругу, тем, кто умеет замечать в повседневной жизни маркеры эпохи. И для них такие художественные зарисовки являются «пищей для ума» и своеобразным стимулом для более глубоких интерпретаций действительности.

¹ Радченко С. Песня про измены. Студенческий исследовательский проект. НИУ ВШЭ, научно-исследовательский семинар, 2018 г. Преподаватель — М. В. Сёмина.

Какими еще преимуществами обладают экспериментально-художественные форматы? Конечно, вовлеченность участников, желание попробовать и показать свои творческие силы. Для некоторых, особенно для тех, кто обучается техническим специальностям и впервые знакомится с социологией, представление данных в творческой манере является вызовом, но, с другой стороны, пробуждает творческую составляющую. Привнесение элементов искусства в повседневную студенческую рутину в технических вузах дает возможность попробовать себя в творчестве и в дальнейшем может влиять на карьерную составляющую. Некоторые участники семинаров по социологии после проведения исследований и представления творческой части пересматривали свои стратегии построения карьеры, часть из них выбирали креативную сферу как основную сферу своей деятельности.

Было бы неправильно думать, что эти форматы остаются в пределах исследования или для исследования. Они развивают воображение участников, заставляют их мыслить нестандартно. Но это же обстоятельство становится решающим при работе на рынке, так как *нестандартные* подходы в проведении исследований порой привлекают больше клиентов, которые нуждаются в глубокой диагностике и нестандартных подходах. Некоторые клиенты выбирают именно таких креативных людей для последующей работы с ними.

Несмотря на достоинства креативных и художественных исследовательских практик, люди, имеющие структурированный ум, четкие и ясные каноны и приверженные классическому подходу в анализе и представлении данных, не готовы отойти от устоявшихся канонов, — для них работа в таком формате будет сложной. Также хотелось бы предупредить преподавателей, которые будут работать со студентами и развивать студенческую экспрессивность. В силу того, что студенты еще не все знают и умеют, нужно начинать с интересных, но несложных тем. Не давить на них. Не все готовы к такому творчеству. Они должны быть открыты к выбору нестандартных тем, оценивать, насколько тематика актуальна, интересна и востребована обществом. Необходимо предлагать студентам участвовать в творческих форматах только по желанию.

Ограничивает креативные и творческие подходы к исследованию и то, что в бизнесе данный формат востребован в основном среди бизнесменов-экспериментаторов, новаторов. Выявить таких людей достаточно сложно. Соответственно, предложение творческих форматов представителям не тех целевых аудиторий чревато тем, что творческая составляющая не будет оценена должным образом. Однако среди заказчиков есть прогрессивные люди, которые понимают, что бывают разные сегменты потребителей, они используют разные типы подачи информации.

Еще одна сложность состоит в том, что такие *экспериментально-художественные форматы* в основном любят молодежь, и поэтому они могут быть написаны разным языком. В том числе некоторые молодые люди иногда используют нецензурную лексику. А для многих читателей это табу, они не воспринимают такой формат. Сегодня возникает множество креативных жанров в социальных сетях и блогах, где соединяется нормативная и ненормативная лексика. И такой подход находит своих читателей и слушателей. Так что остается только пожелать авторам использовать разные форматы и творить!

Литература

Барсукова Л. Серия книг «Простая непростая жизнь. Проза Ланы Барсуковой». М.: Эксмо, 2019–2022.

Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998.

Дудченко В. С. Программа инновационной игры. Я.: Би., 1987.

Семина М. В. Россияне в стране технологий // Вопросы культурологии. 2019. № 4. С. 8–20. EDN: [YZVNBJ](#)

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория. Процедуры и техники / Пер. с англ. Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Праксис.

Leavy P. Method Meets Art: Arts-based Research Practice. NY.: Guilford Publications, 2009.

Leavy P. The Oxford Handbook of Qualitative Research. O.: Oxford University Press, 2014. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199811755.001.0001>

Lewin K. Frontiers in Group Dynamics: Concept, Method, and Reality in Social Science; Social Equilibria and Social Change // Human Relations. 1947. Vol. 1. № 1. P. 5–41. DOI: <https://doi.org/10.1177/001872674700100103>

Сведения об авторе:

Семина Марина Вячеславовна — доктор социологических наук, Уорикский университет, Ковентри, Великобритания; доцент кафедры социологии и культурологии, Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Москва, Россия. **Email:** modernsociology@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** [498744](#); **ORCID ID:** [0000-0002-4295-3569](#); **ResearcherID:** [P-4622-2015](#).

Статья поступила в редакцию: 03.04.2023

Принята к публикации: 15.06.2023

BAK: 5.4.1, 5.4.6

.....

Experimental Art-Based Formats as the Creative Practices of Teaching Sociology

DOI: [10.19181/inter.2023.15.2.5](https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.5)

Marina V. Semina

Warwick University, Coventry, Great Britain; Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia
E-mail: modernsociology@gmail.com

The article is devoted to the issues of experimental art formats which are considered by the author as an alternative way of understanding reality and conducting qualitative research. This approach is based on the author's experience in doing qualitative research in different spheres, as well as teaching qualitative sociology at several universities. The contemporary world is always changing and makes many challenges, including big challenges in the field

of sociology: it requires changing the ways of teaching sociology, doing research, and presenting data. On the one hand, we can observe the increasing demand for diversification of the methods of data presentation, because the different target audiences need diverted formats of data. On the other hand, through the creative presentation of research data, it is possible to quicker and more accessibly disseminate information about deprived groups of people that are now invisible and whose voices are not heard. Experimental art forms generate the possibilities for hearing their voices. The first part of the article provides a short description of the foundations of the approach. It explains the peculiar features of teaching experimental art format within the courses on qualitative sociology. The second part provides the examples of the experimental student's projects which findings are presented in a creative manner.

The essay may be of interest to teachers delivering courses on qualitative sociology, social psychology, creative writing, as well as to those who are looking for the non-standard research approaches and innovative thinking.

Keywords: qualitative methods; sociological writing; creative writing; experimental art formats; action research; doing sociology; innovative sociology; art-based research

References

- Barsukova L. (2019–2022) *Seriya knig "Prostaya neprostaya zhizn. Proza Lany Barsukovoi"* [Series "Simple Uneasy Life. Prose by Lana Barsukova"]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Deleuze G. (1998) *Razlichie i povtorenie* [Difference and Repetition]. St. Petersburg: Petropolis. (In Russ.)
- Dudchenko V.S. (1987) *Programma innovatsionnoi igry*. [Program of an Innovative Game]. Yaroslavl: B.i. (In Russ.)
- Leavy P. (2014) *The Oxford Handbook of Qualitative Research*. Oxford: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199811755.001.0001>
- Leavy P. (2009) *Method Meets Art: Arts-based Research Practice*. New York: Guilford Publications.
- Lewin K. (1947) Frontiers in Group Dynamics: Concept, Method, and Reality in Social Science; Social Equilibria and Social Change. *Human Relations*. 1947. Vol. 1. No. 1. P. 5–41. DOI: <https://doi.org/10.1177/001872674700100103>
- Semina M.V. (2019) Rossiiane v strane tekhnologii [Russians in the Technology Land]. *Voprosy kulturologii* [Issues of Cultural Studies]. No. 4. P. 8–20. (In Russ.)
- Strauss A. Korbin Dzh. (2001). *Osnovy kachestvennogo issledovaniia obosnovannaia teoriia. Protsedury i Tekhniki* [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory. Procedures and Techniques]. Transl. from Eng. by T.S. Vasileva. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Urry J. (2012) *Mobilnosti* [Mobilities]. Transl. from Eng. by A.V. Lazarev. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Author bio:

Marina V. Semina — Doctor of Sociology, Warwick University, Coventry, Great Britain; Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia. **Email:** modernsociology@gmail.com. **RSCI Author ID:** [498744](#); **ORCID ID:** [0000-0002-4295-3569](#); **ResearcherID:** [P-4622-2015](#).

Received: 03.04.2023

Accepted: 15.06.2023

Рецензии и обзоры

DOI: 10.19181/inter.2023.15.2.6

EDN: VALKQR

Качественные учебники — для качественных исследований

Ссылка для цитирования:

Петрова Л. Е. Качественные учебники — для качественных исследований // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 2. С. 116–124. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.6>
EDN: VALKQR

For citation:

Petrova L. E. Quality Textbooks for Quality Research. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 2. P. 116–124. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.6>

Петрова Лариса Евгеньевна

Екатеринбургская академия
современного искусства (институт),
Екатеринбург, Россия

E-mail: petrova@eaca.ru

Рецензия на учебные пособия:
Ваньке А. В., Полухина Е. В.,
Стрельникова А. В. Как собрать
данные в полевом качественном
исследовании. М.: Изд. дом Высшей
школы экономики, 2020. 256 с.
Практики анализа качественных
данных в социальных науках: учебное
пособие / отв. ред. Полухина Е. В. М.:
Изд. дом Высшей школы экономики,
2023. 383 с.

В рецензии рассматриваются два учебных пособия — «Как собрать данные в полевом качественном исследовании» и «Практики анализа качественных данных в социальных науках», вышедшие в Издательском доме НИУ ВШЭ в 2020 году и 2023 году соответственно. Пособия компенсируют острый дефицит русскоязычных учебных текстов по сбору и анализу качественных данных в социологии, могут эффективно использоваться как в преподавании

социальных дисциплин, так и в исследовательской практике. Учебные пособия обладают всеми характеристиками современного текста для образования. Их авторы имеют актуальный практический опыт в обсуждаемых вопросах, приводят конкретные примеры и дают практические рекомендации. Оба пособия хорошо структурированы и включают множество учебно-методических элементов (не только литературу и контрольные вопросы, но и резюме, ключевые слова, практические задания, ссылки на обширные онлайн-ресурсы). Обсуждаемые вопросы излагаются на уровне современных подходов, принятых как в отечественной, так и в зарубежной теории и практике, что отражено в цитировании, ссылках на источники и рассматриваемых кейсах.

Ключевые слова: качественные методы; сбор полевых данных; анализ качественных данных; презентация результатов исследования

Проблемой современного вузовского образования является не количество учебных текстов по преподаваемым дисциплинам, а их качество, которое соответствует формальным правилам, но не отвечает целям обучения студентов. Обеспеченность литературой — важное требование к методическому арсеналу любой дисциплины, условие легитимности вуза (аккредитация и как следствие — возможность не только учить, но и выдать государственный диплом об окончании). Открыв любую рабочую программу дисциплины, мы обнаружим целый корпус учебников и учебных пособий, причем последних лет издания. Читают ли их студенты? И если нет, то почему? Используются ли эти тексты в обучении? А если нет (они лишь остаются в списке литературы), то почему? Эти и другие вопросы хочется прокомментировать на конкретном кейсе — двух учебных пособий, предназначенных для обучения социальных исследователей. Мы позволим себе краткое изложение проблем современных русскоязычных учебных текстов по социологическим исследованиям, а также укажем на безусловно позитивный факт выхода прорывных методических текстов.

После Ядова

Первое издание учебника В. А. Ядова по методологии социологического исследования вышло более пятидесяти лет назад [Ядов, 1972]. Многократные переиздания, актуальность контента на тот момент, отсутствие альтернативных текстов сделали ядовскую книгу бестселлером. В 2000 году в классический текст был добавлен фрагмент о качественных методах, но сделано это было скорее вынужденно [Ядов, 2000]. Раздел В. В. Семеновой добавлен механически, он помещен в конце и как бы не является частью повествования. В. В. Семенова еще в 1998 году опубликовала первое в отечественной практике учебное пособие по качественной методологии, в котором были сформулированы постулаты «понимающей» социологии, ее концепции и модели мира

[Семенова, 1998]. Автор продемонстрировала возможные стратегии эмпирического исследования, логику и порядок исследовательских операций при работе с качественными данными, а также методики их анализа. Пионерский учебный текст был открытием для российской социологии того времени, но за двадцать лет в исследовательском арсенале появилось много нового, поменялась даже терминология.

Основное содержание учебника В. А. Ядова было прочно усвоено социологами. До сих пор его ключевые термины, логика и классификация методов перетекают из одного учебного текста в другой. И очень часто неизбежный разговор о новациях (цифровизация, дисплей методик и техник сбора и анализа данных, этика в исследовании) по-прежнему остается «бантиком» на классическом каркасе разговора о программе исследования и методах сбора социологических данных. Меньше всего внимания Ядов уделяет обработке и анализу данных. Эта традиция сохраняется и в современных учебных текстах — превалирует энтузиазм планирования и сбора информации. Анализ и интерпретация, а также представление результатов редко рассматриваются глубоко и подробно. С качественными данными мы обнаруживаем не только редкие примеры описания дизайна таких исследований, классификации подходов к сбору информации, но и полное отсутствие систематического обучения анализу собранных данных. Неудивительно, что множество публикуемых в научной периодике статей по социологии, содержащих результаты эмпирических исследований, не дают оснований судить о том, как были собраны и проанализированы данные. Авторы нередко ограничиваются актуальностью исследования, кратко описывают метод и объем выборки, но не приводят полевых деталей сбора информации, не указывают метод обработки и анализа полученных данных. Возможно, объяснение этого феномена — в дефиците учебного методического материала на русском языке, который показывал бы, как это делается?

Как провести сбор качественных данных в полевом исследовании

В 2020 году вышло учебное пособие «Как собрать данные в полевом качественном исследовании» А. В. Ваньке, Е. В. Полухиной и А. В. Стрельниковой [Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020]. Данное учебное пособие представляет собой результат осмысления обширного полевого опыта, помноженного на глубокое знание зарубежных источников, а также включает репрезентацию актуального образовательного подхода к описанию качественных методов.

Одно из достоинств пособия — пошаговое и понятное изложение процедур сбора полевых данных: от проектирования исследования и подготовки рабочих документов до первичного структурирования и обработки данных, а также их первичной презентации публике в виде исследовательской выставки. Учебное пособие состоит из трех разделов и девяти глав. Раздел 1 «Подготовка к полю» описывает проектирование полевого качественного исследования,

подготовку исследовательского инструментария и тактики доступа в поле. Следуя рекомендациям авторов, читатели смогут самостоятельно составить дизайн своего проекта. Однако при описании исследовательских дизайнов авторы в основном рассматривают те методические подходы, которые они используют в своей практике, хотя арсенал методов качественного исследования все же более разнообразен. Учебное пособие посвящено полевой работе, ориентировано на студентов, поэтому, на наш взгляд, пример с созданием исследовательского дизайна в диссертациях по антропологии (С. 23–26) выглядит не вполне уместно. Представляется, что лучше смотрелся бы пример конструирования дизайна в ситуации не индивидуального (как в диссертации), а группового исследовательского проекта. Вместе с тем в разделе подробно описывается, как подготовить такие исследовательские документы, как гайд интервью и руководство для наблюдения, информированное согласие и др. Главы Раздела 2 «Сбор полевых данных» объясняют, как на практике проводить полевое наблюдение и этнографическое интервью. Интересной и весьма современной представляется глава 6. В ней описывается применение биографической прогулки и мобильных методов, а также использование социальных сетей, цифровых данных и мобильных приложений в полевом исследовании. Подобные мобильные методы и технологии все больше используются исследователями в контексте глобализации и цифровизации обществ. Не меньший методический интерес (кажется, впервые вводимый в оборот в учебной литературе) представляет и глава 7 «Визуальные и проективные данные». В ней объясняется, как использовать проективные методики, например круги общения, ментальные и многомерные карты. Рассматривая подробно техники сбора и анализа проективных и визуальных данных, учебное пособие Ваньке, Полухиной и Стрельниковой выделяется среди других своей инновативностью и креативностью. Крайне востребованный не только для студентов, но и для опытных исследователей материал содержит глава 8 «Архивация полевых данных», описывающая исследовательские архивы во всем их разнообразии. Авторы делятся практическим опытом создания локального исследовательского архива в электронном облаке. Однако здесь следует задаться критическим вопросом, насколько хранение исследовательских данных на электронных платформах отвечает требованиям сохранения конфиденциальности и анонимности участников исследования. Ведь нередки случаи, когда хранилища на платформах Google и Yandex подвергаются взломам. В этом контексте возникает проблема (не-)надежности архивов данных в электронных облаках. Глава 9 посвящена выходу из поля и сохранению связей с ним и содержит описание опыта презентации результатов проекта в форме исследовательской выставки.

Достоинством учебного пособия является сочетание опоры на солидную методологию с практическими рекомендациями, основанными на исследовательском опыте авторов. Авторы не только щедро делятся знаниями и навыками, но и приводят примеры форм исследовательских документов — в приложении на тридцати страницах читатель обнаружит бланки информационных писем, информированных согласий, гайдов интервью,

руководств для наблюдений, схемы экспедиции, наконец — пример памятки транскрибера, включая этическое соглашение с ним. Все это свидетельствует о рациональном и ответственном подходе к сбору данных в полевом качественном исследовании.

Ключевые особенности учебного пособия — ориентация на реальные исследовательские примеры, высокая степень структурированности материала, дружественный стиль, ориентирующий читателя на то, что «все получится!». Этому способствуют в том числе иллюстрации Алексея Бровенко. Безусловная удача — рассмотрение в тексте исключительно современных исследовательских текстов и ресурсов, без которых не обойтись, но которые пока не включены в учебные пособия по полевым исследованиям. Издание богато методическими материалами — каждая глава сопровождается ключевыми понятиями, вопросами для самопроверки, практическими заданиями и, конечно, списком литературы. Это важно, потому что заинтересованному преподавателю будет легко встроить такой материал в учебную дисциплину.

На учебное пособие уже есть рецензия [Штейнберг, 2020], оно активно цитируется в научной литературе, поэтому воздержимся от обширной критики. Укажем лишь на то, что, несмотря на безусловные достоинства учебного пособия Ваньке, Полухиной и Стрельниковой, тем не менее ему все же не хватает заключительной части, которая содержала бы рефлексию о переходе от этапа проведения полевого исследования к анализу качественных данных.

Какие существуют практики анализа качественных данных

В 2023 году Издательский дом Высшей школы экономики выпустил еще одно учебное пособие, компенсирующее острый дефицит образовательных текстов по применению методов анализа, — «Практики анализа качественных данных в социальных науках» [Практики анализа..., 2023]. Солидный объем — почти четыреста страниц, большая группа авторов — пятнадцать человек, три авторитетных рецензента (А. С. Готлиб, О. Н. Запорожец, О. А. Оберемко) и ответственный редактор Е. В. Полухина — уже это впечатляет и радует. Но главное — этот текст по замыслу является продолжением предыдущей книги, он наследует стилю и формату, принятым в учебном пособии 2020 года. Авторы «Практик анализа» имеют обширный исследовательский опыт, полученный ими в различных институциях и проектах, в том числе зарубежных. Материал пособия хорошо структурирован и содержит множество иллюстративных примеров из «свежих» проектов. В нем подробно описывается современное программное обеспечение для работы с качественными данными. В тексте есть все атрибуты хорошего учебника: резюме каждого раздела, перечисление ключевых понятий, вопросы для самопроверки, практические задания, список рекомендованной литературы и источников. Наличие этих метаданных обеспечивает несколько групп потенциальных читателей — это и преподаватели вузов, которые ведут курсы по методам анализа в социально-гуманитарных науках (шире социологии), и обучающиеся (бакалавры, магистранты, аспиранты

и пр.), реализующие исследовательские проекты в качественной традиции. Наконец, учебное пособие пригодится тем, кто проводит исследование сам (в режиме DIY). А сегодня практика самостоятельных внутрифирменных исследований распространена в сфере культуры и НКО. Лучше прочитать и сделать правильно, даже если проект локальный. В аннотации авторы указывают, что «издание адресовано широкому кругу читателей — студентам, исследователям, преподавателям, реализующим проекты и преподающим дисциплины по методологии методам социального исследования». Думается, что благодарными читателями могут быть и гуманитарные исследователи, активно анализирующие тексты (например, социолингвисты).

Ключевая особенность учебного пособия 2023 года состоит в том, что в нем представлено множество подходов к анализу разнообразных данных, полученных в ходе качественных исследований. Раздел 1 в пяти главах раскрывает дилеммы аналитика в поисках баланса между интуицией и формализацией, описывает нарративный анализ социологии, отвечая на вечный вопрос — это метод, метафора или подход? Дискурс-анализ как метод работы с текстом продемонстрирован на кейсе конфликта в индустрии моды. На примере проекта изучения идентичности индустриального рабочего описано применение тематического анализа. В пособии представлен и качественный контент-анализ, причем в сравнении с его количественной версией. Раздел 2 посвящен практикам кодирования и обработки качественных данных и содержит шесть глав о кодировании на бумаге, обработке транскриптов интервью в NVivo, больших текстовых массивов — в ATLAS.ti. Также читатель узнает, как онлайн-инструменты могут облегчить коллективный анализ глубинных интервью, каковы возможности и ограничения текст-майнинга. Наконец, одна из глав посвящена аналитическому пути от 100 часов интервью к диссертационной главе. Любопытен и нов Раздел 3, где анализируются практики сбора и презентации фотографии в исследованиях, а также рассматриваются публичные выступления как жанр презентации результатов. Последний вопрос занимает и нас [Петрова, 2022], такие проблемы, несмотря на длительную историю публичной социологии, стали интересны профессиональному сообществу относительно недавно, тем важнее обмен опытом.

Итак, учебное пособие полезно тем, кто хочет разобраться в специфике качественного анализа данных и сориентироваться в сложившемся методическом ландшафте, узнать современные особенности кодирования и обработки данных, в том числе с использованием программного обеспечения, а также иметь представление о форматах презентации результатов исследования, выполненного качественными методами.

Заключение

Традиционная рецензия на учебное пособие предполагает, что следует указать на соответствие требованиям учебного процесса и содержанию программы курса. Рассматриваемые два учебных пособия в полной мере отвечают

этим требованиям, но не формально, а фактически, фронтально — это примеры современных учебных текстов. В пособиях полно и профессионально использована имеющаяся методическая и исследовательская литература по широкому спектру рассматриваемых тем. Они проработаны с методической точки зрения и отвечают актуальным требованиям преподавания и (что особо важно) пригодны для самостоятельной работы. Оба учебных пособия дополняют друг друга, компенсируя острый дефицит учебных текстов по сбору и анализу качественных данных. Они могут быть эффективно использованы как в преподавании социальных дисциплин, так и при проведении качественных исследований, повысив уровень последних.

В заключение укажем на востребованные характеристики учебного текста для современного высшего образования, коими в полной мере обладают рецензируемые пособия. Во-первых, авторы имеют актуальный практический опыт в обсуждаемых вопросах, активно приводят примеры и дают конкретные рекомендации. Во-вторых, тексты пособий в высокой степени структурированы и содержат множество учебно-методических элементов (не только литературу и контрольные вопросы, но и резюме, ключевые слова, практические задания, ссылки на обширные онлайн-ресурсы и бланки исследовательских документов). В-третьих, обсуждаемые вопросы излагаются на уровне современных подходов, принятых как в отечественной, так и в зарубежной методической литературе и исследовательской практике, что отражено в цитировании, ссылках на источники и рассматриваемых кейсах. Наконец, учебные пособия по своему стилю изложения доступны и понятны для целевых групп.

Однако с последним пунктом могут возникнуть проблемы. На сайте Издательского дома НИУ ВШЭ даны ознакомительные фрагменты пособий с указанием ключевых каналов покупки. Пособия можно приобрести в издательском магазине в Москве. Возможна онлайн-покупка с доставкой. А также учебные пособия представлены в ЛитРес. Станут ли эти предложения интересными в силу их стоимости для широкого круга читателей: не только для студентов и преподавателей Вышки, не только для москвичей? Пока не ясно. При этом, на наш взгляд, учебные пособия «Как собрать данные в полевом качественном исследовании» и «Практики анализа качественных данных в социальных науках» и подобные им необходимо широко распространять, рекомендовать преподавателям вузов, имеющим студентов-исследователей, и включать в программы образовательных курсов. Остается надеяться, что такие грамотно подготовленные и современные учебные пособия для социальных исследователей найдут свою широкую аудиторию.

Литература

- Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1972.
- Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2000.
- Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Добросвет, 1998. EDN: [VGVMOF](#)

Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. EDN: DBPLCG DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8>

Штейнберг И. Е. «Лайфхаки», «how to» и «напутствия» в учебном пособии по сбору данных в качественных исследованиях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 3. С. 106–121. EDN: GOKRTC DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.6>

Практики анализа качественных данных в социальных науках: учебное пособие / Отв. ред. Е. В. Полухина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. EDN: MGGNHP DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2542-5>

Петрова Л. Е., Бурлуцкая М. Г., Ахъямова И. А., Марков И. Н. Бриф, техзадание, дизайн проекта и презентация результатов прикладного исследования «ДШИ как фактор конкурентоспособности города» // Управление культурой. 2022. № 3. С. 15–22. EDN: JVLTLF

Сведения об авторе:

Петрова Лариса Евгеньевна — кандидат социологических наук, профессор, Екатеринбургская академия современного искусства (институт), Екатеринбург, Россия. **Email:** petrova@eaca.ru. **РИНЦ Author ID:** [109732](https://elibrary.ru/author?id=109732); **ORCID ID:** [0000-0003-2981-916X](https://orcid.org/0000-0003-2981-916X).

Статья поступила в редакцию: 28.03.2023

Принята к публикации: 15.06.2023

БАК: 5.4.1, 5.4.6

Quality Textbooks for Quality Research

DOI: [10.19181/inter.2023.15.2.6](https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.6)

Textbook Reviews:

Vanke A. V., Polukhina Ye.V., Strelnikova A. V. (2020) How to Collect Data in Qualitative Field Research. Moscow: HSE Publishing House, 256 p.

Polukhina Ye.V. (ed.) (2023) The Practices of Qualitative Data Analysis in Social Sciences: the Textbook. Moscow: HSE Publishing House, 383 p.

Larisa E. Petrova

Ekaterinburg Academy of Contemporary Art, Ekaterinburg, Russia.

Email: petrova@eaca.ru

The book review considers two handbooks “How to collect data in qualitative field research” and “Practices of qualitative data analysis in social sciences” published by the National Research University Higher School of Economics in 2020 and 2023, respectively. The handbooks compensate for the acute shortage of Russian educational texts on qualitative data collection and analysis in sociology. They can be effectively used in teaching research disciplines and in research practice. Both handbooks have all the characteristics of a contemporary educational texts. Their authors

have relevant practical experience in the issues under discussion and provide particular examples and practical recommendations. Both texts are well structured. Both include many educational and methodological elements (not only literature and test questions, but summaries, keywords, practical tasks, links to extensive online resources). The discussed issues are presented at the level of contemporary approaches adopted both in domestic and foreign theory and practice; and this is reflected in citations, references and the considered cases.

Keywords: qualitative methods; collection of field data; analysis of qualitative data; presentation of research results

References

Petrova L. Ye., Burlutskaya M. G., Akhyamova I. A., Markov I. N. (2022) Brif, tekhnadaniye, dizayn proyekta i prezentatsiya rezul'tatov prikladnogo issledovaniya "DSHI kak faktor konkurentosposobnosti goroda" [Brief, Terms of Reference for Research, Project Design and Presentation of Results of the Applied Research "Children's School of Art as a Factor in the City's Competitiveness"]. *Upravleniye kulturoy* [Managing Culture]. No. 3. P. 15–22. (In Russ.)

Polukhina Ye. V. (ed.) (2023) *Praktiki analiza kachestvennykh dannykh v sotsial'nykh nauках: uchebnoe posobiye* [The Practices of Qualitative Data Analysis in Social Sciences: the Textbook]. Moscow: Izd. dom VShE. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2542-5>

Semenova V. V. (1998) *Kachestvennyye metody: vvedeniye v gumanisticheskuyu sotsiologiyu: Uchebnoe posobiye dlya studentov vuzov* [Qualitative methods: Introduction to Humanistic Sociology. Textbook for University Students]. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)

Shteinberg I. Ye. (2020) "Layfkhaki", "how to" i "naputstviya" v uchebnom posobii po sboru dannykh v kachestvennykh issledovaniyakh [Life Hacks, How Tos, and Guides in the Qualitative Research Data Collection Tutorial]. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 3. P. 106–121. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.6>

Vanke A. V., Polukhina Ye. V., Strelnikova A. V. (2020) *Kak sobrat dannyye v polevom kachestvennom issledovanii* [How to Collect Data in Qualitative Field Research]. Moscow: Izd. dom VShE. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8>

Yadov V. A. (1972) *Sotsiologicheskoye issledovaniye: metodologiya, programma, metody* [Sociological Research: Methodology, Program, Methods]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Yadov V. A. (2000) *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya: Opisaniye, ob'yasneniye, ponimaniye sotsial'noy real'nosti* [Strategy of Sociological Research. Description, Explanation, and Understanding of Social Reality]. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)

Author bio:

Larisa E. Petrova — Candidate of Sociology, Professor, Ekaterinburg Academy of Contemporary Art, Ekaterinburg, Russia. **Email:** petrova@eaca.ru. **RSCI Author ID:** 109732; **ORCID ID:** 0000-0003-2981-916X.

Received: 28.03.2023

Accepted: 15.06.2023

Интеракция. Интервью. Интерпретация

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(ЭЛ № ФС 77-73688 от 14 сентября 2018 г.)

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:

Виктория Владимировна Семенова

Редакция:

Александрина Владимировна Ваньке
Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Ответственный секретарь:

Павел Евгеньевич Сушко

Технический редактор:

Ольга Николаевна Салангина

Компьютерная верстка:

Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:

Анна Николаевна Кокарева

Журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация» включен в базу РИНЦ и перечень ВАК.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

2023. Том 15. № 2. Дата выхода в свет 30.06.2023.

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
Тел.: +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, corp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com